

СЛОВЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОТ ИСТОКОВ
ДО РУБЕЖА XIX—XX ВЕКОВ

СЛОВЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОТ ИСТОКОВ
ДО РУБЕЖА XIX—XX ВЕКОВ

Российская академия наук
Институт славяноведения РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
СЛОВЕНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И ИСКУССТВ

СЛОВЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

(ОТ ИСТОКОВ
ДО РУБЕЖА
XIX–XX ВЕКОВ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»
МОСКВА 2010

УДК 821.163.6 (091)
С 48

Издание осуществлено при поддержке
Общественного агентства книги
Республики Словения (ЖАК)

Ответственный редактор:
доктор филологических наук Н. Н. Старикова

Рецензенты:
д.ф.н., профессор Т. Я. Ильина
д.ф.н., профессор А. Г. Машкова

Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков). —
М.: «Индрик», 2010. — 248 с.

Научное издание, созданное словенскими и российскими авторами, знакомит читателя с историей словенской литературы от зарождения письменности до начала XX в. Это первое в отечественной славистике издание, в котором литература Словении представлена как самостоятельный объект анализа. В книге показан путь развития словенской литературы с учетом ее типологических связей с западноевропейскими и славянскими литературами и культурами, представлены важнейшие этапы литературной эволюции: периоды Реформации, Барокко, Нового времени, раскрыты особенности проявления на словенской почве романтизма, реализма, модерна, натурализма, показана динамика синхронизации словенской литературы с общеевропейским литературным движением. Книга адресована филологам, историкам культуры, преподавателям и студентам, всем, кому интересна литература Словении.

Slovenian literature (from the origins till boundary of the XIXth and XXth centuries). Ed. by Nadezhda N. Starikova. — Moscow: Indrik, 2010. — 248 p.

This scientific publication created by Slovene and Russian authors acquaints the reader with history of Slovenian literature from the appearance of a written language till the beginning of the XXth century. This is the first publication in domestic Slavic philology in which the literature of Slovenia is represented as a separate object of analysis. The book shows the way of Slovenian literature in view of its typological connections with Western European and Slavic literatures and cultures and specific key stages of literary evolution: Reformation, Baroque, Modern Times, are shown the features of romanticism, realism, modernism, naturalism manifested on Slovene soil and how Slovenian literature was synchronizing its development with European literary movement. The book is addressed to philologists and historians of culture, teachers and students, to all who are interested in literature of Slovenia.

© С. Гранда (S. Granda), М. Голеш Каучич (M. Golež Kaučič), Й. Фаганел (J. Faganel), Л. Видмар (L. Vidmar), М. Бершадская, М. Рыжова, Н. Старикова, Т. Чепелевская. Текст, 2010
© Институт славяноведения РАН, 2010
© Издательство «Индрик», 2010

ISBN 978-5-91674-105-6

О ГЛАВЛЕНИЕ

<i>Н. Старикова.</i> Введение	7
<i>С. Гранда.</i> Краткий очерк истории словенцев. (Авторизованный перевод Г.Замятиной)	15
<i>М. Голеш Каучич.</i> Народное поэтическое и эпическое творчество. (Авторизованный перевод Г.Замятиной)	53
Часть I. От Средневековья к Новому времени: X в. — середина XVIII в.	83
<i>Й. Фаганел, Н. Старикова.</i> Период древних письменных памятников (X–XV вв.). (Перевод словенской части <i>Н. Стариковой</i>).	85
<i>Й. Фаганел, Н. Старикова.</i> Литература эпохи Реформации (вторая половина XVI в.). (Перевод словенской части <i>Н. Стариковой</i>).	91
<i>Й. Фаганел, Л. Видмар.</i> Литература барокко (вторая половина XVII — середина XVIII в.). (Авторизованный перевод <i>Н. Стариковой</i>)	97
Часть II. Литература Нового времени. Вторая половина XVIII в. — 80-е гг. XIX в.	109
<i>Т. Чепелевская.</i> Литература эпохи Просвещения и романтизма (вторая половина XVIII в. — первая половина XIX в.).	111
<i>М. Бершадская.</i> Литература между романтизмом и реализмом (50-е — 80-е гг. XIX в.).	153

Часть III. Литература на рубеже XIX–XX вв. (1890–1918)	185
<i>М. Рыжова</i> . Реализм, натурализм, модерн	187
Приложение	227
Избранная библиография	235
Именной указатель	239
Коротко об авторах	247

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга освещает историю словенской литературы от момента зарождения до рубежа XIX–XX вв. Впервые в российской славистике литература Словении, сыгравшая значительную роль в процессе формирования национального самосознания словенского народа и во многом способствовавшая обретению им в 1991 г. независимости, представлена как самостоятельный объект описания и анализа¹. В труде, подготовленном коллективом российских и словенских ученых, после разделов, освещающих словенскую историю и фольклор, представлены этапы литературного процесса с учетом его специфики, выделены наиболее значительные имена и произведения. Согласно смене исторических и социокультурных эпох и литературных направлений, материал композиционно распределен следующим образом: первая часть «От Средневековья к Новому времени. X в. — середина XVIII в.» включает главы, посвященные периоду древних письменных памятников, литературе Реформации и барокко. Вторая часть «Литература Нового времени. Вторая половина XVIII в. — 80-е гг. XIX в.» содержит главы о литературе эпохи Просвещения, Романтизма и становлении реализма, в третьей части «Литература на рубеже XIX–XX вв. (1890–1918)» прослеживается вступление литературы в двадцатое столетие.

Словенские земли, лежащие на границе четырех европейских природных регионов (Альпы, Паннонская низменность,

1 В фундаментальных «Истории славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича (СПб., 1879. Т. 1; 1881. Т. 2) и «Истории литератур западных и южных славян» (М., 1997. Т. 1, 2; 2001. Т. 3) словенская литература рассматривалась в ряду других славянских литератур.

Динарские горы и Средиземноморье), связывают Балканы с Центральной Европой; они были и остаются транспортным перекрестком северной Адриатики. Специфика географического положения, которое являлось предметом постоянного агрессивного внимания соседей, стала одной из причин длительного подчинения словенцев более сильным государствам.

Предки современных словенцев поселились в восточно-альпийских областях в середине VI в. н. э. К 620 году они объединились в древнее государство Карантания, просуществовавшее почти столетие. Опасаясь нападений аваров², карантанцы в середине VIII в. обратились за помощью к соседям-баварцам, которые превратили их в своих вассалов и обратили в христианство. С разделением церкви словенцы попадают в сферу римско-католического влияния, становятся частью *Rex Slavia Latina*, что в дальнейшем обусловило характер и особенности национального культурного развития.

В 788 г. баварское государство, в состав которого уже входила вассальная Карантания, подчиняют себе франки. Восточное государство франков, вошедшее в 953 г. в Священную Римскую империю, создает на своих юго-восточных границах систему пограничных областей, ставших в позднем Средневековье словенскими историческими областями. Более тысячи лет словенская этническая общность не только не имела собственной государственности, но даже не являлась единой административной единицей, относились к разным воеводствам, маркам, графствам, входившим в состав мультинациональных империй (Священная Римская империя, Габсбургская империя) и государств (Австро-Венгрия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Социалистическая Федеративная Республика Югославия). В XIX в. словенские исторические области Каринтия, Штирия, Крайна, Гориция, Триестская область и Истрия были разделены между шестью провинциями монархии Габсбургов, и только в двух словенцы представляли большинство населения. Административная раздробленность явилась одной из главных причин формирования провинциального самосознания. Как отмечает И.В. Чуркина, «словенцы, жившие в провинциях Крайна, Штирия, Каринтия и т. д., чувствовали себя крайнцами, штирийцами, каринтийцами, но не единым народом»³. Другой причиной замедления в раз-

2 Авары (*греч.* Ἀβάροι, Ὀυαρχωννίται; *лат.* *Avari*; *др.-рус.* *обры*) — кочевой народ азиатского происхождения, переселившийся в VI в. в Центральную Европу и создавший там могущественный Аварский каганат (VI–IX вв.).

3 Чуркина И.В. Национально-политические идеи словенцев в

витии культуры была политика германизации, когда «государственная власть... открыто использовалась для торможения и подавления прогрессивных национальных процессов»⁴. Словенское национальное самосознание формировалось в условиях «гетерогенного двуязычия»⁵, в постоянной борьбе за словенский язык, школу, книгу, что не исключало, однако, и большого позитивного значения немецкоязычных культур для словенцев: вплоть до начала XX в. знакомство с достижениями мировой науки и культуры осуществлялось в Словении посредством немецкого языка, а Венский университет стал колыбелью для большинства выдающихся словенских деятелей XVIII–XIX вв.

Словенская литература в процессе эволюции от зарождения до формирования системы жанров к концу XIX в. прошла ряд этапов, связанных с ходом европейской истории и сопоставимых с судьбами других европейских, в том числе славянских, литератур. Как и для многих из них, важнейшим для словенской словесности на протяжении столетий оставался вопрос сохранности и целостности родного языка. Основой словенской национальной традиции стало, в первую очередь, сознание своей языковой самобытности. «В условиях относительно ограниченных внутриэтнических экономических связей ... и этнического единообразия территории общность литературного языка приобретала исключительное значение»⁶. Главным следствием христианизации предков словенцев в VIII в. стало их приобщение к латинославянской культурной зоне. Словенский язык вынужден был пройти через серьезные испытания: его литературно-письменная традиция была в период с XI по XVI век прервана в своем развитии. Основы словенского литературно-письменного языка были заложены в XVI в. в период европейской Реформации. Благодаря деятельности протестантов словенцы получают полный перевод Библии и первую грамматику (1584). В период барокко духовная культура Словении тесно связана с западноевропейскими религиозными движениями и испытывает влияние контрреформации. Литературно-письменная традиция развивается в религи-

1848 — начале 70-х годов XIX в. // *Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе*. М., 1981. С. 323.

4 Фрейдзон В.И. Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи // Там же. С. 40.

5 Толстой Н.И. Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале сербскохорватского, болгарского и словенского языков) // Там же. С. 124.

6 Фрейдзон В.И. Там же. С. 41.

озном русле, литературное творчество носит по преимуществу религиозно-этический и дидактический характер. В эпоху просвещенного абсолютизма с проникновением в словенскую культуру просветительских идей художественное слово на родном языке снова активизируется, появляются первое периодическое издание (1779) и первый сборник светской поэзии (1806). В последней трети XVIII в. одновременно со становлением движения национального возрождения ускоряется и интенсифицируется литературный процесс, развиваются газетное дело и журналистика, открываются библиотеки, театральные и культурные общества.

Борьба за национальное самоопределение, за равноправие словенцев среди других народов, за развитие национального языка и культуры ускорила переход от религиозного к светскому типу сознания. В годы существования Иллирийских провинций (1809–1813), когда «кодификация общенационального литературного языка и преподавание на нем в школах, выход в свет грамматик и словарей ... знаменовали крупный шаг... в консолидации нации»⁷, создаются предпосылки для формирования национальной модели романтизма.

Период романтизма в словенской литературе стал не только проверкой языковой и культурной жизнеспособности нации, но и эпохой секуляризации, временем освобождения личности от предрассудков, от целой системы ограничений, временем ниспровержения авторитетов. Ставшее более доступным образование начало формировать общественное сознание и массовую культуру, а литература к началу XIX в. получила новый, особый социально-языковой статус. Художественное слово постепенно выходило за рамки культурного опыта определенного социального слоя, отвоевывая место, прежде принадлежавшее религии. Словенская романтическая поэзия стремилась через слово привить читателям вкус к новой литературной эстетике, к ее особому миру жанров и стилей. Начиная с романтизма, литературный процесс активно дифференцируется, актуальным становится принцип свободы творчества, поиск новых эстетических ориентиров. Наряду с творчески созидательной расширяется и действие комплементарной функции, дополняющей национальный опыт опытом зарубежных литератур.

Вектор развития романтической литературы в Словении определило творчество Ф. Прешерна, талант которого сопоставим с творчеством его великих предшественников и современ-

7 Там же.

ников: «То, что для англичан Шекспир, для французов Расин, для итальянцев Данте, для немцев Гёте, для русских Пушкин, для поляков Мицкевич, — для словенцев Прешерн», — писал литератор Й. Стритар⁸. Благодаря глубине поставленных философских вопросов, лиризму мироощущения, выразительности и отточенности формы поэзия Прешерна имеет огромное значение для самого факта существования словенской литературы. Он оказался в прямом смысле слова первопроходцем, ибо осваивал мастерство художественного слова, не имея за плечами не только прочной литературной традиции, но даже общенационального литературного языка. Соединив высокий слог европейского романтизма и родной для него гореньский диалект, поэт создал лирику широчайшего диапазона — от веселого амфибрахия анакреонтических стихов до таких изысканных форм мировой поэзии, как сонет и газель, освоил жанр эпической поэмы. Он первым начал отстаивать право на свободу творчества и одним из первых не только заговорил о необходимости создания национальной литературы, соответствующей мировым образцам, но и воплотил эти идеи в жизнь. В дальнейшем спор о том, какой путь должна избрать литература: религиозно-дидактический или высокохудожественный, на кого ориентироваться: на читателя из народа или на образованную аудиторию, не утихал несколько десятилетий.

После революции 1848 г. в Словении происходят серьезные общественно-политические и экономические изменения. Под натиском наступающих буржуазных отношений село разорялось и сельское население мигрировало в города. Там, в свою очередь, шло политическое и социальное расслоение горожан, что вело к усилению роли различных движений в общественной жизни и ее политизации. В этой атмосфере оказались востребованными идеи русских революционных демократов. Теоретические и литературно-критические работы Добролюбова, Чернышевского, Писарева и сама русская литература использовались словенскими культурными деятелями в борьбе за утверждение реалистического художественного мышления, за превращение литературы в одно из активнейших средств общественного влияния. «Путешествие из Литии в Чатеж» Ф. Левстика (1858) и «Наш кругозор» Ф. Целестина (1883) стали своеобразными манифестами реализма. При этом литературная критика несколько опередила художественную практику: реалистические тенденции в 1850–80-е гг. сосуществовали в словенской литературе с элементами

8 Stritar J. Pravo Prešernovo življenje pa so njegove poezije// Mušič J. Sodobniki o Dr. Francetu Prešernu. Ljubljana, 1989. S. 78.

романтизма. Пробел между теорией и практикой некоторое время восполнялся переводами зарубежных, в том числе русских авторов. Во второй половине XIX в. были переведены многие произведения Н.В.Гоголя, И.С.Тургенева, Ф.М.Достоевского. Основы народной жизни, связанные у словенцев с аграрным укладом, выдвинули на первый план сельскую проблематику. В центре внимания большинства писателей-реалистов оказалось разрушение вековых патриархальных устоев и этических норм, обезземеливание крестьянства, эмиграция населения за пределы страны. Приверженность авторов к сельской жизни, чаще всего месту их рождения, обуславливает регионализм реалистической прозы с его повышенным вниманием к природе, быту и языку родного края. Однако включенность в общественную жизнь, приверженность общегуманистическим ценностям и понимание высокой национальной миссии художественной литературы помогли словенским писателям избежать замыкания на местных проблемах и увидеть в них проблемы общенациональные. Нелегким для них стало освобождение от идеализации патриархальной этики. Оно происходило через освещение актуальных проблем капитализации деревни и города, господства бюрократических порядков и институтов, что усиливало острокритическое начало и ускоряло шедшие в самом реализме процессы — его демократизацию, рост аналитического мышления, драматизацию общественных и личных конфликтов и духовных коллизий, расширение палитры изобразительных средств (например, использование сатиры как средства социального анализа).

К концу XIX в. в словенской литературе окончательно складывается система жанров и инфраструктура литературной жизни, словесность упрочивает свое место в общеевропейском культурном контексте. Она не только успешно усваивает опыт «больших» литератур, но и делится с ними своими достижениями. Словенское население активно вовлекается в вихрь капиталистических отношений: развивается буржуазия, растет численность рабочих, происходит массовое разорение мелких собственников. Как отмечает Л.Н.Будагова, «видоизменение структуры патриархальных этносов сказывается на переориентации старых и появлении новых партий и движений»⁹, при этом диапазон общественно-политических концепций и взглядов существенно расширяется. Реакцией на новые противоречия эпохи становятся, с одной стороны, критический взгляд на

9 Будагова Л. Н. Введение. История литератур западных и южных славян. М., 2001. Т. 3. С. 13.

окружающую действительность, с другой — стремление уйти от нее в мир чистого искусства. В первом случае это дает толчок обновлению реализма и развитию натуралистических тенденций, во втором — словенского модерна, несущего в себе элементы декаданса, символизма, импрессионизма. Реалистическая литература, частично освобождаясь от национально охранительного пафоса, наряду с углублением социального анализа, с расширением спектра общественных тем, вплоть до проникновения социалистических идей и зарождения классовой борьбы, все более явно взаимодействует с модернистскими тенденциями, некоторые из которых начинают формироваться в течение. В обновленной реалистической прозе теснейшим образом переплетаются объективно-критическое и субъективно-лирическое начала, натуралистическая жесткость и лиризация.

К началу века относится расцвет творчества выдающегося прозаика и драматурга И.Цанкара, соединившего реалистические традиции с новаторским их обновлением. С деятельностью этого писателя — демократа, которому были близки социалистические идеи, связано существенное обновление словенской литературы на тематическом, жанровом и стилевом уровнях. Многие его реалистические произведения имеют глубокий, отчетливо выраженный социально-критический смысл, а порой превращаются в открытое обличение существующего общественного строя, в обобщенно-символической форме утверждают идею освободительной борьбы пролетариата, революционного переустройства общества. Упрочивая критико-реалистическое начало, Цанкар смело создает свою художественную систему символов, импрессионистических и сатирических элементов, подчиненную глубокому объемному и многоликому изображению жизни своей родины. Его произведения стали определяющими для литературы рубежа XIX–XX вв. — важнейшего этапа в развитии национальной словесности. Этот период характеризуется не только ускорением и усложнением литературного процесса, формированием новых течений и тенденций, но и появлением новых качеств и возможностей. В это время словенская литература вышла на уровень ведущих европейских литератур, именно эти годы во многом определили будущее ее «лицо» в XX в.

Историческая судьба словенского народа стала первопричиной особой миссии, которую осуществляла национальная литература, — осознание единства словенской нации через художественное слово. На протяжении нескольких веков ведущей функцией словенской литературы была национально-охранительная, т. е. вся мощь национальной жизни была сосредоточена в литературе.

Находясь на страже национальных интересов, защищая и культивируя национальные ценности, литература на разных этапах словенской истории, и особенно в ее переломные моменты, с одной стороны, внедряла в общественное сознание различные программы национального возрождения, с другой — стремилась интегрироваться в общеевропейский литературный процесс. В немалой степени благодаря особому положению литературы амортизировался культурный и идеологический прессинг со стороны властей всех государств, в состав которых на протяжении своей истории входила Словения. Прогрессивные идеи литературы и искусства европейского запада и востока, севера и юга, попадая на словенскую почву, проходили проверку национальной доминантой, рассматривающей их, в первую очередь, с точки зрения практических потребностей национальной словесности. Это в частности привело к нарушению классической парадигмы литературного процесса: одновременному проявлению разностадиальных признаков, более позднему овладению некоторыми жанровыми формами, слабой выраженности отдельных художественных направлений.

Однако, несмотря на все объективные и субъективные причины, исторические катаклизмы, неравномерность культурного развития, словенцам удалось сохранить родной язык и национальные традиции и создать литературные произведения, занимающие достойное место в ряду европейских художественных достижений.

От имени авторского коллектива выражаю глубокую благодарность рецензентам книги профессорам Г.Я.Ильиной и А.Т.Машковой, а также сотрудникам Института словенской литературы и литературоведческих наук Научно-исследовательского центра САНИ господам Д. Долинару, М. Ювану, Е. Хабьяну за ценные замечания и советы.

Особая признательность — директору Общественного агентства книги Республики Словения господину С. Преглу за поддержку при осуществлении издания, а также профессору Люблянского университета А. Розману за активное участие в судьбе проекта.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ СЛОВЕНЦЕВ

Словенцы, географически проживающие западнее других славянских народов, заселили окраины бывшей Римской империи на рубеже VI–VII вв. н. э., что в дальнейшем оказало сильное влияние на их экономическое и культурное развитие. На юго-западе границей расселения предков словенцев стало Адриатическое море. На его берегах располагались небольшие городские поселения, в которых проживало романское население. Наиболее важными из них были Копер и Триест. Путь для проникновения на равнины сегодняшней Италии славянам преградили лангобарды, а их расселению по другую сторону дуги Альпийских гор до Дуная воспрепятствовали германские племена, прежде всего баварцы. В период великого переселения народов земли, на которых расселились предки словенцев, вследствие длительного периода миграций различных народов пребывали в экономическом и культурном упадке. Об этом со всей очевидностью свидетельствует судьба древних античных городов, которые в момент своего расцвета в период античности насчитывали по несколько десятков тысяч жителей (например, Птуй), а в эпоху переселения народов пребывали в запустении, хотя и не совсем обезлюдели. В особенности это справедливо для некоторых территорий, находившихся в стороне от основных миграционных путей (Козьянско, Горьянцы, включая север Белой Крайны, между населенными пунктами Требне, Мокроног и г. Ново-Место). Наличие автохтонного романизированного населения, вероятно, еще кельтского происхождения (т. е. проживавшее здесь до 35 г. до н. э., когда эти места были присоединены к Риму), было весьма важным фактором не только в процессе этногенеза словенцев, но и при передаче им разнообразных знаний и навыков: способов ведения хозяйства, некоторых топонимов, в особенности названий крупных рек (Соца, Драва, Сава, Крка,

Колпа и т. д.), музыкальных и фольклорных традиций, а также, конечно, христианства. Относительно непрерывности христианской традиции со времен античности нет единого мнения, однако число аргументов в поддержку этого тезиса растет.

Пространство, заселенное словенцами, точнее — их предками-славянами, в широком смысле слова находится на перекрестке стратегических военных и хозяйственных путей, ведущих из Западной Европы на Балканы и из Паннонской низменности в современную Италию. Заселенное предками словенцев пространство было первоначально существенно больше словенской этнической территории в наши дни, особенно в современной Австрии. Сегодня Словения, если добавить к ней области, населенные представителями словенского национального меньшинства в пограничных районах Италии, Австрии и Венгрии, представляет собой примерно треть первоначально заселенных словенцами земель. За исключением горных областей и местности с ярко выраженной карстовой структурой почв, эта территория пригодна для ведения сельского хозяйства, развития животноводства и виноградарства. Относительно богата она была и некоторыми природными ископаемыми. До середины XIX в. здесь добывали достаточно много железной руды, свинца и сопутствующих ему цветных металлов. В конце XV в. важной отраслью становится добыча ртути (Идрия), а с середины XIX в. — угля. Добыча ртути, угля и свинца теперь в значительной мере ушла в прошлое. Важным промыслом было также производство стекла из кремниевого песка.

В прошлом люди, чтобы выжить, должны были комбинировать различные аграрные и неаграрные виды хозяйственной деятельности, связанные с транспортными путями между Адриатическим морем и прилегающими к нему континентальными областями, между постоянно нуждавшейся в продовольствии Италией и стремившимися получить доступ к производимым на Апеннинском полуострове предметам роскоши придунайскими землями.

Уже в первой половине VII в. большинство словенцев вошли в племенной союз Само — старейшее славянское государственное образование между Эльбой и хребтом Караванки. Принято считать, что Само был франкским торговцем. Географическое расположение его королевства, имевшего свой центр на территории современной Словакии к северу от Дуная, позволяет думать о том, что его населял тогда еще единый славянский этнос. Позднее история разделила этот этнос, и о прошлых связях населяющих эти земли народов напоминают лишь похожие названия: Словакия, Славония и Словения.

Частью племенного союза Само было также первое средневековое племенное образование на территории Восточных Альп — Карантания, где правил князь Валук (626–650). На возникновение этого княжества помимо наличия у него естественных границ, несомненно, оказало влияние и историческое наследие — ранее существовавшие здесь крупные экономические и политико-религиозные центры. В период раннего и частично высокого средневековья это было самое значительное политическое образование, в котором проживало словенское население. Княжество объединяло альпийских и паннонских словенцев. Его центром был Крнский замок. Там вплоть до 1414 года проходил проводившийся на словенском языке знаменитый обряд возведения на престол сначала карантанских князей, а затем каринтийских герцогов. У расположенной неподалеку церкви, называемой «Святая Госпожа» (Gospa Sveta), на Госпосветском поле находился также религиозный центр.

После смерти Само в 658 г. Карантания, окруженная со всех сторон хребтами Восточных Альп, стала самостоятельным удельным княжеством, которому требовалась помощь и защита со стороны баварцев или франков в связи с наступлением на ее восточные границы аваров, с которыми франки окончательно расправились в конце VIII в. Восстание Людевита Посавского в 819–823 гг. показало непрочность восточной границы франкского государства. После подавления восстания были упразднены княжества с их внутренней автономией и введено деление на края, или марки, власть над которыми феодалы получали из рук короля — императора Священной Римской империи германской нации.

Хотя христианство уже было распространено среди автохтонного населения и, скорее всего, от него пришло к недавно поселившимся здесь славянам, возникла необходимость создания новой церковной организации. Почву для этого в первой половине VII в. отчасти подготовили ирландские миссионеры. Исключительно важную роль при этом сыграл Зальцбург, откуда епископом Виргилием к карантанским славянам был послан епископ Модест, похороненный затем в старом церковном центре у «Святой Госпожи». С ним пришло и несколько монахов. Важное значение имели миссионерские монастыри, расположенные от Штивана близ Триеста до Иннихена и других городов на западной границе словенской этнической территории. В 807 г. Зальцбург получил статус архиепископства. С историей Зальцбургской митрополии связано образование исключительно важных для словенцев епископств Пассау, Фрейзинг, позд-

нее Гурк (словен. Крка), ныне Клагенфурт (словен. Целовец), Зеккау (ныне Грац) и Лавант (ныне Марибор).

В этот наиболее ранний период христианизации и создания церковной организации в конце VIII — IX вв. возникли тексты, ставшие основой «Фрейзингенских отрывков».

К югу от Альп важным церковным центром был древний античный город Аквилея (словен. Оглей). Здесь возник Аквилейский патриархат, просуществовавший до 1750 г. Чтобы между этими двумя мощными центрами не возникло территориальных споров, еще Карл Великий в 811 г. определил, что граница между ними будет проходить по реке Драве.

Епископства Пассау и Зальцбург после 862 г. вступили в конфликт с моравскими славянами и их князем Ростиславом, который решил организовать собственный церковный центр, опираясь на поддержку византийского императора Михаила III. Из Константинополя к нему направили братьев Константина (Кирилла) и Мефодия — высокообразованных теологов и знатоков славянского языка. В Моравию они привезли с собой систему письма — глаголицу и евангелистар¹, которые должны были помочь организовать богослужение на славянском языке. Там ими были переведены также другие богослужebные книги. Отправившись затем в Рим для получения согласия папы на ведение богослужения на славянском языке, братья по пути остановились у князя, одновременно франкского графа, Коцеля (Коцела) в Нижней Паннонии, который стал одним из горячих приверженцев славянского богослужения. В 868 г. Константин и Мефодий были приняты папой Адрианом II и получили его поддержку. Константин в Риме принял монашество под именем Кирилл. В год его смерти — 869 г. — Нижняя Паннония после восстания стала независимой, и князь Коцель (Коцел) хотел также добиться церковной независимости, поэтому он попросил папу рукоположить вернувшегося Мефодия в архиепископы. Возведение Мефодия в сан архиепископа усугубило политический конфликт с германскими епископами, которые в 870–873 гг. сумели обманом даже заключить Мефодия под стражу. После вмешательства папы он был отпущен, трудился далее и в 885 г. скончался в Моравии. В последующие годы германские епископы и отстаиваемое ими богослужение на латинском языке победили, и ученики Мефодия вынуждены были бежать. Часть их удалилась в Далмацию, где так называемые глаголяши

1 Евангелистар — литургические книги, составленные из текстов, читающихся в воскресные и праздничные дни (*прим. ред.*).

с тех пор использовали при богослужении староцерковнославянский язык. Славянское богослужение позднее распространилось также на некоторые пограничные области Словении, в том числе за пределами полуострова Истрия.

Кирилл и Мефодий являются для словенцев важными историческими фигурами не только благодаря своей религиозной и культурной деятельности. Многие столетия спустя их миссия стала рассматриваться как стимул для развития словенского национального самосознания. Отношение германских епископов к Мефодию стало символом германского вероломства. Культ славянских просветителей был популярен в конце периода средневековья: во времена сторонника Контрреформации епископа Т.Хрена Кириллу и Мефодию был посвящен словенский алтарь в Кельне.

Процесс поступательного культурного развития, становления политической и религиозной организации словенцев был прерван в конце IX — начале X в. вторжениями венгров, которые не только уничтожили труды славянских братьев на территории Паннонии, но также вызвали тяжелые непоправимые последствия для всех словенцев. После прекращения венгерских набегов и создания венгерского государства были окончательно прерваны непосредственные территориальные контакты с родственными племенами на территории современных Чехии и Словакии, граница отделила словенцев также от Славонии. Культура, политическая система и этногенез родственных племен стали развиваться самостоятельными путями.

После поражения венгров от Оттона I в Аугсбургской битве в 955 г. необходимо было вновь восстановить церковную и политическую систему. Германское государство на востоке ввело новую организацию — деление на земли, или марки. Было создано и церковное управление, что еще более усилило значение подчиненных Зальцбургу епископств. Они как феодальные княжества получили значительные территории, в том числе к югу от Дравы. Около города Шкофья-Лока возникло самое крупное единое феодальное владение в Словении, подчиненное епископству Фрейзинг в Баварии. При нем для словенских верующих (а их у этого епископства было немало в различных областях словенской этнической территории, прежде всего в Каринтии) были созданы «Фрейзингенские отрывки».

Главами новых административных единиц, ставших после 962 г. частью Германской империи, правители назначали представителей семейств верного им дворянства, прежде всего из Баварии. Члены этих графских семейств давали на правах феодальной собственности небольшие земельные владения фео-

лам более низкого ранга. После 1000 г. символом феодала стал замок.

У словенцев вплоть до недавнего времени исключительной популярностью пользовалась предположительно первая словенская святая — Гемма Гуркская (Hema Krška). Она происходила из влиятельной знатной семьи, имевшей ряд земельных владений от Фриули до Дуная, в том числе в землях, населенных словенцами. Центральная часть этих владений располагалась в Каринтии и Штирии. Ее муж Вильем стоял во главе Савиньской марки, которая охватывала бассейн р. Савиньи и значительную часть современной Нижней Крайны. Гемма состояла в родстве с Прибиной и его сыном Коцелем из Нижней Паннонии. Поскольку ее муж и сыновья пали в династических битвах с другими крупными феодалами, она, хотя и была одной из богатейших женщин своего времени, решила уйти в монастырь, основанный ею в 1043 г. в Гурке (словен. Krke) в Каринтии. Постройки этого позднее закрытого монастыря стали основой создания там епископства. Из круга родственников Геммы — рода Асквинских — произошли многие аристократические фамилии (Вишньегорские, Свибеньские, Цельские и др.), оставившие яркий след в средневековой истории Словении.

Феодализм, основы которого были заложены еще франками, начал развиваться в Словении по немецкому образцу. Основной хозяйственной единицей было земельное владение, которое одновременно являлось единицей административного управления и судебной власти. Некоторое количество земли обрабатывалось непосредственно под началом феодалов, в основном же земельные угодья состояли из наделов зависимых крестьян. Размер таких наделов не был точно определен. Зависимые крестьяне могли иметь столько земли, сколько было нужно для того, чтобы прокормить всех членов крестьянской семьи, платить подати землевладельцам и церкви и одновременно обеспечивать определенное экономическое развитие. В последующие столетия крестьянские наделы все время делились на более мелкие участки земли. Так, например, к XIX в. среднее землевладение составляло в Словении половину крестьянского надела.

Поскольку в некоторых областях в границах словенской этнической территории ощущался недостаток населения для осуществления внутренней колонизации, крупные феодалы, владельцы огромных поместий, родом в большинстве своем из Баварии, привозили крестьян из своих владений в западной Баварии и восточном Тироле. Те, кто был индивидуально или

небольшими группами поселен среди словенцев, вскоре ословенились, и об их происхождении напоминают лишь некоторые топонимы (названия местностей и деревень), например, Немшка-вас (немецкая деревня) и фамилии. Крупные ареалы немецкоязычного населения, например, в горных окрестностях города Шкофья-Лока, к востоку от Толмина (Башка-Грапа) и в Кочевье, сохранялись еще в первой половине XX в. Последний такой анклав с центром в Кочевье (кочевары) исчез только зимой 1941–1942 гг., когда немецкоязычное население было выселено с этой территории на основании соглашения между оккупировавшими территорию Словении Италией и Германией.

После Карантании о какой бы то ни было словенской автономии речь не шла. Часть словенской аристократии (ее численность неизвестна), как показывает род предположительно первой словенской святой Геммы и ее мужа, вступила в семейные связи с новыми аристократическими родами, посланными в словенские земли германскими императорами. Другая часть исчезла. Окончательно еще не прояснена роль и судьба косезов² — предположительно членов военной дружины карантанских князей, о которых до сих пор напоминают некоторые топонимы. Вероятно, часть их стала дворянами более низкого ранга, часть окрестьянилась.

Несловенская аристократия, как светская, так и духовная (князья-епископы, наместники больших монастырей), играла на территории Словении весьма важную роль. Об этом особенно ярко свидетельствует процесс основания монастырей, строя которые, аристократы, с одной стороны, хотели оставить о себе память, а с другой — укрепить мощь и авторитет своего семейства. Горожане и крестьяне, как и незначительный слой лично свободных, не могли играть значительную роль в политике и экономике. Поскольку на территориях, где жили словенцы, не возникло крупных городов, а в существовавших не было епископских кафедр (исключение — Копер и Триест), центрами развития культуры стали монастыри. В них в весьма ранний период появились ростки высшего образования, правда, для собственных нужд церкви, их культурный потенциал распространялся далеко за пределы монастырских стен. К бенедиктинским

2 Косезы в словенском обществе периода раннего Средневековья — особая прослойка, занимавшая привилегированное положение по отношению к остальной массе крестьян: они были лично свободны, имели свой суд и пользовались правом носить оружие (*прим. ред.*).

монастырям Рожац, Мужац, Милльштатт, Осойе, Подклоштер, Шент-Павел (основаны около 1100) и Горни-Град (1140), вскоре добавились цистерцианские в Стичне (1135), Костаньевице-на-Крке (1234) и Ветринье-на-Корошкем (1142), а также Моноштре в Венгрии (1183). Цистерцианцы, придававшие большое значение ремеслам, развивали животноводство, транспорт, торговлю, внесли большой вклад в экономику близлежащих территорий, поскольку их монастырские владения были весьма обширными. Исключительное культурное значение для словенцев имел бенедиктинский монастырь в Шент-Павле и цистерцианские монастыри, активно занимавшиеся духовным окормлением населения. О значении монастырей ярко свидетельствует «Стичненская рукопись» (Stiški rokopis). За ними последовало основание картузианских монастырей, которые не оказали такого большого культурного влияния на местное население, но зато стали важным связующим звеном с культурными центрами Западной Европы. Особо следует выделить картузианский монастырь в Жиче, основанный около 1160 г., и открытый примерно на десять лет позднее Юрклоштер. Исключительно богатыми были их библиотеки, в них были созданы несколько важных произведений латинской и немецкой средневековой литературы, среди монахов этих монастырей выделяются некоторые весьма влиятельные люди того времени (личный секретарь св. Катарины Сиенской).

Женские монастыри также являлись важными культурными центрами, однако значение их трудно сравнить с бенедиктинскими или цистерцианскими. Например, наследие доминиканского монастыря в Велесово состоит, прежде всего, в хорошо сохранившихся средневековых рукописях, которые дают возможность изучать особенности средневекового словенского общества.

Активно действовали на словенских землях рыцарские ордена, особенно мальтийский и орден крестоносцев. Последний, под названием Немецкий орден³, появился здесь в первой половине XIII в. в Штирии — в окрестностях Орможа, а также в Белой Крайне. Позднее крестоносцы расширили свою деятельность внутри Словении, в том числе в Любляне. Они охраняли границу с Венгрией и занимались связанной с этим колонизацией пограничных областей. Большое внимание крестоносцы уделяли также проблемам здравоохранения,

3 В русской историографии орден получил имя Тевтонский (прим. ред.).

ведь именно через территорию Венгрии в габсбургские земли проникали многочисленные заразные болезни, опасные для человека и животных.

Принципиальной была роль аристократии при формировании отдельных земель, которые образовались на основе крупных землевладений наиболее влиятельных феодальных семейств. У аристократии были собственные парламенты — «земельные сословия», которые давали согласие на сбор налогов и военную помощь правителю, имели собственный суд. Герцогство Каринтия возникло уже в 976 г. Наиболее показательным было возникновение и развитие Штирии, путь которой впоследствии при создании правовых актов и построении земельной автономии копировали и остальные земли. Название замка Штайр⁴, принадлежавшего Оттокарам, во время их правления дало имя всей территории — Штирия, в 1180 г. ставшей герцогством. К тому времени уже было создано штирийское земельное право, легшее в основу земельной автономии. После Оттакаров в 1192 г. их место на основе договора о наследовании заняли Бабенберги, влияние которых возрастало, благодаря заключению брачных уз с представительницами византийского двора. Этот исключительно важный род не только заложил фундамент Австрии, но способствовал расширению площади Штирии. Во времена правления Бабенбергов на территории нынешней Словении сформировалась штирийско-венгерская граница. Грац наряду с Веной стал одним из самых значимых городов и в последующие годы часто выполнял роль главного города так называемой Внутренней Австрии, включавшей земли со словенским населением. После заката династии Бабенбергов Штирия в 1282 г. перешла в руки Габсбургов.

Говоря о весьма могущественной в европейском масштабе династии Бабенбергов, имевших владения и в других областях нынешней словенской территории, стоит заметить, что один из них — Леопольд V — во время Третьего крестового похода в 1190–1191 гг. вступил в конфликт с английским королем Ричардом Львиное Сердце, взял его под стражу, когда тот возвращался на родину, и держал в заключении в одном из замков, предположительно на словенской этнической территории. На время правления Леопольда VI Бабенберга в XIII в. приходится период культурного расцвета. К его двору принадлежал и знаменитый странствующий рыцарь и поэт-миннезингер Ульрих фон

4 Steiermark, т. е. марка (пограничное владение) господ Штайра (прим. ред.).

Лихтенштейн, которого при его прибытии в Каринтию в 1227 г. тамошний герцог Бернгард Шпангейм приветствовал фразой на словенском языке: «Buge waz primi, gralva Venus!» («Прими вас Бог, королева Венера!»). Это указывает не только на то, что высшие круги аристократии знали словенский язык, но и на то, что он имел статус земельного языка.

В Каринтии и Крайне было немало знатных родов. Стоит упомянуть род Шпангеймов, в XII–XIII вв. внесший большой вклад в развитие обеих земель, участвовавший в основании многих городов и монастырей, в том числе Любляны, монастыря Костаньевица и др. В 1269 г. род прервался, и началась борьба за его наследство. В нее включился также чешский король Оттокар II Пржемысл, который попытался утвердить свою власть непосредственно с помощью военной силы. Поскольку он воевал и в других словенских землях против Габсбургов, это породило миф о его политических планах создания словенского или славянского государства на территории нынешней Словении. После военного поражения Оттокара II Пржемысла Каринтия и Крайна в 1282 г. попали под власть Габсбургов, которые еще несколько десятилетий не могли утвердиться в этих землях, поскольку имели слишком сильных конкурентов в лице графов Горицких и Цельских.

Графы Горицкие обосновались на словенской территории на службе у аквилейских патриархов в качестве их светских представителей (фогтов). Они принимали участие в делах Каринтии, Истрии, нижнекрайных и белокрайных областях Крайны, где построили много замков и даже основали несколько городов. Им удалось полностью избавиться от зависимости от аквилейских патриархов и создать землю Гориция, перешедшую в руки Габсбургов после 1500 г., когда этот род угас.

Благодаря своим родственным связям и реальной политической силе на территориях от Польши и Венгрии до Боснии и Сербии в период позднего Средневековья в Словении исключительную роль играли графы Цельские, которые вели свое происхождение от св. Геммы и унаследовали часть ее обширных владений. С помощью ловкой политики заключения браков их влияние начало быстро расти в XIV в. Признав в 1308 г. вассальную зависимость от Габсбургов, получив наследство, в том числе и от такой влиятельной династии, как Ортенбурги, графы Цельские существенно увеличили свои владения на словенской территории. Богатство их росло также за счет военного наемничества, влияние в обществе постепенно укреплялось. Меняя союзников и разыгрывая антигабсбургскую карту, они в период правления германского императора Карла IV Люксембурга по-

лучили титул государственных князей. Все указывало на то, что внутри габсбургских владений (Габсбурги должны были отдать им огромную территорию в аренду, под залог или дать в феоде) графы Цельские намеревались создать собственное государство, поскольку для этого существовали и некоторые правовые основания. Это вызвало прямой конфликт с Габсбургами, ставший причиной прекращения в 1456 г. рода Цельских. Родственные связи с польскими Ягеллонами и особенно с сербскими и боснийскими правителями, а также непосредственная вовлеченность графов Цельских в венгерские и хорватские политические интриги породили в XX в. миф о них как о славянском роде. Однако политика этой династии была типично феодальной, в ней не было никакого национального подтекста.

Славяне населяли территории, примыкавшие к городам полуострова Истрия. Здесь они вступили в контакт с византийцами, затем должны были подчиниться власти франков, а затем Священной Римской империи германской нации. Приморские города вскоре попали под власть Венеции и оставались в таком состоянии до 1797 г. Во внутренней части полуострова Истрия, на его северо-востоке, как отдельная земля сформировалось графство Истрия. После аквилейских патриархов здесь обосновалась истрийская ветвь графов Горицких. От них власть перешла к Габсбургам. Истрия была для словенцев важна не только из-за своего приморского географического положения, но также потому, что в одном из ее малых городов — Пичане — находилась епископская кафедра, которая вплоть до создания в 1461 г. люблянского епископства играла важную роль в церковной организации на территории к югу от Дравы. Габсбурги же до 1420 г., когда прекратила свое существование светская власть аквилейских патриархов, да и позднее, вплоть до упразднения в 1750 г. Аквилейского патриархата стремились ограничить его власть, рассматривая аквилейских патриархов как враждебных конкурентов.

В части Гориции и в западной Истрии социальное развитие общества шло несколько иным путем, чем в других населенных словенцами землях. В некоторых местах здесь еще со времен античности сохранился институт колонов⁵, да и ари-

5 Колон (лат. *colonus, coloni*) — полувисимый крестьянин в Римской империи времен упадка. Наибольшее распространение колоны как социально-экономический класс граждан получили в Западной Римской империи, где фактически стали предшественниками зависимых крестьян времен классического феодализма (*прим. ред.*).

стократия проживала не в сельской местности, а в городах, получая ренту.

В Новое время в словенской культурной и экономической жизни существенную роль начал играть Триест. Название этого города, вероятно, имеет еще доримское происхождение. После римлян здесь правили готы, византийцы, лангобарды и франки. В период между 948 и 1295 гг. город находился под властью местного епископа. В 1382 г. он перешел к Габсбургам и тем самым избежал возможной экспансии со стороны Венеции. Исторически в старой части города проживало исключительно романское население, словенцы жили в окрестностях. Их присутствие становилось все более заметным и в городе, где появлялась конкуренция со стороны представителей других народов Средиземноморья (в том числе евреев), и во внутренней, континентальной части. Триест был полиэтническим и поликонфессиональным местом. В XVIII в. благодаря быстрому экономическому развитию он получил статус «города прямого государственного подчинения», с административной точки зрения аналогичный статусу таких земель, как Крайна и Каринтия.

Возникновение земель, своего рода государственных единиц, имевших собственные (аристократические) конституции, собственные правовые системы, собственные парламенты («земельные сословия»), в работе которых принимали участие представители высшей и низшей аристократии, высшего духовенства и городов, появление собственных правителей — земельных князей, которые одновременно могли быть немецкими королями и даже германскими императорами, представляет собой фундаментальную проблему для понимания словенской истории и истории культуры. Словенцы в течение столетий не имели ни одной общей институции, ни светской, ни церковной, которая объединяла бы их как нацию. Особое словенское право исчезло на ранних исторических этапах или же стало частью земельных систем права. Поскольку земли были носителями аристократической автономии, это в политическом смысле защищало их границы и поддерживало расчлененность словенской этнической территории. По существу, единственное, что объединяло словенцев, — это словенский язык, связывавший их между собой и отличавший от соседей. Несмотря на то что богослужение в католической церкви велось на латинском языке, использование родного языка населения было необходимо при катехизации, во многом благодаря катехизису словенский язык сохранялся и приспосабливался к непростым историческим обстоятельствам.

Национальный состав не оказывал влияния на формирование земель. Только Крайна и Гориция были землями, где прожи-

вало почти исключительно словенское население. В Каринтии и Штирии словенцы составляли треть жителей. И хотя сами названия Горица и Грац (словен. Градец) указывают на то, что эти города были основаны словенцами, вскоре они стали центрами несловенской культуры, а Грац даже утратил контакт со словенской этнической территорией.

Вне габсбургских земель на западе оказались венецианские словенцы и резьяне, которые сначала жили под властью лангобардов, а затем аквилейского патриархата. После упразднения его светской власти они попали под власть Венеции. У венецианских словенцев, правда, была своего рода локальная автономия, но за это они должны были охранять границу Венецианской республики. После падения наполеоновского Итальянского королевства, в 1814 г. они попали под власть Австрии и оставались там до 1866 г., т. е. до присоединения к Итальянскому королевству. Таким образом, с 1814 г. по 1866 г. большая часть словенцев после более чем тысячелетнего перерыва проживала в одном государстве.

Прекмурцы — словенцы, обитавшие на северо-востоке между реками Мурой и Рабой, имели свой особый путь развития. В IX в. эта территория входила в княжество Нижняя Паннония, где правили моравские князья Прибина и Коцель. С образованием венгерского государства в конце XI в. они попали под его власть. В 1526 г. после распада Венгрии эта территория перешла к Габсбургам. Здесь не возникло земель, а были созданы две области (жупании): Зала (венг. Залавар, позднее Залаэгерсег) и Вас (венг. Вашвар). Феодальное развитие также отличалось от ситуации в остальных словенских землях. Землевладельцы были в основном венгерского происхождения. В церковном отношении они были в XI в. подчинены епископству в Загребе, позднее входили частично в епископство Дьёр, а в XVIII в. — Сомбатхей. Только после Первой мировой войны большинство прекмурцев были объединены с остальными словенцами в рамках одного государства, некоторая же их часть, называемая порабские (т. е. живущие на берегах реки Рабы) словенцы, осталась в составе Венгрии.

Для словенской этнической территории характерны три основных типа населенных пунктов: деревни (vasi), поселения (trgi) и города (mesta). Интересен вывод археологов о том, что заселение сельской местности было достаточно плотным уже в бронзовом веке и его можно сравнивать с плотностью позднейшего средневекового заселения. Эти территории впоследствии никогда не были совсем обезлюдевшими, но определенные области, прежде всего вдоль направлений движения

миграционных потоков в беспокойные времена, пустели. На возникновение позднейших центров, а также первых базовых единиц церковно-административного деления, то есть приходов, могло оказать влияние и античное наследие.

Деревни в Словении — это ярко выраженные аграрные поселения, их форма и размеры зависели от площади обрабатываемых земель, лугов и виноградников. Виноградники и луга всегда находились в индивидуальной собственности, коллективной собственностью могли быть только леса или пастбища. Во главе деревни стоял жупан, который был, с одной стороны, посредником между землевладельцами и их подданными, а с другой — руководителем деревенского самоуправления. С помощью помощников-заседателей (словен. *soprisedniki*) он занимался управлением общинным имуществом (перелесками, родниками, дорогами и пр.) и осуществлял на низшей ступени административную и судебную власть. Менее крупное, чем деревня, поселение — хутор (словен. *selo*) — состояло обычно из отдельных крестьянских подворий. Помимо сельского хозяйства в деревнях часть крестьян, прежде всего небогатых, была занята домашним ремеслом или нанималась в услужение. Важным источником существования, а также причиной споров с землевладельцами, особенно горожанами, была также деревенская торговля, иногда запрещенная (контрабанда), которую в словенской литературе олицетворяет образ Мартина Крпана⁶.

По правовому положению жителей от деревень отличались поселения (*trgi*), неаграрные населенные пункты с правом проведения ярмарок, то есть торговли. Они находились в собственности землевладельцев или земельных князей, дававших устное распоряжение об их основании, гораздо реже такие права получали письменное подтверждение. Обычно поселения обладали определенной административной и судебной автономией, иногда даже имели крепостные стены, их жители были лично свободными. В течение веков некоторые поселения были преобразованы в города, другие вернулись к статусу деревень.

В период высокого и позднего Средневековья города начали появляться в Каринтии, а затем постепенно и в остальных землях. Некоторые города строились у стен замков, владельцами которых были влиятельные феодальные семейства или

6 Главный герой повести Ф.Левстика «Мартин Крпан из деревни Врх» (1858) (*прим. ред.*).

епископства (например, Шкофья-Лока), другие — у важных перекрестков дорог, в естественно защищенных местностях. Горожане были лично свободными. В Приморье их жизнь регламентировалась положениями уставов, в континентальной части — дарованными им землевладельцами или земельными князьями привилегиями. Самоуправление, во главе которого стояли городские судьи или жупаны, осуществлялось с участием многочисленных выборных органов. Они должны были поддерживать в должном состоянии городские стены и другое общее имущество, особенно богадельни. Проблемами культуры, образования, а в некоторых местах и социального обеспечения занимались, как правило, монастыри различных францисканских орденов. Ремесленники были объединены в цеха, которые просуществовали до середины XIX в. Помимо хозяйственных задач они занимались также социальными вопросами и организацией досуга своих членов. Центрами досуга были прежде всего многочисленные трактиры. К концу XVIII в. в городах возникли увеселительные клубы, ставшие средоточием общественной и развлекательной жизни. В некоторых городах свои дома, помимо замков, имели аристократы. В приморских городах, а также во внутренних областях страны в городах до 1500 г. проживали евреи, затем их изгнали отовсюду, кроме Триеста и Гориции. Вернуться они смогли только в конце XVIII в.

Большинство словенских городов были небольшими (например, в Любляне около 1500 г. насчитывалось приблизительно пять тыс. жителей), они не сыграли такой культурной роли, как города в Западной Европе. Здесь практически не было средних и высших школ и университетов. Желавшие получить университетское образование должны были ехать в Падую, Болонью или Вену, позднее в Грац или некоторые другие университетские центры в основном на территории современной Германии.

Городское население было по преимуществу словенским, однако жили в городах и представители других этносов, культур и языков. Здесь доминировали немецкий язык и немецкая культура. В социальном плане это отличало горожан от сельского населения.

Сеть укрепленных замков, поселений и городов обрела особо важное значение, когда в XV в. начались турецкие набеги. Это были быстрые грабительские атаки вспомогательных частей с территорий, расположенных на другой стороне реки Колпы, через Крайну, Каринтию, Штирию обратно в Хорватию. Обычно турецкие отряды состояли из представителей порабо-

щенных османами славянских народов Балканского полуострова. Нападения продолжались с начала XV в. до середины XVI в., приносили большой материальный ущерб и человеческие жертвы. Турки никогда не захватывали словенской территории, не находились на ней постоянно, только несколько деревень в Прекмурье должны были платить им дань. Целью Османской империи был подрыв экономики в окрестностях Венеции и во владениях Габсбургов. Турецкие набеги прервали выгодную торговлю между Паннонской низменностью и Апеннинским полуостровом, затормозили поступательное культурное и экономическое развитие словенских земель. Их последствием стало сокращение численности населения в приграничной полосе, которую в начале XVI в. в значительной мере заселили ускоки — бежавшие с Балкан славяне. Хотя большая их часть достаточно ословенилась, в местах, населенных в прошлом ускоками (Бела Крайна), и сейчас встречаются характерные фамилии, особые национальные костюмы и народные песни.

Оборонительные нужды и хозяйственные перемены, особенно усиление роли денежного обращения, вызвали рост экономического давления на зависимых крестьян. В связи с этим участились крестьянские восстания, которые и до этого были проявлением крайнего недовольства зависимых крестьян. Крупнейшими крестьянскими восстаниями стали бунт в Каринтии в 1478 г., общесловенские восстания 1515 и 1635 гг., хорватско-словенское восстание 1573 г. Отдельные крестьянские бунты происходили даже в XIX в. Целью крестьянского движения был «старый закон» (словен. *«stara pravda»*), т. е. сохранение землевладельцами в неизменном виде традиционных по форме и размеру крестьянских повинностей. Участники восстаний нападали, как правило, на замки, а также на некоторые монастыри, грабили и убивали застигнутых там людей. Восставшие часто пользовались не только симпатиями, но и даже поддержкой горожан. Так, город Шент-Вид-на-Корошкем за поддержку бунтарей был лишен статуса главного города земли, и в начале XVI в. центром Каринтии стал Клагенфурт.

Слова песни восставших словенских крестьян, упомянутые в одной из листовок, напечатанных в Вене на немецком языке в 1515 г., стали первыми словами на словенском языке, появившимися в печатном тексте.

Крестьянские восстания и турецкие набеги вызвали большие социально-экономические последствия. Порожденное ими чувство безнадежности человеческого существования в недостоинных условиях дополнил ряд произошедших в этот период естественных катастроф: нашествия саранчи, эпидемии

различных болезней, разрушительное землетрясение 1511 г., следы которого по сей день сохранились в Зильской долине. Стремление найти причину сложившейся безнадежной ситуации способствовало росту у людей интереса к моральной, этической и религиозной проблематике. Критика церковной конъюнктуры, постоянно присутствовавшая в католической среде и уже выражавшаяся не только в бурных теологических дискуссиях, но и в многочисленных реформах монашеских орденов, возникновении новых течений, создала плодородную почву для распространения идей новой протестантской церкви, которая в словенских землях получила идейную поддержку из близлежащего романского пространства, а организационные формы позаимствовала прежде всего у городов Германии.

Гуманизм в Словении не имел особых условий для расцвета. Несмотря на это, можно проследить зарождение начал гуманистической деятельности вокруг первых предстоятелей созданного в 1461 г. люблянского епископства (Ж. Ламберг, К. Равбар) и при дворе графов Цельских — трое последних правителей из этого рода вели себя как настоящие ренессансные князья. Благодаря близости Венеции и итальянских университетских городов, ранние гуманисты появляются прежде всего в Копере, Пиране и Триесте (епископ П. Бономо). Самый значительный круг гуманистов, выходцев из словенской этнической территории, сформировался в Вене вокруг императора Максимилиана I. Среди них наиболее известен реформатор музыкальной жизни, венский епископ, люблянец по происхождению Юрий Слатконя. К венскому кругу гуманистов принадлежал также випавский барон Жига (Сигизмунд) Герберштейн, который в качестве посланника императора дважды побывал с посольством в Москве и в своей книге «Записки о Московии» (1549) открыл Европе Россию.

Среди деятелей искусства, рожденных на словенской территории, в XVI в. международную известность приобрел композитор Якобус Галлус, родившийся где-то в Крайне в 1550 г. и умерший в Праге в 1591 г. Хотя большую часть жизни он прожил в немецких и чешских землях, в его музыкальных произведениях для хора прослеживаются словенские мелодии. Как большинство гуманистов, он остался приверженцем католицизма.

Основным направлением Реформации в словенских землях было лютеранство, в меньшей степени ощущалось влияние цвинглианства, кальвинизма и баптизма. Протестантизм привлек в свои ряды аристократию и горожан, в меньшей степени крестьянство, дольше всего удерживая позиции в Прекмурье и

некоторых деревнях западной Каринтии, где существовал тайно. Поскольку по принципу Аугсбургского религиозного мира 1555 г. «*cuius regio illius religio*» решение о религии подданных принимали землевладельцы, в габсбургских землях Габсбурги, верные католической церкви, в целом протестантизм в словенских землях не сохранился.

Главной заслугой словенских протестантов стал перевод богослужебных книг на родной язык. Переводы П. Трубара, Ю. Далматина, С. Креля и грамматика А. Бохорича упрочили письменную традицию, на протяжении нескольких столетий служили образцами словенского книжного языка.

Контрреформация восстановила прежнее общественное и религиозное положение католической церкви повсюду, кроме Прекмурья. Контрреформационные комиссии действовали по указу земельного князя, зачастую прибегая к насильственным методам. В 1599 г. со словенских земель были изгнаны горожане и крестьяне, не желавшие вновь обратиться в католическую веру, в 1628 г. — протестанты-дворяне, которых было немного. Уничтожены были и другие видимые следы Реформации — молельни, могилы, книги.

Власти провели насильственную рекатолизацию. Этот процесс сопровождался и более долговременными нововведениями. Для повышения интеллектуального потенциала католическая церковь учредила в словенских землях Орден иезуитов. Члены Общества Иисуса поселились в Любляне (1597), Клагенфурте (1605), Гориции (1615), Триесте (1619), Мариборе (1757). С деятельностью иезуитов было связано возникновение гимназий и лицеев, распространение высшего философского и теологического образования. Ни одно из этих учебных заведений, обычно называемых коллегиями, где помимо школы был также интернат, не сравнимо по значению и авторитету с Коллегией в Граце. Она была создана в 1586 г. и сразу же преобразована в университет. Подобную привилегию имела и иезуитская школа в Любляне, но не воспользовалась ею.

В словенских городах иезуитские учебные учреждения, где помимо профессоров было также несколько сотен студентов, стали важными интеллектуальными и культурными центрами. Во время публичных драматических представлений учащиеся помимо латыни использовали и живые языки. Иезуитский театр был весьма популярен до 1720 г., пока на словенских территориях не начали гастролировать странствующие итальянские и немецкие театральные труппы.

В 1773 г. папа Климент XIV распустил Орден иезуитов. Его член, люблянец Г. Грuber (1740–1805), отличный специалист

в области гидротехники, вместе со своими духовными собратьями удалился в Санкт-Петербург. Там он пребывал до смерти, добившись влиятельного положения при дворе царя Павла I. Остатки библиотеки люблянского иезуитского коллегия, — монастырь в 1774 г. в значительной мере был уничтожен огнем, — приняла позднейшая лицейская библиотека, впоследствии ставшая основой Национальной университетской библиотеки Словении.

Если развитием среднего и высшего образования занимались иезуиты, то забота о нуждах простых людей была делом Ордена капуцинов, в начале XVI в. отделившегося от францисканцев. Монастыри капуцинов были построены почти во всех словенских городах, как правило, вне городских стен. Это было символическим выражением заботы не только о простых горожанах, но и о жителях окрестностей, которые симпатизировали проповедникам и организаторам пассионских процессов. Одним из сохранившихся примеров подобного действия является «Шкофьелокский пассион» — старейшее драматическое произведение на словенском языке. Капуцины также внесли большой вклад в стандартизацию словенского разговорного языка.

Контрреформация демонстрирует разрыв с эпохой Реформации посредством использования нового художественного языка. На смену готике пришло барокко, которое до начала XIX в. оказывало решающее влияние на архитектуру, скульптуру, живопись и музыку, проникло во все сферы жизни, оказав особенно сильное влияние на богослужение. Значение словенского языка и словенского печатного слова, на которые опиралось распространение протестантизма, отошло на второй план. Новые художественные веяния были занесены в словенские земли из Италии, прежде всего из Венеции, а также из Вены. В Крайне помимо латинского языка, на котором велось иезуитское образование, существенно возросло значение итальянского языка, чему в немалой степени способствовали поселившиеся в словенских городах итальянские предприниматели (Цойсы, Барбо, Лазарини и др.). Некоторые члены этих семейств в XVIII–XIX вв. стали меценатами словенской культуры и политики. Развитию барочного искусства и науки способствовала также Академия трудолюбивых — ученое сообщество, созданное в Любляне в 1683 г.

Если словенское печатное слово в XVII — первой половине XVIII в. ставило перед собой скромные задачи, предназначенные прежде всего, для религиозных нужд, то книжная продукция в целом была гораздо более разнообразной. Следует упомянуть различные словари, которые включали

данные о словенском языке, и иноязычные издания, например, труды Я. В. Вальвазора «Слава Герцогства Крайна» (1689) и «Полная топография древней и современной Каринтии» (1688), Я. Л. Шёнлебена «Карниола древняя и новая» (1681). Культурное развитие этого периода заслуживает позитивной оценки. Получили известность многие словенские художники барочного периода, такие как династия Мачек, Еловшек, Бергант, Цебей, музыкант Г. Плавец. Некоторые иностранцы, например, скульптор Франческо Робба, живописец В. М. Метцингер из Лотарингии также внесли существенный вклад в словенскую культуру.

В середине XVIII в. начинается словенское национальное возрождение, оказавшее определяющее влияние на рост национального самосознания. В этот период происходят большие перемены, вызванные вытеснением турок из Паннонской низменности, провозглашением свободы мореплавания по Адриатическому морю, возникновением свободных портов Риека (в Хорватии) и Триест. Таким образом, оба этих города стали главными катализаторами экономического развития примыкавшей к ним континентальной зоны. Одновременно строятся новые современные дороги, развивается судоходство по реке Саве, упростившее доступ к выращиваемым в Славонии зерновым. Экономическая теория меркантилизма способствовала развитию торговли, а физиократизм подчеркивал значение сельского хозяйства, что стимулировало появление сельскохозяйственных обществ. Это были своего рода профессиональные объединения, ставившие своей целью развитие сельского хозяйства, поэтому их членами были прежде всего интеллектуалы и землевладельцы. Они поддерживали введение стойлового животноводства, разведение новых пород животных, выращивание кукурузы и картофеля, последняя культура получила окончательное признание после сильнейшего голода в 1816–17 гг.

Основы сложившегося к тому времени феодального общественного строя пошатнули просветительские и абсолютистские реформы императрицы Марии Терезии (1740–1780) в области управления, военного дела, образования и социального обеспечения. Была укреплена государственная власть на уровне земель, введены новые мелкие административные единицы — округа, сократившие полномочия землевладельцев и аристократии в сфере судопроизводства и налогообложения. Укрепилась правовая безопасность граждан, в том числе зависимых крестьян, для которых был определен максимум возможных феодальных повинностей. Налоги начали собирать на основе терезианско-

го кадастра. Была введена воинская обязанность, и в этой связи в 1754 г. произведена первая перепись населения. Был издан закон об обязательном среднем образовании, который, однако, из-за слабости материальной базы в жизнь последовательно не проводился. Открывались новые гимназии, поскольку властям нужны были грамотные чиновники. Были проведены денежные реформы. Издавая некоторые официальные указы на словенском языке, Мария Терезия способствовала усилению симпатий к себе в словенской среде, и местные граждане, несмотря на повышение налогов, в целом позитивно относились к преобразованиям, поскольку надеялись, что они ведут к устранению феодализма. В этом их еще более уверил ее сын император Иосиф II (1780–1790), который продолжил сокращать полномочия аристократии в области управления и налогообложения, отменил личную зависимость (крепостное право), кодифицировал гражданское право, ограничил полномочия аристократии в уголовном судопроизводстве. Обязательства зависимых крестьян в натуре и феодальную повинность он заменил денежным оброком, а затем содействовал отмене обоих видов повинностей. Император был сторонником среднего, а не высшего образования и поэтому прекратил преподавание философии в люблянском лицее, а университет в Граце преобразовал в лицей. В 1782 г. немецкий получил статус языка обучения в средних и высших школах, а два года спустя стал официальным языком всей монархии. Весьма радикальными оказались церковные реформы Иосифа II, выступавшего против паломничества и религиозных суеверий. Границы епископств император хотел совместить с границами земель, увеличил число приходов, закрыл многие мужские и женские монастыри, особенно те, которые не занимались окормлением населения или социальной работой. Их недвижимость объединили в особые земельные фонды, из которых должна была финансироваться новая церковная структура, а также образование духовенства, отныне полностью подчиненное государству (йо-зефинизм или государственная церковь). При этом не было проявлено должного внимания к культурному наследию закрытых монастырей, в результате чего культуре нанесен непоправимый ущерб: многочисленные библиотеки и архивы были разукруплены или утрачены.

Из-за противодействия аристократии и внешних угроз, усилившихся вследствие революции во Франции, Иосиф II должен был перед самой своей смертью отказаться от проведения некоторых реформ.

В результате значительных экономических и социальных преобразований, усиливших внимание к живым языкам, а так-

же в контексте общественного развития в Австрийской монархии и других европейских странах зародилось и стало укрепляться словенское национальное возрождение, начало которому в 1768 г. положила «Грамматика» М. Похлина. Возрос интерес к положению словенцев и остальных славян в тогдашнем Австрийском государстве, к их прошлому. А. Т. Линхарт отразил эти взгляды в своей знаменитой, написанной на немецком языке истории словенцев. Вершиной национально-языковых усилий следует считать новый перевод всего Священного Писания, сделанный Ю. Япелем (1784–1802), и начало издания в 1797 г. поэтом В. Водником первой словенской газеты «Люблянские новости». В обществе возрастал интерес к театру: с одной стороны, его стимулировало появление словенских интермедий в исполнении иностранных трупп, гастролировавших в Любляне (им покровительствовал меценат барон Ж. Цойс), а с другой — создание Линхартом национальных драматических произведений.

Идеи Великой французской революции, не совсем чуждые словенцам, не нашли широкого круга приверженцев. На простых людей сильное негативное впечатление произвели рассказы беженцев о событиях, происходивших во Франции. В 1797 г. французы впервые вторглись на территорию Словении. Тогда Наполеон даже побывал в Любляне. В том же году была упразднена Венецианская республика, и после короткого периода существования Иллирийских провинций (1809–1813) словенцы на несколько десятилетий были объединены под властью одного правителя. Венецианским словенцам, которые после упразднения Аквилейского патриархата в 1750 г. были присоединены к Удинскому епископству, это не принесло никаких позитивных изменений.

В 1799 г. русские части под руководством А. В. Суворова прошли через Штирию и Каринтию на помощь австрийской армии, воевавшей в Италии. Они двигались через территорию венецианских словенцев и резьян⁷, которых даже использовали в качестве переводчиков во Фриули. На обе стороны это взаимное открытие произвело большое впечатление.

В 1805 г. французы во второй раз вторглись в Словению, в 1809 г. — в третий. Тогда на оккупированной территории, включавшей западную Каринтию, часть бывшей Венецианской республики, Крайну и часть хорватских земель к югу от Савы до Дубровника, французы создали Иллирийские провинции с цен-

7 Резьяне — население долины р. Резья (бассейн р. Тальяменто) на северо-востоке Италии — самая западная группа словенцев (прим. ред.).

тром в Любляне. В этом государстве они ввели ряд изменений в правовой, административной, образовательной, церковной, финансовой и экономической областях. После присоединения этих земель обратно к Австрийской империи нововведения были упразднены лишь частично. Землевладельцам больше никогда не было возвращено право исполнения государственно-административных и судебных функций. И то и другое было передано государству. Прежняя общественная система была смягчена, но не упразднена, что разочаровало многих крестьян. Военные реквизиции и рост налогов вызвали несколько крестьянских восстаний. Хотя граждане Иллирийских провинций не были полноправными гражданами Франции, их мобилизовывали во французские войска. Так, в 1812 г. в Россию был послан Иллирийский полк, большинство солдат которого там погибло.

Французы обещали многое, но на практике сделали гораздо меньше. Это касается в частности введения преподавания на словенском языке в начальных школах и гимназиях. Однако прогресс в области образования был несомненным и в этом большая заслуга В. Водника, усилиями которого создавались словенские учебники, среди них — первая грамматика на словенском языке. В самой Австрии, где остались часть Каринтии и Штирии, условия существования словенского населения улучшились. Поощряя патриотические настроения, государство начало проявлять заботу о развитии национальных культур. Так, в 1812 г. в лице в Граце была открыта первая кафедра словенского языка. Ее первый преподаватель Я. Н. Примич в письме Воднику из Граца от 13 ноября 1810 г. впервые употребил название «Словения». Его последующее быстрое признание обществом указывает на вероятность того, что речь идет о достаточном старом наименовании населенной словенцами территории.

В первой половине XIX в. Грац становится для словенцев одним из важнейших культурных центров. Благодаря передовым взглядам грацких студентов национальное самосознание в Штирии было более выраженным, чем в других землях со словенским населением, что нашло отражение во время событий 1848 г.

После прекращения существования Иллирийских провинций наступил более чем тридцатилетний период относительного затишья. Главной внутренней проблемой подданных тогдашней Австрийской империи стал расчет стоимости труда, на основе которой должен был быть проведен перерасчет налога на землю. Чтобы ввести этот налог, необходимо было заново оценить стоимость сельскохозяйственной продукции в расчете на

отдельный земельный участок. Основой для этого стал новый кадастр — точный замер всех земельных участков в масштабе 1:2880. Для расчета чистой прибыли от земли был собран ряд статистических данных, на основании которых и сегодня можно провести весьма точный социально-экономический анализ состояния хозяйственной системы страны не только в первой половине XIX в., но и предыдущих периодов. Налог на новой основе, введенный в 1844 г., вызвал, особенно в Крайне, существенное повышение выплат. Возникла угроза крестьянских волнений, и власти приказали провести ревизию, которая была завершена в 1849–1850 гг. Окончательным итогом стало снижение налога, однако положительный результат этого решения был сразу же сведен на нет введением пошлин на содержание армии, которые теперь стали постоянными.

Другой важной задачей государства в тот период стало строительство двухколейной Южной железной дороги между Веной и Триестом (1843–1857), которое стало в Словении знаком окончательной победы индустриальной революции. В предыдущий период промышленные предприятия располагались вблизи источников воды, так как основным источником энергии служило водяное колесо. Теперь же, с расширением использования парового двигателя производство можно было переместить в города. Этот шаг вызвал ряд важных социально-экономических последствий. Пришел конец некоторым, оказавшимся невостребованными видам хозяйственной деятельности, прежде всего транспортным перевозкам и производству изделий народных промыслов. Прекратилось судостроение по Саве, исчезли связанные с ним ремесленные производства. Среди обычных строительных рабочих на железной дороге преобладали фриулы⁸, которые брали мелкие подряды и вкладывали полученную прибыль в недвижимость. В результате строительства железной дороги возросло значение добычи угля в Засавье, там же начала развиваться химическая промышленность. Одновременно из-за истощения залежей железной руды постепенно сокращалось просуществовавшее многие столетия железо-литейное производство в Верхней Крайне. Трудности испытывало и кузнечное дело, источником сырья для которого была железная руда из Каринтии и Штирии.

Интенсивное развитие словенской культуры в период Иллирийских провинций и в 1820–1830-е гг. несколько замед-

8 Фриулы (фурланы) — ретороманский народ, проживающий на территории современной северной Италии (*прим. ред.*).

лилось. Режим Меттерниха, при котором в 1821 г. в Любляне состоялось одно из самых крупных европейских событий первой четверти XIX в. — Люблянский (Лайбахский) конгресс Священного союза⁹, в котором принимал участие российский император Александр I, привел к удушению не только революционных, но и национальных движений. После смерти в 1819 г. Цойса и Водника в рядах словенского национального движения не нашлось безоговорочных лидеров, которые смогли бы его возглавить. Филолог Е. Копитар переехал в Вену, круг поэта Ф. Прешерна не имел большого общественного влияния и авторитета. Словенское национальное движение в это время испытывало влияние иллиризма — южнославянского культурного течения, согласно которому в будущем на словенском языке должна была бы издаваться только литература для низших слоев общества, а книги для интеллектуалов следовало бы писать на иллирийском (фактически хорватском) языке, объединяющем всех южных славян.

Много энергии было израсходовано на «азбучную войну» — спор о том, какая система письма должна заменить использовавшуюся ранее бохоричицу¹⁰. Эта полемика в большей степени охватила Крайну, в меньшей — Штирию. Главная заслуга в деле прекращения «азбучной войны» принадлежит Прешерну и его другу литературоведу М. Чопу. Фактически же споры окончились только с принятием ныне используемой словенцами гайцы. Именно из-за языковых и культурных концептуальных конфликтов центр дискуссий, связанных с задачами национального возрождения, переместился из Любляны в другие словенские земли. Так, каринтийский поэт и языковед У. Ярник в 1826 г. первым обратил внимание на германизацию каринтийских словенцев, зафиксировав, как северная языковая граница постоянно перемещается к югу. При издании словенских учебных книг исключительно важна роль епископа Триестского и Коперского М. Равникара и горицкого архиепископа Й. Баланта,

9 Люблянский (Лайбахский) конгресс — встреча монархов, принадлежавших к Священному союзу (императоры русский и австрийский и король прусский) и посланников французского и английского — был созван по инициативе Меттерниха по поводу революционного движения и провозглашения конституции в Неаполе, продолжался с 26 января по 12 мая 1821 г. (*прим. ред.*).

10 Vohorčičica — названная по имени А. Бохорича система буквенных обозначений, которой словенцы пользовались до середины XIX в. (*прим. ред.*).

постоянно убеждавшего венский двор в необходимости самостоятельного культурного развития словенцев. Одной из центральных фигур словенского национального возрождения в середине XIX в. становится А. М. Сломшек, в 1846 г. занявший кафедру лавантинского епископа, а ранее получивший известность как лидер «национального пробуждения» словенских студентов богословия в Каринтии. В семинарии Клагенфурта он организовал Общество национального пробуждения, где студенты обучались пению и риторике, писали статьи, готовясь в дальнейшем вести работу по укреплению национального самосознания прихожан-словенцев. В одной из речей в середине 1820-х гг. Сломшек первым высказал мысль о необходимости объединения Словении. Служа в Штирии, он способствовал развитию начальных и воскресных школ, поддерживал тесные связи со словенцами в Граце. Там одной из центральных фигур был священник Й. Муршец, оказывавший грацким студентам моральную и материальную помощь для создания собственных обществ национального пробуждения. Деятельность таких обществ по развитию словенской культуры, организации читален, распространению книг и газет способствовала упрочению национального самосознания. Показательно, что именно в Штирии была написана и в 1845 г. издана первая история словенцев на словенском языке — книга А. Кремпла «Истории из жизни земли Штирийской». Сложившиеся между бывшими словенскими студентами в Граце культурно-политические связи заложили основу для создания в 1848 г. словенской национальной программы.

В 1843 г. в Любляне начала выходить газета «Кметийски ин рокодельски новицы» (впоследствии «Новицы»), владельцем и издателем которой было Сельскохозяйственное общество Крайны. Первоначально издание было задумано для обсуждения практических вопросов сельского хозяйства и развития ремесел, однако редактор, Я. Блейвейс, руководствуясь принципами Просвещения, а также модного в то время физиократизма, допуская, что сельскохозяйственным производством будут заниматься образованные крестьяне, ввел в своей газете рубрику, посвященную культуре. Газета активно подключилась к дискуссии о путях развития национальной культуры. Блейвейс был сторонником культурно-политической концепции Копитара, ратовавшего за последовательное культурное воспитание широких народных масс, и в этом духе редактировал свою газету. Исходя из национально-патриотических задач, он благоклонно относился к творчеству поэта Янеза Весела (псевдоним Йован Косески), который в своем стихотворении, опубликован-

ном в «Новицах» в 1844 г., впервые в печати упомянул название «Словения». Купить «Новицы» значило для уважающего себя словенца выполнить свой национальный долг. При этом на настроения и споры в среде интеллектуалов оказывали большое влияние газеты, издававшиеся в Вене, Граце и Триесте.

Революция 1848–49 гг. была с энтузиазмом воспринята словенцами. Наиболее пламенными ее сторонниками стали либералы из числа интеллигенции, среднего и низшего чиновничества, торговцев и промышленников, учащиеся и студенты, крестьяне. Начиная с реформ Иосифа II и в особенности в период существования Иллирийских провинций, крестьяне ожидали облегчения условий жизни. Они были возмущены введением новых налогов и испытывали постоянный страх перед угрозой голода, вызванного неурожаем. Несмотря на широкое распространение недовольства и ожидание приближающихся социально-политических перемен, большинство населения испытало удивление, узнав о Мартовской революции. Такие ее завоевания, как свобода слова, печати и объединений, право создания национальной гвардии для защиты порядка и имущества в городах, обещания быстрого созыва парламента в Вене, воодушевили людей, хотя не все смогли понять значение случившегося. Прояснить содержание новых реформ было непросто, поскольку в словенском языке отсутствовала соответствующая терминология.

Словенское национальное движение, в котором деятельное участие принимали представители низшего духовенства и студенчества, нашло контакт с крестьянским движением. Большинство крестьян сразу же прекратили выполнять феодальные повинности, многие вообще перестали признавать какую-либо власть, восприняв идеи революции в том смысле, что «теперь все разрешено». Сходным образом в первые дни революции в некоторых крупных городах реагировали рабочие, однако их численность была слишком мала, чтобы они могли сыграть сколько-нибудь важную роль.

Слухи о грядущем переустройстве монархии стали импульсом к провозглашению объединения Словении. Речь шла об устранении старого общественного строя, неотъемлемой частью которого было деление на земли. Обещание созвать парламент предполагало, что отдельные народы смогут представить там свои предложения по переустройству государства. Воззвание с требованием провозглашения единой территории, которая называлась бы Словения, имела бы собственный парламент и использовала словенский язык в качестве официального языка в учебных заведениях и административных учреждениях, было

одновременно опубликовано в Клагенфурте, Граце, Гориции и Вене — основных центрах словенской интеллектуальной элиты, поскольку именно в этих городах обучалось большинство студентов-словенцев. В этом воззвании еще до знаменитого выступления чешского политика Палацкого была отвергнута инициатива по проведению выборов во всегерманский парламент во Франкфурте¹¹. Против таких выборов проголосовали избиратели из числа крестьян: их убедили, что воплощение великогерманской идеи приведет к удорожанию государственного аппарата, расширению военной обязанности и даже станет предательством по отношению к императору. Крестьянам внушили, что ключевое значение для них будет иметь созыв парламента в Вене. Этому были посвящены специально напечатанные петиции, содержавшие основные требования словенской национальной программы, подписи под которыми поставили многие представители крестьянского сословия. Очевидно, идея Объединенной Словении воспринималась крестьянами как составная часть революционных преобразований общества. В первую очередь их привлекала мысль о том, что теперь депутаты, избранные из их числа, смогут оказывать влияние на законодательство, а также контролировать систему управления, поскольку делопроизводство будет вестись на словенском языке. Это желание простых людей контролировать деятельность властей фактически нашло свое отражение в ходе выборов в венский парламент. Именно те кандидаты, которым удалось внушить избирателям, что они будут отстаивать в парламенте чаяния крестьянства, и были избраны депутатами.

Одним из требований словенской интеллигенции стало также создание в Любляне словенского университета. Это требование не было общенародным, но не осталось незамеченным: в период революционных преобразований в Люблянском лицее и Грацком университете читались лекции по правовым дисциплинам на словенском языке.

В середине 1848 г. в соответствии с провозглашенной свободой печати начал выходить ряд новых политических газет на немецком и словенском языках. Самым влиятельным изданием стал еженедельник «Словения» — первая словенская политическая газета. Среди появившихся тогда периодических изданий был также «Млади ведеж» — первая словенская газета для молодежи.

11 Речь идет об идее создания Объединенной Германии с включением в нее австрийских земель (*прим. ред.*).

Как и все другие народы Габсбургской монархии, словенцы в ходе революции 1848–49 гг. не достигли основной цели — национального объединения. Однако ее результаты трудно недооценить. Впервые центральные государственные органы признали словенцев единым народом, австрийский официальный бюллетень стал публиковаться на словенском языке, были выпущены единые для всех словенских образовательных заведений учебники. После формирования нового административного деления на севере Штирии была практически признана словенская этническая граница, словенский язык в качестве учебного предмета был введен в гимназиях, хотя языком обучения и далее оставался немецкий. В целом, несмотря на все политические успехи и неудачи, программа «Объединенная Словения» стала базовым политическим ориентиром на много десятилетий вперед вплоть до обретения Словенией независимости в 1991 г.

За бурными политическими событиями времен революции последовало почти десятилетие застоя, получившего название «баховский абсолютизм» или «неоабсолютизм», однако именно в это время в общественной жизни словенцев появилась важная институция, способствовавшая развитию и расширению культуры чтения, — «Общество св. Мохора», издававшее дешевые книги для народа (1851). Это была первая общесловенская организация. Центральный офис находился в Клагенфурте, который благодаря трудам филолога А. Янежича и его сподвижников в 1850-е гг. стал культурным центром словенцев. Усилению политического веса Клагенфурта способствовала деятельность таких сформировавшихся в годы революции общественно-политических и культурных деятелей, как М. Майяр-Зильский и А. Эйншпилер. Исключительно важным делом стало издание гимназических хрестоматий на словенском языке, к которому приложили руку Ф. Миклошич, А. М. Сломшек, Я. Блейвейс и др. Вследствие нового положения словенского языка в средней школе молодое поколение интеллигенции стало пользоваться родным языком и в частной жизни и в этом существенно отличалось от поколения своих родителей. Большим политическим достижением стал в 1859 г. перенос кафедры Лавантинского епископства из Шент-Андража в Каринтии в Марибор. Тем самым город и его словенские окрестности обрели более высокий статус. Перенос епископской кафедры, произошедший благодаря Сломшеку, в долгосрочном плане послужил делу упрочения северной словенской этнической границы.

Большое внимание совершенствованию процесса подготовки священнослужителей, их обучению словенскому

языку и воспитанию в национальном духе уделял люблянский епископ А. А. Вольф. Он организовал работу над новым переводом Священного Писания и ряда других религиозно-воспитательных и катехизисных трудов, обеспечил финансирование «Немецко-словенского словаря» М. Цигале (1860) и «Словенско-немецкого словаря» М. Плелершника (1894/95), которые не утратили своей научной актуальности и сегодня.

Десятилетия после революции 1848–49 гг. было отмечено войнами в Италии, в которых принимали участие также полки, сформированные на словенской территории. Последствием постоянных перемещений больших масс людей, в том числе солдат, стала страшная эпидемия холеры 1855 г., не сопоставимая по масштабам ни с предыдущими (1836 и 1849 гг.), ни с последующими (1866 и 1886 гг.).

Принципиальных административно-политических изменений после революции не произошло. Территориальная разделенность нации осталась фундаментальной политической проблемой словенцев. На самом низовом уровне были созданы общины, на следующем — краевые управы. Эти государственные административные органы после некоторых дополнительных изменений в окончательном виде сформировались к 1868 г. Суды имели собственную, отдельную от административного деления структуру.

Подавление политических свобод в монархии несколько ослабло в результате внешнеполитических и военных поражений. Октябрьский диплом 1860 г. и затем Февральский патент 1861 г. вновь ввели в стране демократическое правление. В землях стали заседать земельные парламенты, а в Вене — государственное собрание. В земельные собрания (крайское, каринтийское, штирийское, горицкое, истрийское, триестское), которые до 1873 г. избирали также депутатов в государственное собрание, на выборах, не являвшихся ни всеобщими, ни равными (решающим фактором была высота оплаченного избирателем налога), выбирали по куриям¹². Горожане избирали четверть депутатов, крестьяне (80% населения) — две пятых, землевладельцы и члены Торгово-ремесленной палаты — оставшуюся треть. Такой социальный состав парламента был причиной тяжелых последствий для межнациональных отношений — сло-

12 Курия (лат. *curia*) — совокупность лиц, принадлежащих к той или иной группе избирателей, выделенной по национальным, религиозным, имущественным и другим признакам. Каждая курия обладает правом на определенное представительство в органах власти (*прим. ред.*).

венское население, составляющее большинство (крестьяне), было в нем представлено несоразмерно мало. Система курий давала преимущество более состоятельным слоям, склонным в культурно-политическом плане самоопределяться в качестве немцев или итальянцев. С 1873 г. граждане могли выбирать депутатов государственного собрания. В 1896 г. налоговый ценз для выборов в государственное собрание был снижен, введено всеобщее избирательное право для мужчин, облагаемых более низким налогом, в качестве пятой курии. До тех пор крестьяне не могли избирать своих представителей напрямую, теперь на основе земельного законодательства стало возможным проведение прямых выборов. В 1907 г. на выборах в государственное собрание были отменены избирательные разряды. В земельных собраниях курии остались до конца существования Австро-Венгрии. Всеобщие выборы были введены в начале XX в. Избирательное законодательство косвенно оказывало влияние на результаты выборов не только благодаря существованию курий, но и в зависимости от распределения избирательных округов (избирательной геометрии). С одной стороны, путем географического присоединения к другим территориям уменьшались возможности словенского электората, с другой — быстро растущего в некоторых городах рабочего класса.

Общинные выборы сначала регулировались законом 1849 г. На основе нового государственного закона 1862 г. были изданы соответствующие общинные законы для отдельных земель. Общинное избирательное право, зависевшее от высоты уплаченного избирателем налога, определяло избирательные права на выборах в земельные собрания.

Новая политическая обстановка требовала соответствующих политических действий. У словенцев не было партий, хотя практически о каждом было известно, консерватор он или либерал. В политическом плане более важным фактором было национальное самоопределение депутатов. Основной национальной политической задачей в последующие десятилетия стало вовлечение буржуазии в осуществление словенской национальной программы. Подавляющее большинство представителей буржуазии были словенцами по происхождению, но поскольку более престижной считалась немецкая или итальянская культура, многим было свойственно отказываться от родного языка для того, чтобы успешно сделать первый шаг вверх по социальной лестнице.

В начале 60-х гг. XIX в. возникает движение по созданию читален. Это были своего рода культурные общества или клубы, где собиралось словенское буржуазное общество. Главной

их целью было с помощью публичного использования словенского языка поднимать национальное сознание буржуазии. Читальни выписывали газеты и книги, организовывали различные культурные мероприятия, публичные лекции и дискуссии, обсуждения художественных произведений на словенском языке. Помимо многочисленных декламаторов и любительских театральных трупп распространение получило пение, как хорошее, так и сольное. Некоторые из солистов-любителей, выступавших на первых порах в читальнях, позднее получили даже международное признание. Первая читальня была создана в Триесте, вторая — в Мариборе. К 1869 г. их было уже более 60, число читателей насчитывало почти четыре тыс. чел. В 1863 г. в рамках движения национального возрождения создается национально-оборонительное спортивное общество «Южный сокол», в 1864 г. — общесловенское общество по изданию специальных и научных книг «Словенская матица». Словенское национальное движение во многом следовало образцам общественных движений других славянских народов, в частности чешского. Это проявилось при зарождении таборского движения, которое возникло благодаря большим общественным переменам, когда в 1867 г. в государстве, с одной стороны, был введен дуализм (Австро-Венгрия), а с другой — провозглашен новый закон об обществах и политической деятельности. Все это происходило на фоне поражения Австрии в войне с Пруссией и Италией. Последняя в 1866 г. получила под свой контроль Венецианскую Словению, и ее жители стали подвергаться планомерной италянизации.

Таборское движение распространилось на словенской территории в 1868–1871 гг. Его основу составили политические митинги на открытом воздухе, организованные в большинстве случаев на границах словенской этнической территории. Первый такой митинг состоялся в Лютомере в 1868 г., последний, восемнадцатый, тремя годами позже в каринтийской Згорня-Бухле. Главными политическими лозунгами таборов были требования программы «Объединенная Словения» и введение словенского языка в качестве языка обучения в учебных заведениях и в качестве официального языка во всех административных учреждениях, многочисленных участников митингов привлекли также актуальные местные экономические и социальные требования. Самым многочисленным был табор в Вишмарье близ Любляны, в нем приняло участие около 30 тыс. чел. (среднее число участников — 5–10 тыс). При проведении таборов у восточных границ словенской Штирии митингующие обращали внимание на положение словенцев в Венгрии, где по-

сле введения нового дуалистического политического устройства монархии оно быстро ухудшалось под давлением венгерских националистов.

После успешных выборов 1867 г., на фоне экономического подъема политическая жизнь активизировалась. В 1862 г. Южная железная дорога дошла до Загреба, годом позже железнодорожная ветка соединила Марибор и Клагенфурт, в 1870 г. дошла от Любляны до Тарвизио (Трбиж), в 1873 г. — от Любляны до Риеки. Благодаря преимущественно несловенскому капиталу в 1869 г. было создано акционерное Крайное промышленное общество (КПО), объединившее предприятия черной металлургии, в 1872 г. — Трбовельское угольное общество (ТУО), контролировавшее большинство угольных разработок. Оживленное экономическое развитие наблюдалось в Мариборе, процветал Триест, который был крупнейшим портом Габсбургской монархии. Словенцы стремились к созданию своих национальных акционерных обществ, особенно страховых агентств и банков, доходы от которых могли бы идти на поддержание национальной политической деятельности, до тех пор зависевшей от взносов отдельных лиц — преимущественно священнослужителей и адвокатов. Но страховое агентство «Словения» из-за слабого руководства и вследствие биржевого краха, произошедшего в 1873 г. в Вене, прекратило свою деятельность, создать словенский банк не удалось из-за противодействия правительства. Не были реализованы планы строительства железных дорог в направлении Нижней Крайны и Гориции. Эти неудачи, а также общее неблагоприятное состояние экономики в Австро-Венгерской монархии вызвали снижение интереса к развитию предпринимательства среди словенцев. Словенские капиталисты успешно вели дела прежде всего в крупных центрах за пределами словенской территории — в Вене, а также в Риеке и Триесте. Некоторые из них при этом проявляли исключительное внимание к национальным нуждам. Так, например, Й. Г. Славинский на рубеже XIX–XX вв. издал на свои средства стихотворения С. Грегорчича.

В новых политических условиях появились новые газеты. Вслед за «Напрей» (1863) Левстика, «Словенцем» (1865–1867), Эйншпилера в 1867 г. в Мариборе начал издаваться «Словенски господар» (а в 1868 г. там же — «Словенски народ», затем редакция последней газеты переместилась в Люблян, и в 1873 г. «Словенски народ» стал первым словенским ежедневником. Это была газета либерального направления. В качестве ее конкурента в 1873 г. начал издаваться консервативный «Словенец». Впоследствии к ним присоединились и другие

газеты, особенно много их было в Триесте и Гориции. Начали появляться также специализированные журналы, например, литературно-критический журнал «Звон» (1870, 1876–1880), издававшийся Й. Стритаром в Вене. Для словенских политических требований, особенно в связи с постепенным введением наряду с немецким словенского языка в административных учреждениях и судебных органах¹³, было важно появление таких периодических изданий, как «Правник Словенски» (1870–1872), с 1881 г. — «Словенски правник». Правовая лексика была нужна не только для издания государственных и земельных официальных бюллетеней на словенском языке, но и для постоянного расширения терминологии в соответствии с условиями социально-экономического развития, регулировавшегося тогдашним законодательством. По существу речь шла о претворении в жизнь одного из основных требований национального движения 1848 г.

Политический раскол среди словенцев произошел уже в начале 70-х гг. XIX в., противоречия между консервативными «старословенцами» и более либеральными «младословенцами» была весьма глубокими. Неудачи в области экономики, провал на выборах 1873 г. и все возрастающее давление со стороны немецкого национализма, венгерского национализма в Прекмурье и итальянского ирредентизма¹⁴ в Триесте заставили словенских политических и общественных деятелей в следующие двадцать лет сплотиться и проводить политику национального согласия. К этому их в немалой степени вынуждало экономическое положение, которое, особенно в сельской местности, стремительно ухудшалось. Введение в строй новых транспортных путей оказывало сильное давление как на промышленно-ремесленную, так и на аграрную сферу, став причиной возникновения сильной конкуренции за счет притока более дешевых привозных товаров и сельскохозяйственного сырья. Закат словенской черной металлургии, необходимость срочной модернизации сельского хозяйства, последствия «дикого» капитализма, полное преобладание денежного хозяйства при росте населения вызвали сильный кризис в аграрной области. Крестьяне влезали в долги, многие были вынуждены спасать свое будущее, переселяясь

13 Впервые депутаты начали присягать по-словенски в 1867 г. (*прим. ред.*).

14 Ирредентизм (от итал. *irredento* — неосвобожденный) — политическое и общественное движение в Италии в кон. XIX — нач. XX вв. за присоединение к Италии пограничных земель Австро-Венгрии с итальянским населением (*прим. ред.*).

в другие места. Индустриальное развитие было весьма скромным, словенский капитал — слишком слабым. Сначала многие искали заработок в западноевропейских странах — Германии, Франции, Бельгии, а с 80-х гг. XIX в. — в США, куда до Первой мировой войны переселилось не менее четверти миллиона человек, то есть около 15% населения. Кливленд стал, таким образом, одним из городов со значительной долей словенского населения. Для нации, которая насчитывала около 1,5 миллиона человек, это было существенным ударом, особенно потому, что среди искателей лучшей жизни были, как правило, наиболее целеустремленные и предприимчивые люди. По образцу других стран Западной Европы среди словенцев в эти годы получила распространение такая форма социальной помощи, как создание касс взаимопомощи. В последующие десятилетия сеть таких касс, получив определенную политическую поддержку, стала крупнейшей национальной компанией.

В начале 90-х гг. XIX в. среди словенцев произошел окончательный политический раскол, стало очевидным принципиальное расхождение умонастроений. Начался процесс формирования политических партий. Первой была организована консервативная Словенская народная партия, которую из-за доминирующей роли духовенства называли клерикальной. Ей противостояла либеральная Народная прогрессивная партия. Позже других, в 1896 г. была создана Югославянская социал-демократическая партия, взгляды социал-демократов разделял, в частности, крупнейший прозаик и драматург этого времени И. Цанкар. По существу, такое развитие событий было следствием хода исторического процесса. Полное разделение произошло в Штирии, Крайне и Гориции, Триест находился под влиянием либералов, Каринтия — консерваторов. Политическая поляризация особенно ярко отразилась в области культуры. Это заметно при сравнении содержания двух центральных литературных журналов — консервативного «Дома ин света» (1888–1944) и либерального «Люблянского звона» (1881–1941). Важнейшим социал-демократическим теоретическим печатным органом были «Наши записки» (1902–1922). Негативным следствием политической поляризации стала «культурная борьба» — крайне примитивные идеологические и политические дискуссии, участники которых не выбирали слов и выражений. В этой борьбе активное участие принимал лидер либералов писатель И. Тавчар, одновременно являвшийся лидером либеральной партии. Либералам организационно и теоретически было трудно конкурировать с клерикальной партией, опиравшейся в сельской местности на мощную поддержку

духовенства. Развивая христианско-социальную теорию и воплощая ее в жизнь на практике, клерикалы привлекли на свою сторону самые широкие народные массы, в том числе и многих рабочих. Среди словенцев возникла уникальная ситуация, не наблюдавшаяся в других землях Австро-Венгерской империи. Чернорабочие и высококвалифицированные мастера были сторонниками социал-демократической партии, а основная масса рабочих состояла в рядах христианско-социальной организации, которой руководил профессор богословия Я. Е. Крек.

В последнее десятилетие перед Первой мировой войной Триест, где проживало больше всего горожан словенского происхождения, было больше всего словенских рабочих, начинает играть определяющую роль в национальной политической и экономической жизни. Именно здесь периодически располагалась штаб-квартира социал-демократической партии, принадлежавшая ей Рабочая библиотека насчитывала несколько десятков тысяч книг.

В Триесте развивалось также словенское банковское дело, способствуя созданию многих акционерных компаний. Самым крупным был Адриатический банк. В 1912 г. ему принадлежало 47% банковского акционерного капитала Триеста. В Триесте же планировалось открыть первый словенский университет.

Активная политическая и культурная жизнь была и в Гориции. Здесь располагались многочисленные словенские учреждения, успешно конкурировавшие с итальянскими и занимавшие достойное место на общесловенском уровне. Так же как Любляна и Целье, в эти годы Гориция постепенно превращалась в город, большинство населения которого было словенским.

Хуже было в Мариборе, где словенскому национальному движению противостояли не только пользовавшиеся значительным влиянием немецкие националисты, но и состоявшие в рядах Австрийской социал-демократической партии хорошо организованные рабочие. Однако, несмотря на трудности, в целом национальное развитие словенцев успешно проходило и здесь. Такие же процессы характерны и для Прекмурья. Самая неблагоприятная ситуация сохранялась в Каринтии, где словенцы не могли опереться ни на поддержку земельных парламентов, ни епископства.

Развивалась промышленность, ширилась местная сеть железных дорог. К 1914 г. была построена железная дорога в хорватский город Карловац, прошедшая по территории Белой Крайны и Нижней Крайны, которые из-за отсутствия железнодорожного сообщения были наиболее отсталыми словенскими регионами.

Хуже было только в Прекмурье. Именно из этих областей, а также из Прекмурья эмигрировало более всего населения.

В целом в первые десятилетия XX в., несмотря на сильный отток населения, словенцы переживали национальный подъем. Функции словенского языка расширились — постепенно он становился языком обучения в гимназиях (первая частная гимназия была основана в 1905 г. на окраине Любляны, первая государственная — в 1913 г. в Гориции), должен был стать языком обучения в университете, создание которого наряду с программой «Объединенная Словения» оставалось одним из базовых политических требований словенцев.

Первая мировая война имела для словенцев трагические последствия. Вдоль западной этнической границы проходил фронт на реке Соче, военные действия, сопровождаемые большими человеческими жертвами, нанесли страшный материальный ущерб, вынудили многих жителей стать беженцами. Словенская территория в значительной степени служила тылом этого фронта, там действовал жесткий военный режим, обеспечение продуктами первой необходимости было строго нормировано.

Во время Первой мировой войны общение словенцев с русскими становится более массовым. Словенцы воевали на русском фронте, многие из них переходили на сторону противника. Многочисленные русские военнопленные строили на словенской территории военные объекты, например дорогу на перевал Вршич, где несколько сотен из них в 1916 г. засыпало снежной лавиной.

Чем дольше длилась война, тем больше росло недовольство народа. Смерть императора Франца-Иосифа I в 1916 г. остро поставила вопрос о будущем монархии. Национальные противоречия в государстве обострились. Словенцы все решительнее поднимали вопрос о создании новой югославянской государственной единицы в рамках империи. Их положение еще больше обострило заключение Лондонского пакта, в котором Антанта обещала передать Италии более трети словенской территории на западе. Оживление парламентской жизни в Австро-Венгрии после принятия Майской декларации (20 мая 1917 г.) сделало возможным окончательное формирование словенских политических требований. Хотя сначала они не предусматривали выхода из состава Габсбургской монархии, объективные события, прежде всего поражение блока Центральных держав, вынудили словенских политиков искать выход в объединении с остальными южными славянами. Это вызвало раскол в правящей клерикальной партии. На проавстрийской стороне

остался до тех пор бесспорно ведущий консервативный политик И. Шуштершич, проюгославянское направление возглавил после смерти Я. Е. Крека новый яркий политический лидер священник А. Корошец. 29 октября 1918 г. проживавшие до этого в Австро-Венгрии южные славяне провозгласили создание Государства словенцев, хорватов и сербов, а уже 1 декабря 1918 г. вместе с объединившимися к тому моменту Сербией и Черногорией вошли в Королевство сербов, хорватов и словенцев под властью сербской династии Карагеоргиевичей.

Народное поэтическое и эпическое творчество

Словенское народное поэтическое творчество и повествовательное творчество представляют собой часть народной духовной культуры и — одновременно — словесного искусства. У обоих этих явлений есть специфический контекст бытования, в котором они существуют, развиваются и отмирают. Народная песня и сказ являются истоком развития словенского литературного творчества, считаются своего рода «пралитературой». Однако народная песня и сказ — не только предшественники авторской поэзии и прозы. Это самостоятельно развивающиеся, не зависящие от литературных направлений и течений исконные явления национальной словесной культуры. В некоторых песнях мы находим следы древнейших событий, относящихся еще к праславянскому периоду. Таковы, например, песни, возникшие в VI–VII вв. н. э. в период заселения словенцами их нынешней территории.

Народная песня в Словении в настоящее время бытует в четырех различных проявлениях: народная песня в живой народной традиции, народная песня как часть перформанса — встречи народных певцов и музыкантов, народная песня как компонент авторской поэзии, прозы и драматургии и, наконец, народная песня как предмет неофольклоризации. Народное повествовательное творчество также сегодня представляет собой часть живой народной традиции и одновременно присутствует в структуре прозаических литературных произведений.

Общественный и научный интерес к народной песне в Словении возник уже в XVIII в., когда словенская территория была разделена между различными землями Габсбургской империи, а национальное самосознание словенского народа только формировалось. Тогда ее называли

«narodna»¹. Этот термин использовался до Второй мировой войны, позднее был вытеснен терминологическим определением «ljudska»², хотя за пределами профессиональных кругов продолжает бытовать и прежнее название. Реже используется термин «фольклорная» песня; он был введен в словенскую фольклористику в последнее десятилетие XX в.

Первые записи словенских народных песен были сделаны почти случайно еще в XVIII в. люблянским монахом патером Дизмой Закотником. Так стали известны пять эпических песен: «Пегам и Ламбергар», о неудачливом охотнике, о короле Матьяже, о Юрии Кобиле и о липе на Старой площади. Сам рукописный сборник Закотника не сохранился, но его, несомненно, держали в руках деятели словенского Просвещения Ж. Цойс и В. Водник. Был знаком с ним и первый национальный драматург А. Т. Линхарт, который в 1780 г. в свободной форме переложил на немецкий язык песню «Пегам и Ламбергер», опубликовав ее в своем поэтическом сборнике «Цветы Крайны» («Blumen aus Krein»). Начало собирательства текстов связано в Словении с распространением немецкого перевода М. Дениса «Оссиана» Дж.Макферсона и прозвучавшим в то же самое время призывом к славянским народам записывать свои старинные песни. Первую целенаправленную запись песен как текстов с мелодиями организовало в 1819 г. люблянское Филармоническое общество по инициативе Венского Общества друзей музыки (Gesellschaft der Musikfreunde). По мере распространения романтических призывов к изучению народного творчества число собирателей росло, однако в основном записывались лишь тексты. До конца 1880-х гг. песни, или «народное творчество» («narodno blago»), собирали отдельные энтузиасты, в число которых входили С. Враз, Й. Рудеж, Э. Корытко, М. Майяр-Зильский и многие другие. В 1887 г. приват-доцент славянской филологии Венского университета К. Штрекель составил «Просьбу о собирании народного творчества», которая была опубликована в журнале «Люблянский звон». В ней он впервые употребил слово «фольклор», а также описал, какими должны быть принципы записи и публикации. Результатом этой работы стал сборник «Словенские народные песни» 1–4 (1895–1923), его последнюю — 16-ю — тетрадь после смерти Штрекеля завершил Й. Глонар. С именами Штрекеля и, позднее, словенского этноло-

1 «Narodna» — словен. «национальная, относящаяся ко всему народу, нации» (прим. ред.)

2 «Ljudska» — словен. «народная, относящаяся к простому народу» (прим. ред.).

га и слависта М. Мурко связано собирательство народных песен по всей Словении в рамках распространенного по территории тогдашней Австрии призыва к собирательству фольклорного материала, завершившегося публикацией издания «Народные песни в Австрии» («Das Volkslied in Österreich») (1904–1913). Так был создан один из самых значительных словенских рукописных сборников народных песен — OSNP³, объем которого составляет тринадцать тысяч единиц.

Первые звукозаписи словенских народных песен были сделаны в 1898 г. Их записал на восковые валики с помощью фонографа Б. Викар в с. Тишина (Седлак в нынешнем Прекмурье, которое тогда входило в состав Венгрии). Первым словенцем, сделавшим звукозаписи народных песен также на восковые валики с помощью фонографа в 1914 году в Белой Крайне, стал Ю. Адлешич, а годом раньше, в сентябре 1913 года, сто словенских песен записала на фонограф русская фольклористка Е. Э. Линева, посетившая Чрномель, Адлешичи, Виницу, Блед, Речицу и Брезые. Большинство записей Линева ныне хранится в отделе фольклора Института русской литературы (Пушкинский дом) в Санкт-Петербурге, а сорок семь из них — в Институте народной музыки (ИНМ) Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств (САНИ). Системное собирание и изучение народных песен продолжилось с учреждением Института фольклора, основанного в 1934 г. в Любляне по инициативе Ф. Маролта, и ведется до настоящего времени. В архиве ИНМ хранится более пятидесяти тысяч единиц фольклорного материала (народная музыка, песни, танцы). Это один из самых крупных архивов подобного рода в Европе. Самое значимое академическое собрание народных песен — сборник «Словенская народная песня» в 4-х тт. (1970–1998), опубликованный издательством «Словенская матица» в Любляне под эгидой ИНМ.

В соответствии с принятым в Словении определением, народная песня — это созданное преимущественно спонтанно, в результате импровизации, словесно-музыкальное произведение, для которого характерны устный стиль и вариативность. Процессы ее создания и воспроизведения весьма близки друг другу. От авторского поэтического произведения народная песня отличается способом бытования, мелодией и типом языкового творчества, в ней отражаются как этнопоэтика конкрет-

3 OSNP — Odbor za nabiranje narodnih pesmi, словен. «Комитет по собирательству народных песен» (прим. ред.).

ного народа, так и универсальная поэтика. Она возникает как результат творчества отдельного одаренного индивида и бытует в окружающем его обществе. Народная песня развивается согласно собственным закономерностям, испытывая влияние извне, однако сохраняя при этом компоненты, являющиеся наследием прежних эпох. Для нее характерны преемственность возникновения и отмирания во все временные периоды, вне зависимости от социальных и исторических изменений, специфическое по сравнению с авторским поэтическим произведением бытование. Народная песня сохраняется и передается устно, ее поют по памяти. Она отличается от авторской поэзии тем, что существует только вместе с мелодией, а также формированием текста, способами выражения, строением стихов и куплетов, ролью (функцией), которую она играет в обществе. По крайней мере до Второй мировой войны, а кое-где и после, народная песня была неотъемлемой частью повседневной и праздничной жизни словенцев. Народные песни поют по самым различным случаям (за работой, для развлечения, как элемент обычаев и обрядов). По форме и содержанию они весьма разнообразны: от простейших звуковых вокальных действий (возгласы, подражание звукам природы или производимым какими-либо музыкальными инструментами, припевы, состоящие из ничего не значащих слогов) до ритмизованных текстов, встречающихся как у детей (считалки, вопросы-ответы, дразнилки, подражания), так и у взрослых (рифмованные возгласы, исполняемые на гуляниях куплеты, колядки-пожелания, шутливые литании⁴). Народная песня — это синкретический живой организм, подверженный постоянным изменениям, в то время как авторское поэтическое произведение — это прежде всего результат индивидуального словесного творчества. При этом стихи могут быть положены на музыку, а могут только декламироваться. Форма такого произведения неизменна. Воздействие аудитории на народную песню гораздо сильнее, чем на авторскую. Для народной песни существенны также все те факторы, которые определяют каждый раз иной способ ее исполнения, — условия, в которых она исполняется, участие в исполнении тех или иных лиц, способ вокального воспроизведения, событие (обряд, обычай, традиция), с которым связано исполнение определенной песни. В отношении авторского поэтического произведения мы должны иметь в виду то, как оно было создано,

4 Литания — в католицизме вид молитвы, которая поется или читается во время торжественных религиозных процессий (*прим. ред.*).

положение и место автора в обществе, стиль, характерный для периода творчества данного автора, политические и мировоззренческие (духовные) обстоятельства, в которых создается произведение. Носителями словенских народных песен в прошлом были выходцы преимущественно из крестьянской среды и других низших слоев общества (пастухи, солдаты, ремесленники, городская беднота), а ныне народные песни сознательно культивируются и изучаются также представителями высших общественных слоев. По сравнению с авторскими произведениями по средствам языкового выражения народные песни более предметны и конкретны; авторские произведения более абстрактны. Базовое различие в процессе возникновения народной песни в противоположность авторской — это способ исполнения и распространения с помощью легко запоминаемых формул, повторов, в комплексе с мелодией. В народном поэтическом творчестве жанры не смешиваются между собой (исключение составляют случаи, когда речь идет об изменении функциональной принадлежности, например, поминальная песня превращается в балладу, или об интертекстуальности отдельных песен, когда отдельные «бродячие» стихи или шаблоны переносятся из лирики в эпос или здравицы и т. д.), в то время как в авторской поэзии нередко наблюдается смешение жанров.

Когда словенцы в VI в. заселили свою нынешнюю этническую территорию, они уже были носителями праславянской традиции. От коренного населения — романизованных нориков, иллиров и кельтов, которых словенцы называют «влахи» или «лахи», — они, вероятно, переняли т. н. античную традицию, впоследствии слившуюся с их собственной. Позже в нее был включен также ряд элементов как содержательного, так и формального плана, заимствованных от соседних германских, романских и южнославянских народов.

К наиболее древней мифологической традиции относится сюжет о сотворении мира, отраженный в песне «Рыба Фароника», о рыбе, на которой стоит мир. Этот текст вместе с мелодией был записан в с. Подмелец-на-Толминском в 1952 г. В песне говорится о мифологическом персонаже — рыбе, которая, в соответствии с древнейшими преданиями, общими для народов Старого и Нового Света, держит у себя на спине весь мир. Подобное верование о том, что Земля стоит на рыбе, зафиксировано также у украинцев и поляков. Народная песня отражает мифологическое представление о рыбе Фаронике, но одновременно содержит также христианские апокалиптические элементы: Иисус взывает к рыбе, чтобы она сжалась над детками и роженицами, что напоминает фрагменты из

Евангелия. К древней традиции относятся также песни о водяном, похищающем себе в жены девушку, пришедшую за водой; о спасении превращенного в змею королевича, для чего требуется ударить тремя прутами; о непослушных детях, которых прокляла мать, и они превратились в птиц; о десятой дочери — жертве поверья о том, что десятую часть всего нужно приносить в жертву богам. В прозаическом варианте этот сюжет распространен во всей Европе, прежде всего в Ирландии, а в Словении известен также в виде песни. Народная традиция рассматривает десятого ребенка как нечто особое, что может нанести вред семье, особенно если это — дочь, девочка. Поэтому и после христианизации такой ребенок мог подвергаться преследованиям. Эта песня известна также кочевским немцам⁵, однако они заимствовали ее у словенцев. В словенском народном творчестве кроме баллады «Десятая дочь» существует также сказ о десятом брате, который является более поздней аналогией «Десятой дочери». Происхождение сюжета о десятом брате пока не выяснено.

Народная песня «Десятая дочь»

1. Smrt ima suhe noge,
sam Boh ve, kod ona gre,
tralali, tralalom,
sam Bog ve, kod ona gre.

2. Kamor se ona zaleti,
povsod se žalostno godi,
tralali, tralalom,
povsod se žalostno godi.

3. Duons je tukaj, jutri tam,
sam Boh ve, kdaj pride k nam,
tralali, tralalom,
sam Boh ve, kdaj pride k nam.

4. Živelo je deset ženic,
deset ženic, deset sestric,
tralali, tralalom,
deset ženic, deset sestric.

5 Немскоязычная этническая группа, проживавшая с начала XIV в. до середины XX в. близ г. Кочевье на юге Словении (прим. ред.).

5. Marija je pa mimo šla,
pa srečo jim je voščila,
tralali, tralalom,
pa srečo jim je voščila.

6. Nobena druga ne odgovori,
kakor najmlajš Marjančica,
tralali, tralalom,
kakor najmlajš Marjančica.

7. Marija seže v žep ek svoj,
da Marjančki prstan zlat,
tralali, tralalom,
in da Marjančki prstan zlat.

8. Marjančka hitro dam leti,
mater prstan kazati,
tralali, tralalom,
mater prstan kazati.

9. Mati ga je vzamejo
in ga u kruh zamesijo,
tralali, tralalom
in ga u kruh zamesijo.

10. (Okrog) okol ga režejo,
na sred Marjančki šparajo,
tralali, tralalom,
na sred Marjančki šparajo.

11. Le rež, le rež ga Marjančka ti,
saj ti boš mogla rajžati,
tralali, tralalom,
saj ti boš mogla rajžati.

12. Ne bom pila, ne bom jedla,
tud pri vas ostala ne,
tralali, tralalom,
tud pri vas ostala ne.

1. У смерти длинные тощие ноги,
лишь Бог знает, куда она идет,
тра-ла-ли, тра-ла-лом,
лишь Бог знает, куда она идет.

2. Куда она попадает,
везде печаль,
тра-ла-ли, тра-ла-лом,
везде печаль.

3. Сегодня она здесь, завтра там,
лишь Бог знает, когда она к нам придет,
тра-ла-ли, тра-ла-лом,
лишь Бог знает, когда она к нам придет.

4. Жили десять молодых,
десять молодых, десять сестриц,
тра-ла-ли, тра-ла-лом,
десять молодых, десять сестриц.

5. Мария мимо шла,
пожелала им счастья,
тра-ла-ли, тра-ла-лом,
пожелала им счастья.

6. Никто из них ей не ответил,
кроме самой младшей Марьянчицы,
тра-ла-ли, тра-ла-лом,
кроме самой младшей Марьянчицы.

7. Мария вынимает из кармашка,
дает Марьянчке золотое кольцо,
тра-ла-ли, тра-ла-лом,
дает Марьянчке золотое кольцо.

8. Марьянчка быстро бежит домой,
показать кольцо матери,
тра-ла-ли, тра-ла-лом,
показать кольцо матери.

9. Мать у нее берет кольцо
и замешивает в тесто,
тра-ла-ли, тра-ла-лом,
и замешивает в тесто.

10. Режут хлеб с краешку,
середку берегут для Марьянчки,
тра-ла-ли, тра-ла-лом,
середку берегут для Марьянчки.

11. Режь, режь хлеб, Марьянчка,
ведь тебе придется бродяжничать,
тра-ла-ли, тра-ла-лом,
ведь тебе придется бродяжничать.

12. Не стану пить, не стану есть,
и с вами не останусь,
тра-ла-ли, тра-ла-лом,
и с вами не останусь.

Античная традиция мощно представлена прежде всего в народной эпической поэзии. С мифом об Орфее связана песня о музыканте, который идет играть пред вратами ада, чтобы в качестве оплаты получить души своих родных и тем самым спасти их. Известного по античной мифологии дважды рожденного Диониса-Загрея воспевают баллада о во второй раз родившемся человеке. С античным сюжетом об Эдипе перекликается словенская песня о св. Матии, который, сам того не зная, убивает отца и мать. Сюжет об Оресте поэтически преобразился в семейной балладе «Рошлин и Верьянко». Некоторые праславянские, или дохристианские, следы мы находим также в ряде белокраинских купальских колядок, в которых говорится о свадьбе с солнцем; в песне, обращенной к дождю. Некоторые заговоры также уходят корнями в самый древний слой народной традиции, например, заговор от отека или заговор от ненастья.

Средневековая традиция исключительно богато представлена прежде всего в эпических песнях. Особенно много среди них песен-легенд, в которых содержатся библейские мотивы, т. е. присутствует христианская традиция. Известно также много исторических, любовных и семейных баллад. Важным фактором жизни в средневековой Европе были паломничества (в Кельн, Сантьяго-де-Компостелла) — отсюда сюжеты песен «Св. Иаков спасает паломника, идущего в Сантьяго-де-Компостелла», «Иисус смиряет бурную реку», «Мария и лодочник», «Мария молит Бога за женщин-детоубийц». Свое отражение в народном творчестве находят также торговля, жизнь монастырей и замков («Благородная госпожа убивает ребенка служанки», «Неверная госпожа и три стражи»). Из немецкой традиции в XV в. в Словению попала песня о короле Матьяже и Маргетице. Описание жизни в замке характерно также для песен «Король Матьяж спасает свою невесту» и «Король Матьяж в турецкой неволе». Наиболее известной, несомненно, является эпическая песня «Пегам и Ламбергар». Повествование о битве богатыря Ламбергара с вызвавшим его на бой иноземцем

Пегагом является не только первым опубликованным примером словенского народного творчества, но и одной из самых известных словенских эпических песен светского содержания. Упоминания о ней встречаются в исторических источниках еще до того, как она была записана⁶. Содержательное ядро песни — поединок между рыцарем и великаном, обладающим сверхчеловеческой силой. Первоисточником здесь стал вавилонский мотив боя богатыря с великаном, который оставил след в еврейской традиции (Давид и Голиаф) и распространился по всей Европе в прозаическом и песенном вариантах. Эта песня очень распространена, о чем свидетельствуют многочисленные изображения на фронтальных досках расписных ульев.

Проникли в народную балладную традицию и испанские мотивы, содержащиеся, например, в песне «Зарика и Сончица» о сарацинском плене. Одним из самых известных — и одновременно наиболее трансформированных, благодаря переложению поэта-романтика Ф.Прешерна произведений⁷, в котором мотив похищения трансформируется в чаение чего-то заморского, лучшего, является баллада «Красавица Вида» о похищении молодой женщины-матери во времена арабо-мавританских набегов. Сюжет баллады о «Похищении хитростью — заманивании на корабль с драгоценным товаром», вероятно, был занесен норманнами на Сицилию в IX–XI вв. Баллада «Юная Зора» также описывает жизнь в замке, это семейная эпическая песня, в которой содержится мотив опасного сватовства. На нее повлияла распространенная на Востоке и в Византии притча о Соломоне и его неверной жене, которая, применив волшебное средство, убегает от мужа к царю-язычнику. Из европейской (немецкой) традиции до Словении дошла баллада о Еленгаре. Еленгар (Улингер, Лайнар) — отрицательный народный персонаж словенской версии старинной народной баллады об убийце девушек, которую и поныне исполняют почти во всех германских, романских и славянских землях. Баллада предположительно зародилась в Голландии, где была опубликована еще в 1540 г. Халевийн — соблазнитель девушек сначала очаровывает их своим пением, а затем убивает. В Германии героя стали называть Улингер, у словенцев — Еленгар, а иногда — Лайнар⁸.

В Новое время наибольшее распространение получили темы турецких набегов в период начала XV — конца XVII в.

6 Хроники XVII в. Я.Л. Шёнлебена и Я.В.Вальвзора (прим. ред.).

7 Prešeren F. «Pesem od Lepe Vide»// III zvezek Kranjske Sbelice, 1831 (прим. ред.).

8 Lajnar — словен. «шарманщик» от нем. «Drehleiere» (прим. ред.).

(например, песня об Аленчице из Рибницы), австро-турецких войн («Турки под Веной», «Разбойник» и др.), в меньшей степени — крестьянских восстаний, которые рассматриваются, скорее, в социальном ракурсе («Господин стреляет в распятие»). В некоторых текстах сохранились мотивы борьбы за власть между различными династиями («Девушка-воин»). Песни рассказывают об армиях наемников, эпохе Реформации («Самоубийство монахини»). К концу XVII в. можно отнести оригинальную балладу «Галерник». Не позднее 1781 г. возникла песня о матери, осужденной за убийство ребенка. О всеобщей воинской повинности говорится в солдатской песне «Ой, этот боевой барабан». Присутствует также тема французской военной кампании, например «Французы начали войну» и др. В XVIII в. в Словению проникают четырехстрочная альпийская плясовая строфа — частушка (словен. «poskočnica»). XIX в. стал временем возникновения так называемых «сословных» песен, связанных с принадлежностью к определенному слою общества или профессии, и особого типа поминальных, или прощальных песен, характерных в основном для северо-восточных областей, которые вскоре после своего возникновения стали частью эпической традиции (например, «Убийство на гулянии»).

По аналогии с классификацией, принятой в литературоведении, народные песни можно разделить по жанровой принадлежности на эпические и лирические, по содержанию, функции, принадлежности к тому или иному слою общества («сословности») и по соотносительности с возрастом. Чаще всего песни классифицируются по их содержанию. Помимо эпической песни — баллады, которая будет ниже рассмотрена более подробно вследствие своей исключительной важности для словенской народной и литературной традиции, можно выделить лирические любовные песни, содержащие личную исповедь, наряду с ними — песни-раздумья, а внутри группы любовных — частушки, являющиеся особой формой любовных лирических песен. Любовные песни составляют отдельную группу: их темой является любовь между юношей и девушкой и связанные с этим последующие события («Где ходит моя пара», «Они обнимаются»).

Поскольку некоторые из жанров народной песни связаны с обычаями и обрядами, в зависимости от функции можно выделить также сватовские (свадебные), погребальные, плясовые, солдатские и другие песни. В сватовских песнях говорится о свадьбе, ими в обязательном порядке сопровождалась свадебные обряды, сюда же относятся некоторые здравицы. При снятии венца с головы невесты также поются обрядовые песни, есть специальные песни, под которые собирают подарки для не-

весты, серенады, исполняемые парнями под окном возлюбленной («Приглашение на свадьбу», «Налью винца себе я чарку»). Погребальные песни исполнялись у смертного одра, в их текстах говорится о смерти, бренности, душах в чистилище, о похоронах и т. д. («Смерть забирает всех»). Особой группой являются религиозные песнопения, исполняемые верующими в церкви, своеобразный характер исполнения отличает лоретанские литании⁹ и народные молитвы, также имеющие форму речитатива, но их следует отнести, скорее, к кратким ритмизованным текстам («Баюкай же, Мария, Иисуса»). К религиозным относятся также песни паломников. По своей функции они представляют собой особый жанр, поскольку исполнялись исключительно в период паломничества, при заходе в паломнические церкви, большинство из них посвящено Деве Марии, некоторые песни можно отнести к эпическим («Мария, ударенная в Любно¹⁰). Кое-где существовал обычай причитать, оплакивая усопшего. В этих песнях присутствовал своего рода речитатив, а мелодии как таковой не было (например, «Причитание по матери»). К погребальным песням относятся также «прощания», которые можно назвать песнями-некрологами, поскольку они включают информацию о времени трагического события, его месте и имени (именах) лиц, которые покалечились, умерли или были убиты. Тексты и мелодии этих песен писались местными грамотными людьми — учителями, органистами или просто талантливыми выходцами из народа («Скоропостижная кончина трех дочерей»).

Плясовых песен в Словении немного. Бытует несколько таких текстов, их пели и поют во время танца, хотя сам танец не обязательно в них упоминается («Танец со стуком»). Танцем, при котором исполняются плясовые песни, является штаериш, во время него пение частушек (иногда сочиняемых на ходу) перемежалось с инструментальным сопровождением. Песни, классифицируемые «по социальной принадлежности» — это произведения о холостом и замужнем состоянии, о профессиях, крестьянском труде («Песня дровосеков»). В песнях о браке или холостой жизни хвалят или проклинают замужество, рассказывают о трудностях брака, они могут быть шутивными или насмешливыми. Форма этих песен по-

9 Лоретанская литания — литания Пресвятой Деве Марии, складывавшаяся на протяжении XV–XVII вв. паломниками в Лорето; часто используется для личной молитвы (*прим. ред.*).

10 Имеется в виду легенда о каменщике из с. Любно на северо-западе Словении, ударившем в висок деревянную статую Девы Марии (*прим. ред.*).

казывает, что они относятся к новейшим пластам традиции и были созданы, скорее всего, в XIX в. («От всех привет холостяку», «Замужняя женщина рассказывает девушке о трудностях брака»). Особой разновидностью являются солдатские песни: в них рассказывается о военной службе и солдатской жизни, находят отражение события военных лет, в том числе реальные, например, французские и австрийские военные кампании, запись в добровольцы в армию императора Мексики Максимилиана Габсбурга¹¹ и т. д. («Плохие новости слышны из Граца»). Некоторые песни о профессиях являются шутивными или дразнилками, многие созданы исполнителями — музыкантами. К ним относятся некоторые шутивные песни и дразнилки (например, о недовольном брате-францисканце, о жителях г. Камник, а также варианты известной и в других странах дразнилки о портных, убежавших от улитки). Отдельную подгруппу песен о профессиях представляют собой песни ночных сторожей. В Любляне в эпоху Средневековья существовали профессиональные ночные сторожа, которые каждую ночь ходили по городу, выкрикивая, который час, чтобы показать, что они бодрствуют и следят за возможным возникновением пожаров.

Особую группу представляют собой колядки, обрядовые песни колядников. Колядование — обрядовый обход, совершаемый колядниками от дома к дому по особым праздникам. Впервые колядование упоминается в катехизисе основоположника словенского книжно-письменного языка протестанта П. Трубара 1575 г. Имеется особый обрядовый шаблон — приветствие, пожелание к соответствующему празднику, просьба о подарке, выражение благодарности и заключительное приветствие. Песни подразделяются на новогодние пожелания, колядки на праздник Трех королей, на Сретение, на Юрьев день, купальские колядки, колядки на день Св. Варвары, рождественские колядки, колядки на день Св. Стефана, сюда относятся также тексты на «день битья» в День невинных младенцев 28 декабря («Старая белокрайнская колядка»). Детские песни — это песни, написанные детьми и отражающие их видение мира. К детским песням причисляются как те, которые поют или про-

11 Максимилиан I Габсбург (1832–1867) — австрийский эрцгерцог, брат императора Франца Иосифа I. В 1864 г. в ходе начавшейся в 1861 г. англо-франко-испанской интервенции в Мексику провозглашен мексиканским императором (его власть распространялась лишь на районы, оккупированные французскими войсками). После эвакуации французских войск из Мексики (1867 г.) взят в плен и казнен (*прим. ред.*).

износят нараспев сами дети, — считалки, вопросы-ответы, пожелания, словесные игры, подражания, плясовые игры, песни про животных («О сороке»), так и те, которые детям поют или рассказывают взрослые (колыбельные — «Убаюкивая Иисуса», игры с пальцами и т. д.).

Для словенских народных песен характерны несколько особых стихотворных форм, встречающихся только в народном творчестве и неизвестных авторскому поэтическому искусству, например трехчастный восьмисложник, являющийся составным стихом: 3+2+3. Он относится к древнейшему словенскому стихотворному наследию и особо интересен тем, что среди индоевропейских народов известен только славянам, а также тем, что эта весьма сложная стихотворная форма не имеет аналогов даже в античной поэзии:

Fantič je / hodil / daleč v vas, / Tjakaj čez / britof / žegnani
Ходил парень далеко в село, туда через кладбище освященное.

Другой особой формой является лирический десятисложник — древнейшая стихотворная форма, которую словенцы принесли с собой уже в период заселения своей нынешней территории. Лирического десятисложника нет ни у соседних германских народов, ни у романских, хорватское влияние также исключается, поскольку этот тип стиха известен в центральной, северной и западной Словении. Его особенностью является деление: 5+5 слогов, отличное от сербского и хорватского героического десятисложника: 4+6. Лирический десятисложник был основным словенским балладным стихом. Он сохранился в эпических и лирических песнях, однако в последних распался на два пятисложника. В эпической песне лирический десятисложник выглядит так:

Sveta Kristina / bolna ležala, / bolna ležala / milo jokala
Святая Кристина больная лежала, больная лежала, тихо плакала;

в военной песне два пятисложника объединены в десятисложник с анакрузой¹²:

Oh, kaj si je zmisla naš svetli cesar, / za pet regimantov je fantov sebra
Ох, что придумал наш пресветлый император, пять полков он парней собрал.

12 Анакруза или анакруса (др. греч. ἀνάκρουσις — отталкивание) — безударные слоги в начале строки до первого ударения (*прим. ред.*).

Для альпийского региона характерны альпийские частушки — краткие четырехстрочные песни, или куплеты, имеющие размер так называемого частушечного стиха, подобные восточно-альпийским частушкам (нем. «*Schnaderhüpfli*») на немецкой языковой территории. Частушки — это краткие импровизации, созданные по определенному ритмическому и метрическому образцу. Они непосредственно связаны с бытом и укладом жизни, поэтому, как правило, созданы по какому-то случаю, на ходу, отражают то или иное мгновенное настроение исполнителя. Известная словенская частушка составлена из двух двойных пятисложников с одинарной или двойной анакрузой:

Pa sem v Šiško v vas hodil,
pa sem gladil steze,
zdaj pa raste grmovje
pa zelene trave.

В Шишку часто я ходил,
протоптал тропинки,
там теперь растут кусты
да трава густая.

В целом для народной песни характерны языковые шаблоны, формулы, которые являются особым повтором, имеющим определенную функцию в построении текста и сюжетной линии народной песни. Это устоявшаяся форма какой-то мысли или понятия, которая повторяется одинаковым образом в различных сочетаниях и относится к закономерностям языкового и содержательного формирования текста. По своей функции это — композиционное, мнемотехническое и магическое средство. Оно выступает как вводный стих / вводная формула: «*Leži mi, leži vrtec; Stoji, stoji en beli grad*» («Лежит, лежит мой садик; Стоит, стоит белый замок»), заключительный стих: «*Mi se od vas potočimo /, vas Mariji izročimo*» («Мы от вас уходим, вас заботам Марии вручаем») и т. д. Характерны устоявшиеся словосочетания: *beli grad* — «белый замок», *zelena lipica* — «зеленая липка», *belo lice* — «белое лицо», *žlahtno vince* — «благородное вино»; эмпирические сравнения: «*Moja dekle je fajn / kot češnja na gmajn*» («Моя девушка хороша как черешня в поле»); использование чисел 3, 5, 7, 9, что может означать постепенное усиление: «*s prvoj šiboj, z drugoj šiboj, s tretjo šiboj*» («с первым ударом, со вторым ударом, с третьим ударом»); выражение с помощью противопоставлений, временные, пространственные, количественные определения: «*Preden bo jutri beli dan / boš že na raje*

dja» («Прежде чем наступит белый день, окажешься на смертном одре»), «z eno roko odpirala, s to drugo me objemala» («одной рукой открывала, другой — меня обнимала»). Часто встречаются формулы с отрицаниями: «to ni lepa zvezdica./ je pa dekliska kamega» («то не прекрасная звездочка, а девичья горница»). Выражается вариантность: «Je pa davi slanica padla; Davi pa je slanica padla; Snoči pa je slanica padla...» («Вчера выпал иней; выпал вчера иней, иней вчера выпал»).

Принятое в Словении определение народной баллады гласит: словенская баллада — это сжатая повествовательная песня, иногда с более акцентированной драматической или диалогической структурой, с особым способом повествования, несчастливым или счастливым концом. У словенцев записано более трехсот типов баллад, что делает Словению одним из наиболее богатых в этом смысле регионов Европы. Баллады распространены по всем областям, но в некоторых они встречаются чаще: например, на территории около Камника и Моравч, на южных склонах Похорья, в долине Рибницы, в Резии и южной части Прекмурья. По функции баллада может быть колыбельной, трудовой или обрядовой песней. Для баллады характерна трехчастная структура (введение, основная часть, развязка). Баллада представляет образ человека, его индивидуальность и национальную принадлежность с учетом архетипических элементов, присущих коллективному сознанию, что придает ей универсальность.

В истории словенской литературы термин «баллада» начал использоваться для относительно коротких эпических песен о необычных, драматически обостренных, иногда ужасающих событиях, заимствованных из сказочного, мифологического, исторического, а также современного их создателям мира. В балладе эпические элементы объединяются с драматическими и лирическими. В истории литературы термин «баллада» переносится на народные эпические песни («Десятая дочь», «Рошлин и Верьянко», «Красавица Вида», «Король Матяж» и др.), оказавшие сильное влияние на развитие авторской баллады. Наиболее известные словенские баллады — «Десятая дочь», «Пегам и Ламбергар», «Юная Зора», «Зарика и Сончица», «Красавица Вида», «Монахиня», «Еленгар», «Музыкант у врат ада» и др. Классификация эпических песен по содержанию восходит к варианту, предложенному еще Штрекелем, более подробно повествовательные песни (баллады) классифицированы в сборнике «Словенские народные песни» I–IV (1970–1998). Они разделены на восемь групп, в зависимости от тематики: героические и исторические, мифологические и сказочные, легендарные, социальные, любовные, семейные, про животных, шуточные, разные.

В словенской народной традиции по числу типов и вариантов наиболее широко представлены эпические песни-легенды (наряду с любовными и семейными), что не удивительно, поскольку словенцы сильно связаны с христианской традицией. Для словенского народного творчества характерно также очеловечивание Иисуса и Марии, святых, персонажей из Священного Писания, которые по характеру весьма приближены к людям.

В словенской балладной традиции выделяются три группы баллад:

— *на общеевропейские сюжеты* — например, баллада о девушке-воине, «Музыкант у врат ада», «Рошлин и Верьянко», баллада о возвращении мужа на свадьбу жены, о сестре, отравившей брата, о кости мертвеца;

— *славянские* — баллада о жене разбойника, баллада о жене водяного, о покинутой девушке, которая наводит порчу на неверного возлюбленного, о пастухе, у которого три женщины вырывают сердце из груди;

— *собственно словенские* — баллада о спасении девушки из рук укравшего ее турка, баллада о десятой дочери; о мельнике, поссорившемся со смертью; о галернике; о плясунье, которую уносит черт.

Для словенской баллады характерны сжатые сюжет и форма, она имеет мелодию, может выступать в функции поминальной песни (баллада о смерти невесты в день свадьбы, о вдовце на могиле жены, о смерти вышедшей замуж в далекие края). Баллады пели и во время коллективных работ, например, сбора винограда, прополки, лущения кукурузы и фасоли, прядения, у смертного одра. Баллада может быть обрядовой песней (на Красе известна колядка на день Трех королей, центральная часть которой является легендарной балладой о Марии и лодочнике), песней ребенку («Водяной»). Сохранилась и баллада как плясовая песня. Так, в Белой Крайне на юге Словении в день зимнего солнцестояния плясали коло и при этом пели сказочную балладу о пастухе, у которого три колдуньи (мать, сестра и возлюбленная) во сне вырвали сердце из груди. Баллада называется «Три женщины вырывают юноше сердце» («Побелело поле»): ритм танца согласуется с ритмом песни — они пляшут коло, танец, который пришел в Словению с Балкан вместе с ускоками¹³. Для народных баллад характерно также некото-

13 Ускоки — военные поселенцы в Хорватии и на юго-востоке Словении в XVII–XVIII вв., главным образом беженцы из находившихся под властью Османской империи югославянских земель (*прим. ред.*).

рое морализаторство — народная справедливость стремится, чтобы зло было наказано. От авторской баллады народная отличается тем, что поется с ярко выраженным ритмом (благодаря мелодии один и тот же стих или строфа сохраняется во всей песне), очень редко исполняется речитативом (на западной окраине словенской территории известен речитативный способ пения, который допускает стихи различной длины в одном и том же тексте). Как и всякая народная песня, в Словении баллада поется коллективно, ее никогда не поет только один из присутствующих, но все вместе. Именно таким образом баллада сохранялась и распространялась.

Словенская авторская баллада возникла позже, когда представители эпохи Просвещения познакомились с немецкими предромантическими балладами и начали переводить баллады Бюргера, Гёте и Шиллера. Первой вершины словенская авторская баллада достигла в XIX в.: после осуществления перевода баллады Бюргера «Ленора» Прешерн написал первую национальную балладу «Водяной» (1830), которая также возникла на основании народной традиции. Еще до появления прешерновского произведения была известна народная баллада о водяном; она основывалась на рассказе о похищении водяным люблянки Уршки Шефер на танцах у липы на Старой площади Любляны, который в Словении был записан Я. В. Вальвзором в историографическом труде «Слава герцогства Крайна» (1689). Можно предположить, что помимо этой версии Прешерн знал также народную балладу «Водяной», текст которой содержался в позднее утерянном сборнике Закотника (1775), и балладу «Черт уносит плюсунью», впервые записанную до 1839 г. Й. Дробничем и опубликованную в 1889 г. с произвольными исправлениями текста. В ней также говорится о танцах под липой, однако там одним из танцоров становится черт, пришедший на танцы для того, чтобы их участники не перекрестились перед началом гуляния. Именно эта баллада считается собственно словенской.

В словенском фольклоре есть и краткие ритмизованные тексты, которые относятся к песенной традиции, хотя не имеют мелодии и носят обрядовый характер, — заговоры. Воспроизводимый в них текст должен точно соответствовать предписанному образцу, поскольку он имеет магический характер, выполняет функцию оберега. Колдовство с помощью слов использовалось с целью лечения людей и животных, предотвращения угрозы ненастья, а также чтобы навредить врагу (проклясть его). Эти тексты имеют дохристианское происхождение, но содержат некоторые христианские элементы («От укуса змеи», «Как охотнику заговорить ружье, чтоб оно не стреляло», «От

ненастья»). Народные молитвы — это также ритмизованные тексты, которые выражают религиозные убеждения людей, отражают почитание Христа и девы Марии, содержат просьбы к высшим силам. В них люди говорят о своих личных телесных и душевных мучениях во время несчастий (чума, голод, страдания в семье). Народные молитвы составлены по образу и подобию литаний, самыми многочисленными являются вечерние молитвы, по содержанию и форме они очень разнообразны, часто связаны также с «Золотым “Отче наш”» — молитвой, пассионной по содержанию, созданной, по всей вероятности, во время катастрофических катаклизмов, охвативших Европу в XIV и XV вв. под влиянием еретических движений бичующихся и прыгунов («Мария, пошли мне шесть ангелочков», «Мы вручаем себя Богу», «Иисусовы муки — Золотой “Отче наш”»¹⁴). Большинство заговоров в Словении собрал В. Мёдерендорфер в книге «Народная медицина у словенцев» (1964), молитвы собраны в 3-м томе «Словенских народных песен» К. Штрекеля (1904–1907) и в книге З. Кумер «Золотой “Отче наш”» (1999).

Краткие ритмизованные тексты, имеющие повествовательный характер, — пословицы, поговорки, загадки, устойчивые народные речения. Народная поговорка представляет собой устойчивое словосочетание, обычно с особым переносным значением слов, которое в различных текстах повторяется в частично измененном виде. При чтении текстов песен они ощущаются как постоянные составляющие, имеющие характер повторяющейся формулы, в похожих условиях появление их в тексте ожидаемо:

«Šej si, Nežica doma, / da te nišči ne pozna» — «Откуда же ты, Нежица, родом, что тебя никто не знает»;

«Oj, čej si kralič, ti doma, da te nišče ne pozna?» — «Ой, Откуда же ты, королевич, родом, что тебя никто не знает?».

Пословица — это емкая словесная структура, которая выражает некоторую мысль, а зачастую народную мудрость. Она может быть составной частью повествования, даже басни и содержать скрытую мораль: «Хочешь зажечь других, должен гореть сам», — авторство этого изречения принадлежит видному просветителю XIX в. епископу А. М. Сломшеку. Некоторые из таких формул можно найти у Вальвзора и в барочных текстах конца XVII в. священников Я. Светокрижского и Матии Кастелеца. Попытку систематизации таких изречений пред-

14 Золотой «Отче наш» — сложенная в народной среде словенская молитва в форме диалога Христа и Богородицы (*прим. ред.*).

принял В. Урбас, который подразделил их на правила жизни, изречения о человеке и его природе и пословицы о погоде. Другой дидактический жанр — загадка — привлек внимание словенских просветителей. Отдельный сборник загадок первым издал во второй половине XVIII в. М. Похлин, а поэтически их обработал поэт В. Водник.

В Словении в XVIII в. внимание словенских интеллектуалов в большей степени было сосредоточено на народных песнях, чем на народных сказках. Водник с помощью помещика из Рибницы Й. Рудежа собрал некоторые сказания о мифологических существах в «Мифах и верованиях Рибницы», однако из-за того, что тогда песня считалась более высокой разновидностью литературы, редкие записи народной прозы он переложил в стихах («Дрозд и бездна»).

В эпоху романтизма интерес к поэтическому творчеству был значительно больше, чем к прозе, поэтому известны лишь отдельные записи народных сказаний. Среди редких записей сказка о «Лисице и волке» из архива Михи Кастелица и несколько записей поэта С. Вразы и собирателя фольклора Э. Корытко. В Каринтии о них писал священник и поэт У. Ярник. Его «Собрание прекрасных мыслей» (1814) включает в себя также сто пословиц. Этнограф и поэт М. Равникар-Поженчан помимо народных песен начал записывать сказки и сказания. Когда в Вене была создана кафедра славистики (1849), лингвист Ф. Миклошич, заложивший основы славянской филологии, стал инициатором собирания народного повествовательного творчества. Его продолжателями были Д. Трстеняк, М. Майяр-Зильский, И. Навратил и др. Значение народных текстов для понимания славянской мифологии, следуя за мифологической теорией Гримма, научно обосновал Г. Крек в книге «Введение в историю славянских литератур» (1874).

Народные сказания записывал также литератор М. Вальвеец, который во второй половине XIX в. стал самым значительным собирателем этого вида фольклорного творчества. К концу XIX в. наиболее крупными исследователями были Штрекель, который помимо народных песен занимался также рукописями народных сказов, и Мурко, посвятивший народным сказаниям свой труд «История семи мотивов у славян» (1890), важную роль сыграли также исследователи Ф. Котник и Й. Глонар. После Первой мировой войны были опубликованы многие сборники народных прозаических текстов, например, «Народное творчество в Роже» (1936–1937) Й. Шашела. В 1930 г. вышли «Сказки и сказания словенского народа» Я. Келемины, до настоящего времени единственный общесловенский сборник народных по-

вестований. Народные сказы с 1947 г. исследуют сотрудники Института словенской этнографии Научно-исследовательского центра САНИ. Научного сборника народных повествований нет, важным источником для их изучения является популярный сборник «Голоса» (издается с 1988, до настоящего времени вышло восемнадцать книг), публикуемый издательством «Кмечки глас» в Любляне.

Повествовательное народное творчество подразделяется на две основные группы: сказки и сказы. В отличие от народных песен, где особенность строения определяет мелодия, здесь в основе лежит способ драматичной подачи содержания повествования.

Античная традиция отражается в сказаниях о жаликженах¹⁵, словенском аналоге сивилл. Охотник «Сам» из Резии — это античный Полифем. Сказание о лешем («divji mož»), которого ловят пьяным, напоминает историю фригийского царя Мидаса. Славянское влияние прослеживается в сказаниях о мифологических существах (нечистой силе), таких как кресники, мрачники, ведомцы, шкопники¹⁶ и др. Средневековые представлены мотивами из Священного Писания, разошедшимися по сказаниям. Широко известна история о птице, которая носит пищу отшельнику (св. Бенедикт), она записана у Вальвазора. История, высмеивающая жителей Рибницы и Вержея, которые якобы купаются в «льняном море», известна еще Павлу Диакону, только его шуточный рассказ в «Истории лангобардов» (VIII в.) относится к враждебному лангобардам племени герулов. Военные походы венгерского короля Матии Корвина помимо народных песен зафиксированы также в сказаниях с теми же мотивами. В Новое время больше всего сюжетов для народных сказаний породили французские военные кампании.

Сказки — это повествования, сюжет которых несомненно вымышлен. Они имеют драматическую завязку и развязку, в них отражается жизнь и образ мышления прошлых эпох. Сказки являются своего рода воспоминаниями о некоторых забытых ныне общественных отношениях и утраченных традициях, таких как авункулат¹⁷, каннибализм, матриархат и др. Они при-

15 Žalikžena — словен. вила, добрая фея (*прим. ред.*).

16 Словен. персонажи низшей мифологии и фольклора мужского рода: кресник — защитник края от др. нечистой силы, мрачник — существо, олицетворяющее темное время суток, ведодец — ведьмак, колдун, шкопник — домовый (*прим. ред.*).

17 Авункулат — установленная обычаям, восходящая преимущественно ко времени перехода от матриархата к патриархату тес-

влекают внимание к фундаментальным этическим ценностям, в них скрыты архетипы.

В словенской сказительской традиции сказки подразделяются на волшебные, бытовые и сказки про животных. Тематика и стиль словенских сказок научно не обработаны. Примеры волшебных и бытовых сказок — «Одна маленькая, маленькая сказочка», «Мизинчик», «Бог заботится обо всех», «Чернокожая покупает девушку», «О водяном», «Курент», «В тридевятиом царстве» и др. Примеры сказок о животных: «Три утки», «Пес и заяц», «Бежим, мир рушится», «Хвостик».

Сказ более чем сказка связан со средой своего бытования. В нем говорится о реальных или вероятных событиях. Он краток и часто кончается трагически или поучительно, подобно балладе. Первые записанные сказы содержались в сочинениях словенских протестантов, а также в труде Вальвзора. Более ста кратких сказаний говорят о возникновении названий отдельных местностей, об источниках воды, камнях, растениях, животных (например, сонях), они делятся на этиологические, мифологические, исторические, социальные, сказы-легенды и шуточные сказы, подобно тому, как и в народной поэтической традиции классифицируются баллады. Древнейший пласт представляют собой мифологические сказания. Они поясняют возникновение мира, рассказывают о мифологических существах (добрых и злых — вилах, роеницах¹⁸, лешем, шкопнике, водяном, гноме), призраках, говорят о природных катаклизмах, о людях, обладающих особой силой и способностями: волкодлаке (вурдалак), креснике, ведомце, Куренте¹⁹ (например, «Баба-Яга», «Ночь — моя, день — твой», «Мать нельзя ударить», «Ведомец», «Видела я шкопника»).

Народный сказ «Курент»

В давние времена жил-был на этом свете Курент. Хотя много чего он в жизни натворил, даже смерти и чертям за-

ная связь между дядей с материнской стороны и племянниками; характеризуется взаимными правами и обязательствами, поддерживающими близость человека к роду его матери (*прим. ред.*).

18 Словен. персонажи низшей мифологии женского рода: вила — существо, наделяемое преимущественно положительными свойствами (добрая волшебница), роеница — пророчица, отвечающая за будущее новорожденного (*прим. ред.*).

19 Kurent — дух земли, ряженный персонаж карнавального шествия (*прим. ред.*).

дал жару, и он тоже попал в Царствие небесное. Послушайте, сейчас я вам расскажу обо всех его выходках и как он обманом попал живым на небеса, где наверняка пребывает и сегодня.

Работал он у одного богатого крестьянина целых долгих семь лет, и получил за это семь серебряников и еще курточку. Ушел он тогда от того крестьянина и отправился бродить по свету. Куда ни придет, везде кричит:

«Семь лет я работал, заработал семь серебряников и еще курточку!»

Встречает его нищий и говорит ему:

«Если ты заработал целых семь серебряников, дай мне один!»

«Вот, бери — ведь мне останется еще шесть!» — говорит Курент. Идет себе дальше и кричит:

«Семь лет я работал, заработал семь серебряников и еще курточку! Один серебряник отдал я бедному нищему!»

Конечно, все над ним потешались да смеялись. Ну вот. Прослышав про это, к нему так и пошли нищие, и каждый просит дать ему по серебрянику. Курент деньги раздает и все кричит, рассказывает, сколько лет он работал, сколько денег заработал и сколько уже раздал. В конце концов, остается у него только курточка. И вот опять подходит к нему нищий и просит подаяния. А был это сам Господь Бог. И поскольку денег у Курента уже не осталось, отдал он ему курточку. Тогда нищий и говорит:

«Ах, Курент, добрая душа, ты действительно готов сжаться над каждым, кто просит подаяния. А сам-то ты чего бы хотел?»

«Ха-ха-ха, — рассмеялся Курент. — Ты-то что мне можешь подарить? Ну, если есть у тебя и вправду что-то особенное, дай мне скрипку, да такую, чтобы каждый тотчас пукался в пляс, как только я заиграю; ружье, из которого я мог бы попасть в любую цель, стоит только прицелиться; нитку, которая не рвалась бы, что бы я ею ни завязал; железные козлы, к которым приклеится всякий и не отклеится, пока я его не выпущу, а козлы эти пусть все больше раскаляются и жарят того, кто на них окажется!»

Курент только хотел подшутить, уж такова была его привычка. Как же был он удивлен, когда увидел, что под пазухой у него скрипка, на плече — замечательное ружье, в кармане — нить, а рядом стоят железные козлы. А нищего-то нигде и нет. Курент подумал:

«Будь что будет — а как хорошо все вышло!»

И отправился в путь в один город. По пути видит на пашне благородного господина, который целится в большую птицу, а никак не может в нее попасть.

«О-хо-хо, господин хороший, и не стыдно Вам, что Вы никак не можете попасть в цель?!»

Благородного господина обидела его насмешка, и он резко ему отвечает:

«Если ты, дурак, сможешь в нее попасть, я разденусь и голышом пойду за ней, куда бы она ни упала!»

«Ну, погоди, задница господская, сейчас я тебе насолю!» — думает Курент. Берет ружье, прицеливается, стреляет — и птица замертво падает в самую гущу зарослей ежевики.

«О-о-о, господин хороший, умеете ли Вы держать слово?» — кричит Курент. Благородный господин пытался отвертеться, как мог: и деньги ему предлагал, и просил, и умолял, и ругался — ничего не помогает. Раздевается он тогда и осторожненько лезет через заросли ежевики. Как только он добрался до середины, Курент берет скрипку, да давай на ней так зажигательно играть, так что господину ничего не оставалось, как только начать плясать в самой гуще ежевики. Так и вылез он оттуда, приплясывая, весь оцарапанный до крови, и потом еще долго скакал и прыгал, все просил да умолял Курента остановиться. Курент же смеялся от всего сердца. Когда же ему показалось, что господина вот-вот покинут последние силы, он прекратил играть, поклонился и пошел своей дорогой.

Господин этот разозлился донельзя и подал на Курента в суд. И судьям эта выходка Курента показалась такой безобразной, что они осудили его на повешение. И вот уже палач только ждал приказа, чтобы накинуть ему веревку на шею, как Курент и говорит:

«Господа судьи! Если уж кто-то стоит на таком троне, как стою я, у него есть право на последнее желание. Желание у меня скромное: дайте мне мою скрипку, чтобы я мог хотя бы еще разочек сыграть на ней, а потом я спокойно умру, раз уж мне суждено умереть!»

Судьи сразу же согласились исполнить такое скромное желание. Только тот господин, которому пришлось плясать да скакать по колючей ежевике, как начал кричать:

«Не давайте ему, не давайте! Мы все здесь будем плясать, ужас что будет! Не давайте ему скрипки!»

Но судьи его не послушали. Тогда господин им и говорит:

«Вот увидите, вы еще пожалеете. Если уж вы решили дать ему скрипку, привяжите меня к какому-нибудь колу, с меня довольно — я уже наплясался в ежевичных зарослях».

И вот господина того привязали к колу, а Куренту дали скрипку. Начал он играть, и все судьи и зрители начали плясать да скакать, так что пот градом катился у них со лба. Начался страшный шум, раздались вопли, просьбы, проклятия — все одновременно. Палач прыгнул с помоста, да и сломал себе ногу. Господин, привязанный к колу, тоже то вставал, то присаживался, так что бревно ходило ходуном, да приговаривал:

«Разве я вам не говорил: не давайте ему скрипки!»

Курент же через некоторое время сбежал и тем спас всех участников шумной пляски. Никто даже не подумал за ним гнаться.

Так и шел Курент по свету. Остановился он однажды у одного кузнеца, у которого служил много лет. Тогда-то и вспомнила про Курента смерть и пришла за ним. Вот она ему и говорит:

«Курент, настало время отвести тебя к Богу!»

«Ладно, — отвечает Курент, — только сначала залезь на ту яблоню и нарви корзину спелых яблок. Принесем их Богу в подарок!»

Смерть залезла на дерево, а Курент возьми да и привяжи ее нитью к яблоне, и так долго ее держал. Тогда на целом белом свете люди вовсе перестали умирать. Смерть его и просит, вздыхает: «Отпусти меня!», да только все ее просьбы напрасны. Когда же она ему пообещала, что никогда больше не придет за ним, он ее отпустил, а та как побежит домой, только пятки сверкали.

Смертный, муж ее, и говорит ей:

«Подожди-ка — я его тебе приведу!»

И что же — ему еще хуже было. Получил свое палкой уже на завтрак. Курент же отпустил его с дерева только тогда, когда тот ему пообещал, что больше за ним никогда не придет.

Через семь лет приходит за Курентом сам Люцифер, дай, мол, попробую, что этот Курент умеет. Курент же проколол иголкой кузнечный мех и говорит:

«Если ты сможешь залезть в мех через эту дырочку, пойду с тобой, а если нет — ни за что!»

Черту сделать это было очень легко, и он сразу залез в мех. Тогда Курент зашил дырочку своей чудесной нитью и положил мех на наковальню. Целых семь лет мучил он чер-

та, бил его молотом, так что у бедняги все кости были переломаны. Потом его отпустил. Поскольку к Куренту больше никто не решался приблизиться, он еще много лет работал себе в кузнице без всяких забот. Во всем аду не было такого храброго черта, который решился бы за ним пойти.

Но через несколько лет «тот хромой» черт все-таки решился вновь пойти за Курентом. Все черти страшно обрадовались, вновь засиял им лучик надежды! Приходит черт к Куренту, а Курент ему и говорит:

«Ой, как мне тебя жалко! Устал ведь ты, наверно, бедняга? Садись-ка вот на эти козлы, отдохни немного!»»

Черт садится, железо начинает раскаляться и обжигать ему здоровую ногу. Козлы раскалялись и жгли все больше и больше, черт весь извелся от боли. Курент же ему кочергой прижигал и другую ногу, так что стал тот хромым на обе ноги. Черт кричал, просил, проклинал, а Курент все только смеется и — жжет его дальше. Через семь лет он его отпустил, и черт еле-еле дополз до ада. Все тогда в аду поклялись, что не хотят видеть Курента там, раз никто с ним не может справиться.

Куренту же через много-много лет надоело жить. Вот в один прекрасный день он и говорит:

«Надо бы мне посмотреть, как поживают мои старые знакомые в аду».

И отправился туда. Как только черти его увидели, то испугались да так сильно вцепились в ворота, чтобы Курент случайно не смог их открыть, что когтями проткнули их насквозь. А Курент тогда и думает: «Подожди-ка, надо бы мне эти гвоздики загнуть да забить!» И забил в ворота их когти с обратной стороны.

Потом купил себе вина и отправился к небесным вратам, а Святой Петр не хотел ему отворять, поскольку на этом свете он натворил немало. Курент же ему и говорит:

«На, немного вина-то ты можешь взять от грешного Курента, но надо тебе будет широко расставить ноги, если хочешь выпить!»

Св. Петр вино взял, ноги широко расставил, а Курент возьми и проскользни у него между ногами прямо в рай. Там за райскими вратами видит он на земле свою курточку, которую он подарил когда-то тому нищему. Встал он на нее и говорит:

«О-о-о, я опять стою на своем!»

Святой Петр же пожаловался на него Богу, а тот его ругает:

«Ах, Петр, это горло твое тебя совратило. Оставь Курента в покое, ведь он сидит — на своем!»

Так-то вот — видите — и попал Курент в рай. Обманывал всех на этом свете, а в конце концов обманул и самого Святого Петра.

(Кобарид)²⁰

Легенды — это истории из жизни святых, пророков, мучеников и угодников, заимствованные из церковной традиции. В центре легенды чаще всего лежит рассказ о чудесном событии, которое подтверждает святость вышеуказанных персонажей, и одновременно там говорится о воздаянии людям за их добрые дела и о наказании для грешников. Сказания-легенды подобно песням-легендам рассказывают о вымышленных событиях из жизни Христа, Богородицы и святых, о чудесных деяниях святых, наказании за грехи, раскаянии грешников и др. Известными сказаниями-легендами являются «Христос и св. Петр», «Именины св. Антона», «Предсказатель погоды».

Исторические сказы имеют определенные временные рамки (например, турецкие и французские войны), в них выступают реальные лица (Аттила, король Матьяж, пес Марко²¹ и др.), с реальными историческими фактами у них, правда, мало общего, но они производят впечатление повествования о некотором реально произошедшем событии. Существуют исторические сказания, например, о гуннском короле Аттиле, турецких набегах, крепостном праве, разбойниках, француженско-австрийских войнах и др. («Три гроба для Аттилы», «Песьеголовые на Похорье», «Шершни и турки», «Сказка о хитром крепостном», «Во времена французов»). Этиологические сказы пытаются объяснить те или иные особенности человека, животных или растений («Откуда у мужчин адамово яблоко», «Почему у зайца короткий хвост», «Об осине»). Из них можно узнать, откуда произошли те или иные названия, почему природа Словении так разнообразна. Это своего рода поучительные сказы (например, «Откуда взялся человек», «Пятьдесят бедных детей Евы», «Как наши деревни получили свои названия», «Ребенок будет немым»). Социальные сказы говорят об общественной жизни, самых разнообразных ее проявлениях: от несчастной любви, клеветы, смерти от чумы до излишней скупости («Несчастливая любовь», «Разделенный перстень», «Лекарство от чумы», «Он при-

20 Из книги: «Толминские сказки» под ред. Я. Доленца. Любляна, 1989.

21 Пес Марко — словенский фольклорный персонаж, получеловек-полусобака, родившийся от связи женщины с «песьеголовым иноземцем» (прим.ред.).

нес хлеб»). Шутливые сказы говорят о смешных, юмористичных случаях и происшествиях (например, «О Павлихе»²²), насмехаются над жителями отдельных мест (Рибница, Вержей и др.): «Проснулся я в поле», «Скупость», «Везет навоз».

Байки (анекдоты) по определению не должны были бы относиться к народному повествовательному творчеству, однако со временем реальные истории о конкретных лицах преобразуются в анекдотические («Водник был душой компании», «Франце Бевк²³ в Идрии»).

На протяжении всего существования словенской литературы наблюдаются мощные и разнообразные схождения между авторским творчеством и народными песнями (в меньшей степени с народными повествовательными жанрами), поскольку все направления словенской поэзии от классицизма, романтизма до современного нового экспрессионизма, сюрреализма и постмодернизма проходили через фазу слияния с фольклорной поэтикой. Народная песня оказывала и продолжает оказывать существенное влияние на авторское творчество. При этом в авторских произведениях могут использоваться как отдельные фольклорные элементы (например, метрическая стопа — трохей), так и явления в целом (имитация жанровой формы, например, народной баллады). В этом случае народная песня становится для поэта идеальной моделью.

Во все периоды истории словенской литературы заимствование исходных мотивов из народного творчества было преднамеренным, хотя его цели были различными. О народной песне можно сказать, что в ее поэтику включаются лишь отдельные элементы авторского поэтического творчества, это происходит тогда, когда складываются определенные социальные предпосылки. Переход отдельных авторских произведений в народную традицию происходит в случае, если такое поэтическое произведение «имитирует» (неосознанно следует народной психологии, использует уже известные содержание и форму) народную песню во всех ее внутренних и внешних закономерностях (песня, ставшая народной). Подобные явления были характерны для второй половины XIX в. в творчестве поэтов С. Енко («Ленчица») и С. Грегорчича («Нет его»), где налицо генезис и трансформация произведения от авторского творчества к народному.

22 Павлиха (словен. pavljíha) — шутовской персонаж словен. фольклора, напоминающий русского Петрушку (*прим. ред.*).

23 Бевк Ф. (1890–1970) — словен. писатель, уроженец Словенского Приморья (*прим. ред.*).

В поэзии связь народного и авторского можно найти уже у В. Водника (использование частушки как народно-поэтической стилиевой модели), написавшего в этом ритме стихотворение «Мой памятник»:

Kar mat je učila,
me mika zapet,
kar starka zložila,
jo lično posnet.

Как мать научила,
хочу я запеть,
что раньше сложили,
то стоит мне спеть.

и в стихотворении «Довольный крайнец». В дальнейшем фольклорная традиция наблюдается в стихотворениях Ф. Прешерна, Ф. Левстика, С. Грегорчича, С. Енко, А. Ашкерца. Все четыре представителя словенского модерна О. Жупанчич, И. Цанкар, Й. Мурн и Д. Кетте старались найти исходные мотивы в народных песнях и повествованиях. Точно так же поэты первой половины XX в. А. Градник, С. Косовел и Э. Коцбек обращались к народной традиции. Это можно сказать и о современных авторах — от Д. Зайца, С. Макарович, В. Тауфера и Г. Стрниши до Я. Освальда и А. Штегера. Все они использовали как формальные, так и содержательные компоненты, характерные для народных песен. Ставшее народной песней стихотворение А. М. Сломшека «Пряха» взято в качестве формальной основы (тот же тип стиха и припев) для стихотворения С. Макарович «Прялка», иного по содержанию. Часто используемым литературным образом в современной словенской поэзии стал Еленгар (М. Винцетич, С. Макарович, В. Тауфер). В словенской художественной прозе одним из первых мотив Давида и Голиафа использовал Ф. Левстик в повести «Мартин Крпан из деревни Врх» (1858). Герой первого словенского романа Й. Юрчича «Десятый брат» (1866) — литературный образ, который возник на основе народной традиции, однако был совершенно оригинально интерпретирован. В национальной беллетристике мотив рыбы Фароники встречается у И. Прегеля, Г. Стрниши, В. Тауфера, С. Вуги, Й. Сноя. В литературной форме на основе народных песен возникла известная поэтическая драма «Юная Бреда» Д. Зайца.

Для словенской литературы характерно появление произведений с похожими сюжетами, относящимися к разным этапам развития словесности, они составляют интертексту-

альные ряды, духовными носителями которых являются словенские народные песни. Таковы женский архетипический ряд «Красавица Вида» и мужской — «Король Матьяз» (народная песня и сказ). Оба многократно использованы в поэзии и прозе, одна Красавица Вида имеет тридцать шесть авторских стихотворных вариантов. Широкую известность получил ряд «Ленора, или Мертвец приходит за возлюбленной»: текст оригинальной народной песни «вселяется» в новый поэтический организм, неся идею о силе любви, отрицающей смерть, и различными способами трансформируется. Так, в его начале стоят народная песня «Мертвец приходит за возлюбленной» и прешерновский перевод стихотворения Бюргера «Ленора», также ставший народным, далее следуют метатексты: «Князев зять» (1860) С. Енко, «Невеста солдата» (1890) А. Ашкерца, «Ночная свадьба» (1898) А. Хрибара, «Песнь Леноры» (1963) Г. Стрниши, «Ленора» (1972) С. Макарович, «Сверло» (1983) Ф. Загоричника, «Ленора» (1988) М. Винцетича и др.

Народное песенное и повествовательное творчество имеет свои трансформации и в прозаических произведениях: Курент часто становится литературным образом, например, в повести И. Цанкара «Курент» (1909), драме М. Ремеца «Мертвый Курент» (1960), поэмах И. Торкара «Курент» (1946), Ф. Космача «Курент и смерть» (1950), Ф. Форстнерича «Пьяный Курент» (1971). На народную традицию опираются в своем творчестве М. Кранец — «Красавица Вида Прекмурская» (1972), М. Кмецл — «Красавица Вида, или проблема св. Ожбалта» (1977), В. Кавчич — «Что рассказал дед» (1977), М. Томшич — «Шавринки» (1985), «Ночь — моя, день — твой» (1989), Й. Сной — «Трещина в кресте» (1986), М. Кравос — «Заколдованный замок» (1993), Л. Ковачич — «Истории с расписных ульев» (1993), С. Вуга «На розовой спине фароники» (1999), Д. Янчар «Галерник» (1978), «Катарина, павлин и иезуит» (2000) и др.

❧ ЧАСТЬ I ❧

ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ: X В. — СЕРЕДИНА XVIII В.

ПЕРИОД ДРЕВНИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ (X–XV вв.)

Сведения о древнем периоде словенской письменности крайне скудны. Известно, что в монастырях — бенедиктинских (Горни-град, Мильштадт, Штиван), цистерцианских (Стична, Костаньевица, Ветринь), картузианских (Жича, Бистра, Плетьерье), миноритских и доминиканских (Пиран, Копер, Любляна, Марибор, Птуй), которых к 1500 г. насчитывалось более сорока, действовали знаменитые рукописные школы, где монахи-каллиграфы переписывали важнейшие документы. Однако большинство древнесловенских рукописей погибло во время турецких набегов XV в., в огне крестьянских восстаний XVI–XVII вв., было утрачено при закрытии монастырей по указанию Иосифа II в конце XVIII в. На основании ряда сохранившихся в латинских текстах слов, маргиналий, фрагментов, а также целостных памятников, созданных на территориях первоначального расселения словенцев, можно говорить о существовании литературно-письменной традиции уже в VIII в. в период распространения там христианства. Большинство сохранившихся рукописей — тексты религиозного характера (молитвы, исповеди, проповеди), однако встречаются и памятники, доказывающие использование языка на бытовом уровне.

Древнейший памятник словенской письменности «Фрейзингенские отрывки» (словен. Bržinski sromeniki) записан в средневековом латинском кодексе, найденном в баварском городе Фрейзинг в 1803 г. После перенесения в государственную библиотеку г. Мюнхена в 1807 г. Й. Доцен обнаружил в средневековой латинской рукописи записи на славянском языке, выполненные латинским минускулом старобаварской графической школы (так называемой каролинской ми-

нускулой¹), и предположил их словенское происхождение. Впервые отрывки были изданы в России П. И. Кеппеном (с комментариями А. Х. Востокова) в «Собрании словинских памятников, находящихся вне России» в 1827 г. Памятник содержит 1014 слов, сгруппированных в три самостоятельных текста и объединенных общей богослужебной задачей. Согласно палеографической экспертизе, рукопись датирована 972–1039 годами (Второй и Третий отрывки древнее Первого) и представляет собой три текста: два фрагмента общей исповеди и часть проповеди (отрывок поучения или гомилии²) о грехе и искуплении, внесенные в латинский кодекс писцом фрейзингского епископа Абрахама (957–994). Последний во время своих миссионерских путешествий по землям епископии, куда входили и словенские территории, согласно церковной политике Карла Великого, нуждался в молитвах, понятных пастве. Текст, по всей вероятности, списан с более древней рукописи, его язык значительно отличается от других древнецерковнославянских памятников, например, Зографского Евангелия. По одной из версий, Первый и Третий отрывки — переводы древневерхненемецких образцов исповеди, по другой — они восходят к молитвам Синайского евхология (требника), старославянского глаголического памятника, перевод части которого приписывается св. Кириллу. Второй фрагмент обнаруживает большое сходство со старославянской Климентовой гомилией (проповедью Климента Охридского о святом мученике). Относительно места создания отрывков бытует две гипотезы: Верхняя Каринтия (современная южная Австрия) или юго-восточная Германия.

До IX в. общая исповедь совершалась только во время поста. В конце первого тысячелетия в практике обряда произошли изменения. Публичную исповедь во время поста постепенно заменила личная. Ирландские миссионеры принесли в Европу монастырскую традицию исповеди «на ухо» и короткого покаяния. На юге Германии, в Баварии, возник особый синтетический обряд публичной исповеди. Он проходил на родном языке и включал перечисление грехов из особых списков. Для отпущения тяжких грехов была необходима личная исповедь. Так, чин покаяния стал частью воскресного публичного богослужения.

1 *Pogačnik J.* Starejše slovensko slovstvo. Ljubljana, 1990. S. 71.

2 Гомилия — беседа с паствой на литургии с истолкованием прочитанных мест (*прим. ред.*).

В тексте Первого отрывка епископ призывает паству к покаянию, говорит о грехе и спасении, напоминает, каких смертных грехов следует избегать. Затем декламирует параграфы исповеди, которые прихожане вслед за ним повторяют хором. В конце, сопровождая движение особым жестом, оборачивается к собравшимся и на латыни отпускает грехи. Это похоже на сцену из литургического спектакля, где происходит диалог священника с верующими, а в финале грехи присутствующим отпускаются мистическим образом, с помощью языка, им неведомого. Этот отрывок можно назвать первым шагом к словенской духовной драматургии, которая в религиозной литературе XVIII в. нашла развитие в пассионских представлениях.

Во второй части обряда (Второй отрывок) епископ, обращаясь к прихожанам, говорит о грехах и об их искуплении и приглашает собравшихся к личной исповеди. В тексте гомилии перечисляются возможные грехи: идолопоклонство, клевета, воровство, убийство, чревоугодие, нарушение присяги, ненависть, после чего называются благие дела, благодаря которым избранные смертные стали святыми, и звучит призыв им подражать. Проповедь завершается объяснением того, как можно искупить грехи: через мученическую смерть или через исповедь. Епископ перечисляет, какой смертью умирали мученики (избиение до смерти, сожжение, распятие, четвертование). Призывая к самосовершенствованию, оратор делает упор не столько на грехи, сколько на примеры из жизни святых мучеников. Смысл этого обращения — отнюдь не угроза адской кары за грехи, достигшая расцвета в барочной риторике XVII в. в том числе и в Словении, а призыв к праведности и совершению добрых дел, обращенный к каждому христианину. Проповедь из Второго отрывка с точки зрения мотивов тесно связана со Священным Писанием, в ней переплетены идеи греха, наказания и возможности спасения с помощью благих дел, покаяния и исповеди. Это старейший словенский риторический текст, в художественном плане сопоставимый с другими подобными произведениями рассматриваемой эпохи.

В последнем, Третьем отрывке речь идет о том, как из толпы верующих выходят те, кто, вероятно, совершил самые тяжкие грехи, встают на колени перед священником и коротко исповедуются ему «на ухо». Это образец исповеди, в основе которого лежит отказ от злого духа — как реминисценция исповедального богослужения в Страстную неделю — и свидетельство веры как основы для таинства причащения.

В этом образце исповеди важное значение имеет обращение к конкретным святым за отпущением грехов — св. Михаилу, св. Петру, св. Ловренцу, а также вообще ко всем святым мученикам. Список грехов тот же, что и в Первом отрывке. Это означает, что переписчик имел перед собой тот же первоисточник. По выражениям заключительная молитва в конце исповеди похожа на молитву в Первом отрывке, она очень личная, почти интимная. Стилистический анализ текста доказал его художественную структурированность. Если не принимать во внимание обрядовую функцию отрывка, можно говорить о начале формирования религиозной лирики. Составитель и переводчик памятника весьма искусен в употреблении стилистических и риторических фигур.

В эпоху позднего Средневековья появляются переводы с латинского на немецкий язык текстов богослужебного и более широкого церковного употребления. В некоторых из них обнаруживаются записи на словенском языке. Такова, например, «Целовецкая» или «Ратечская рукопись» (Celovški или Rateški rokopis), относящаяся к 1362–1390 гг. Она была найдена в 1880 г. в архиве Исторического общества Каринтии в Целовце и включает в себя словенский перевод трех молитв: «Отче наш», «Символ веры» и «Аве Мария», записанных в конце книги Евангелий монахом из Бельяка. Первые две предположительно восходят к концу VIII — началу IX в., что подтверждает гипотезу о ранних переводах христианских текстов на словенский язык, и написаны на основе синтеза верхнекрайнского, нижнекрайнского и зильского диалектов. Другой сохранившийся памятник — «Стичненская рукопись» (Stiški rokopis, 1428–1440 гг.) — представляет собой текст, состоящий из двух частей, находящийся в конце сборника проповедей, найденного в архиве Стичненского монастыря в Нижней Крайне. Первая часть, вероятно записанная монахами-цистерцианцами чешского происхождения, нашедшими прибежище в обители во времена гуситских войн, включает призыв к Святому Духу («Milost ino gnada našega gospudi») и молитву Деве Марии. Вторая часть, автор которой был, скорее всего, выходцем из словенских земель, о чем свидетельствуют элементы нижнекрайнского диалекта словенского языка, содержит отрывок из общей исповеди и первую строфу пасхального песнопения «Наш Господь восстал из мертвых» («Naš Gospod je od smrti vstal»). Это первый стихотворный текст на словенском языке, адаптированный с немецкого оригинала, в котором долгий двухчастный размер заменен семериком согласно ла-

тинской и немецкой церковной метрике. Запись этого песнопения, исполнявшегося во время церковной службы вплоть до XIX в., говорит о включенности народного творчества религиозного характера в богослужение. Наличие в рукописи образца исповеди, восходящего к «Фрейзингенским отрывкам», доказывает сохранение языковой традиции в течение последующих пятисот лет. В тексте рукописи отражены также ряд социокультурных изменений, например, в числе грехов упоминаются работа в праздничные дни и неуплата десятины. Памятник также демонстрирует особенности разговорного языка (диалектное членение), который впоследствии стал основой для создания литературно-письменного языка.

Важное историко-культурное значение имеют также дошедшие до наших дней рукописные свидетельства нерелигиозного характера, подтверждающие использование словенского языка в социально-бытовой сфере. Это словенские имена, указываемые в средневековых дарственных, купчих, сопроводительных письмах паломников монастырским братствам. Несколько таких документов 784–902 гг. уцелели в архиве библиотеки монастыря Св. Петра в Зальцбурге и дают представление о том, как у словенцев было принято называть людей разных сословий: дворян, крестьян, духовенство. О лексике старословенского языка свидетельствуют также «Видемская» (Videmski, 1458) и «Шкофельокская» (Škofjeloški, 1466) рукописи. В первой по-словенски записаны числительные, во второй — названия месяцев. Присяги судей и священников нашли отражение в «Краньской рукописи» (Kranjski rokopis, первая половина XV в.). Во время реставрации переплетов немецкой рукописной книги XV в. был найден сильно поврежденный лист с восьмистрочным стихотворением о любви, получивший название «Ауэршпергова рукопись» (Auerspergov rokopis). В переводе на современный язык можно реконструировать отдельные слова: «твои глаза» («oči tvoje»), «сердце» («srce»), «лицо» («lice») и выражения: «это мое сердце несет и умирает» («to moje srce nosi in umre»).

Следы словенских повстанческих песен, называемые «Stara pravda», сохранились в записи песни немецких ландскнехтов, усмиравших крестьянский бунт 1515 г. близ города Целье. Повстанцы требовали восстановления «старой правды» — отмены всех новых поборов и повинностей. Среди немецких строф находится словенский припев «Le vkup, le vkup, uboga gmajna!» («Только вместе, только вместе, только

вместе, беднота!»), содержащий призыв восставших к объединению³.

Все указанные письменные источники использовались в дальнейшем для реконструкции словенского языка.

ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ РЕФОРМАЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI в.)

В первой половине XVI в. на словенских землях получает распространение протестантизм. В 1523 г. в Триесте возникает первый протестантский кружок при дворе епископа П. Бономо (1458–1546), в 1529 г. в Любляне — кружок М. Кломбнера, объединивший зажиточных горожан. Успешному продвижению лютеранства в 1550–70-е гг. способствовала общая обстановка в Европе того времени. Борьба между императором и протестантскими князьями в Германии закончилась в 1555 г. заключением Аугсбургского религиозного мира, подтверждавшего завоевания протестантов в Германии и право каждого князя определять религию своих подданных. После смерти императора Фердинанда I и раздела земель между его сыновьями ослабела мощь австрийских Габсбургов. Эрцгерцог Карл, наследовавший Внутреннюю Австрию, нуждался в деньгах для отражения турецких набегов и был вынужден пойти на соглашение с сословиями, поддерживавшими протестантизм, и соблюдать веротерпимость. К 1578 г. феодалы Штирии, Каринтии и Крайны добились свободы вероисповедания для себя и своих подданных. Идеи Реформации приходили в словенские земли из Германии и распространялись в основном в форме лютеранства. Через высшее и среднее духовенство, дворянство и бюргерство протестантизм проникал в крестьянские слои, которые в этот период были основными носителями словенского языка. Один из важнейших принципов протестантизма — право каждого читать Библию на понятном ему языке — стал главным стимулом развития национальной книжности. С переводов богослужебных книг на словенский язык начинается в Словении история художественного слова. Неслучайно хронологические рамки периода Реформации — 1550–1595 — связаны с выходом в свет первой и последней протестантской книги. Протестантская литература дала словенцам не только основные богослужебные

3 Об этом подробнее: *Grafenauer I. Kratka zgodovina starejšega slovenskega slovstva*. Ljubljana, 1973. S. 85.

тексты: катехизисы, постиллы¹, переводы Священного Писания, церковный устав, но и книги для обучения: первые буквари, словари, справочники, грамматики, а также первые духовные песнопения в стихах.

Другим фактором, существенно повлиявшим на процесс создания языкового стандарта, стало книгопечатание. Реформация способствовала развитию типографского дела. Первой в Словении стала типография Янжа Мандельца в Любляне, в которой в 1575–80 гг. было напечатано более половины словенских книг. Усилия книгопечатников способствовали расширению книготорговли и книгообмена, в 1568 г. в Любляне была открыта первая общедоступная библиотека.

До Реформации в Словении практически не было светских школ, обучение в монастырях проводилось на латыни. Протестантам удалось расширить сеть школ, создать в Любляне в 1563 г. особую школу (прототип гимназии), где готовили не только священников, но и учителей, увеличилось число цеховых училищ, в которых наряду с ремеслом обучали словенской грамоте и счёту. Во второй половине XVI в. словенский язык начали вводить в начальных классах латинских школ.

Принципиальным фактором формирования словенской литературно-письменной традиции стало использование родного языка при богослужении. В этом, а также в переводе церковных книг на словенский язык огромная заслуга протестантского проповедника, первого словенского литератора Приможа Трубара (1508–1586), заложившего основы словенского литературно-письменного языка. Сын крестьянина из села Рашчица (Нижняя Крайна), он, после учения в Риеке и Зальцбурге, в шестнадцать лет попал под крыло триестского епископа П. Бономо (1458–1546), протестанта и гуманиста, который познакомил юношу с идеями Реформации, трудами Э. Роттердамского. Рукоположенный в 1530 г., Трубар в своих проповедях распространял новое вероучение в Любляне, Триесте, Целье, выступая против строительства храмов, паломничества и celibата. В 1547 г. с началом гонений католической церкви на протестантов, не дожидаясь ареста, он добровольно отправился в изгнание и большую часть жизни провёл в германских землях, умер в Дерендингене, где с 1565 г. жил и проповедовал. Судьба подарила Трубару еще одну встречу

с родиной — в начале 1560-х гг. он ненадолго вернулся в Любляну, возглавив словенскую протестантскую церковь, однако был вынужден вновь бежать. Именно в Германии Трубар приступил к лексикографической обработке словенского языка. В основу лег наддиалектный городской говор самого крупного в XVI в. словенского города — Любляны; этот говор заключал в себе много элементов нижнекрайнского наречия. Используя готический шрифт, вскоре заменённый на латинский алфавит (впоследствии названный «бохоричица»), упростив немецкую орфографию, так что при обозначении отдельных звуков использовалось не более двух букв, и отказавшись от многих немецких и латинских заимствований, Трубар перевёл, а в 1550 г. под псевдонимом «Иллирийский патриот» издал в Тюбингене за свой счёт первую словенскую книгу «Катехизис» и первый словенский Букварь, которые были тайно переправлены на родину. В свой Катехизис помимо толкования христианской веры, двух молитв и проповеди Трубар включает шесть песен с нотами, пытаясь этим привлечь к новой вере простых прихожан. За последующие тридцать лет благодаря его усилиям вышло в свет свыше двадцати книг на словенском языке, среди которых Евангелие от Матфея (1555), первая часть Нового Завета (1557), Псалтырь (1566), вторая часть Нового Завета (1577), весь Новый Завет (1582) и др.

Ряд книг Трубар печатал в типографии барона Я. Унгнанда, основателя протестантского Библейского общества, находившегося в Бад-Урахе под Тюбингеном, одно время даже руководил его деятельностью. Он активно взялся за издание книг также на хорватском языке, писал по-немецки посвящения и предисловия к хорватским глаголическим и кириллическим трудам.

Свой взгляд на историю лютеранской реформации Трубар сформулировал в догматическом произведении — «Артикулы истинной веры христианской» (1562), которое было призвано стать основой новой веры и способствовать распространению идей протестантизма в словенских землях. Важную роль в популяризации нового вероучения сыграл также «Церковный порядок» (1564) — единый устав Церкви словенского языка, утверждающий новые нормы и правила богослужения на всех территориях, где говорили по-словенски. Особое внимание автор уделяет здесь вопросам начального образования на словенском языке и использования его в литургии. Понимая огромное значение национальных традиций, Трубар обратил внимание на устное народное творчество, начав издавать «Песенники» — сборники песнопений и нот для литургии. В них были собраны сочинения ряда авторов, в том числе и самого Трубара, написанные на основе народных духовных песен (например, «Духовная

1 Постилла (от лат. *post illa* — «после сих», словен. *postila*) — название простейшей формы проповеди в католической церкви, состоящей из объяснения только что прочитанных слов Евангелия или Апостола, то есть отрывков из Деяний и Посланий апостолов (*прим. ред.*).

песня против турок»). Всего вышло около ста двадцати таких стихов, построенных по принципу силлабического стихосложения, когда ударение подчинено музыкальному ритму.

Дело Трубара продолжили его последователи, священники Себастьян Крель (1538–1567) и Юрий Далматин (ок. 1547–1589). Крель, выпускник Йены, в 1565 г. сменивший Трубара на посту суперинтенданта словенской протестантской церкви, вошел в историю литературы как автор двух книг: перевода Детской Библии (1566), включающей букварь и катехизис на пяти (латинском, итальянском, немецком, сербском и словенском) языках, в тексте которой была реализована языковая модель Трубара, и «Постиллы словенской» (1567), содержащей толкования воскресных чтений отрывков из Евангелия. Его перу принадлежат также одиннадцать церковных гимнов. В своих сочинениях Крель использовал говоры различных областей Словении, выступал за языковое единство словенцев и хорватов на основе латиницы. Одаренный лингвист, он, видя недостатки предложенных Трубаром норм орфографии, внес в них ряд существенных поправок, в частности, соотнес письменную речь с устной, ввел различие на письме ряда звуков, обозначение мягкости. Свое представление о системе языка, по сути реформу правописания, Крель изложил во вступлении к «Постилле». Правила правописания, выработанные им, нашли применение не только в трудах его современников Далматина и Бохорича, но сохранили актуальность вплоть до середины XIX в.

Ученик Трубара Далматин, получив теологическое образование в Тюбингене и Штутгарте, вернулся на родину, одержимый идеей перевода всего текста Библии, который был им осуществлен к 1578 г. В течение ряда лет переводчик искал возможность напечатать готовую работу, самостоятельно издал отрывок «Притчи Соломона» (1580). Издание финансировали сочувствовавшие лютеранству земельные сословия. Выходу книги предшествовала работа специальной комиссии, в состав которой входили священники и миряне из разных областей Словении, комиссия удостоверила соответствие словенского текста переводу Лютера и одобрила работу Далматина. Библия вышла в 1584 г. в Виттенберге, а затем тираж, составивший полторы тысячи экземпляров, был тайно переправлен в словенские земли. Большая его часть разошлась по Крайне. Перевод Далматина, рассчитанный на широкого читателя — носителя языка, на практике воплотил заложенные Трубаром и Крелем принципы правописания и создал основу для словенского литературно-письменного языка почти на двести лет вперед. В немецкоязычном предисловии автор включил посвящение, догматический комментарий к различиям между католическим и протестантским вероучением и словарь, разъясняющий литературные

термины и понятия. В посвящении, объясняя, к кому обращен его труд, он, в частности, писал, что его Библия предназначена людям, живущим в Штирии, Каринтии и Крайне, т. е. населению, говорящему на словенском языке, и подчеркивал связь словенского наречия с другими славянскими языками. Одаренный стихотворец, Далматин был одним из авторов, чьи стихи были включены в песенники Трубара, он сам подготовил два издания подобных сборников духовных стихов с нотами (четвертое — 1579 и пятое — 1584 в книге под названием «Весь катехизис»), его стихотворные произведения тяготели к упорядоченному ударению и метрике.

Важную роль в формировании литературно-письменной традиции сыграл также филолог и педагог Адам Бохорич (ок. 1520 — ок. 1598). После учебы в Виттенберге он несколько лет возглавлял частную школу в местечке Кршко, затем с 1566 г. с перерывами — сословную школу в Любляне, где наряду с немецким языком и латынью ввел преподавание словенского языка в начальных классах. Как эксперт входил в комиссию по рассмотрению перевода Библии Далматина, подготовил о нем отчет (1581), возможно, «Список некоторых слов», прилагавшийся к этому переводу, также составлен Бохоричем. После создания Латинско-немецко-словенского словаря (1580) и ряда методических пособий для школы известность ему принесла первая грамматика словенского языка на латыни «Зимние часы» (1584), напечатанная в Виттенберге, где впервые были систематизированы грамматические правила и языковые нормы, выработанные Крелем и на практике примененные Далматином, и тем самым подтвержден факт существования словенского литературно-письменного языка. В предисловии автор рассматривает словенский язык как один из полноправных славянских языков, но при этом в самой грамматике часто ошибочно переносит закономерности латинского языка на словенский. Впоследствии именно имя Бохорича, а не Креля послужило основой для названия усовершенствованного словенского письма — «бохоричицы».

Словенские протестанты, понимая огромное значение национальных традиций, не обошли вниманием устное народное творчество. В «Словенском календаре» (1557) П. Трубара и «Песеннике» (1584) Ю. Далматина есть записи словенских средневековых песен. Во второй половине XVI в. протестантскую письменную традицию развивали также Ю. Юрчич, Л. Клинич, М. Трост, Я. Швайгер, А. Савинец, Ф. Трубар, Я. Зноильшек. Лингвист И. Мегисер (1554/55–1619) в своем Немецко-латинско-итальянско-иллирийском словаре 1592 г. впервые поместил собранную им лексическую базу словенского языка (свыше 8500 слов).

В период Реформации у деятелей культуры Словении возрастает интерес к другим славянским народам. Характерной в этом отношении была деятельность С. Герберштейна (1486–1566). В 1517 и 1526 гг. он был императорским послом в Москве при дворе Василия III. Благодаря знанию словенского языка Герберштейн понимал русскую речь и мог обстоятельно ознакомиться с жизнью и бытом страны, ее культурой, изучать русские летописи. Эти наблюдения легли в основу обширного историко-географического труда «Записки о Московии» (1549), в котором представлена картина жизни России первой четверти XVI в.

На протяжении нескольких столетий переводы Библии Трубара, Креля и Далматина, а также грамматика Бохорича служили образцами словенского литературно-письменного языка. В 1595 г. сын Трубара Фелициан издает последнюю протестантскую книгу на словенском языке — перевод текста Лютера «Домашняя постилла», в 1598 г. выходит императорский указ об изгнании из австрийских земель всех проповедников-протестантов, в 1599 г. — о выселении протестантов и возвращении всех граждан империи в католичество. Гонения на протестантов приобретают массовый характер, и к началу XVII в. протестантизм на словенских землях (за исключением Прекмурья) оказался полностью уничтожен. Победа контрреформации и почти двухвековая монополия католической церкви на культуру и просвещение сказалась на положении национальной словенности. Политика денационализации образования (в 1596 г. иезуиты заменили словенский язык в начальных школах на латынь), застой в книгопечатании (с 1615 по 1672 гг. не вышло ни одной словенской книги), частичный запрет использования родного языка при богослужении — все это в конечном итоге замедлило процесс формирования национальной литературы.

В целом реформационное движение оставило заметный след в истории словенской культуры. Умеренно-практический словенский протестантизм, движимый не национальной, а религиозной идеей, способствовал формированию общественного сознания народа на основе единого языка, созданного Трубаром и его сподвижниками и общего для разных областей Словении. Это привело к созданию словенцами своей этнической и культурной общности. Народный язык для протестантов был не только языком проповеди, они подняли его на уровень литературного. Здесь принципиальное значение сыграла духовная поэзия — духовные песни и гимны, публиковавшиеся в песенниках. На основе достижений Реформации во второй половине XVIII в. деятели словенского Возрождения смогли развернуть борьбу за пробуждение национального самосознания народа, за создание национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА БАРОККО (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII — СЕРЕДИНА XVIII в.)

Данный период в истории словенской литературы называют и оценивают по-разному. Сложность выбора исчерпывающего определения заключается в том, что период включает две составляющие: время творческого упадка (контрреформация) и время расцвета (барокко), которые трудно разделить. На интенсивность формирования литературного процесса существенное влияние оказывали социальные факторы: утрата финансовой поддержки со стороны состоятельных протестантов негативно сказалась на словенском книгопечатании и одновременно дала толчок развитию ораторского и театрального искусства. В этот период были также заложены основы национальной поэзии и прозы. Рассматриваемые два с половиной века в национальной культуре принято ограничивать 1598 и 1765 гг.: государственным запретом на лютеранство, с одной стороны, и публикацией первой книги словенского просветителя второй половины XVIII в. М. Похлина, открывающей эпоху секуляризации литературы — с другой.

Католическая церковь настойчиво восстанавливала свои позиции в империи, ведущую роль в этом процессе играли Ватикан и Рим, в связи с чем на словенских землях резко возросло итальянское влияние, усиливавшееся иммиграцией итальянских аристократических семей. Гуманитарные преобразования осуществлял орден иезуитов, курировавший школьное образование, научную деятельность, развитие литературы на латинском языке. Иезуиты открыли гимназии в Любляне (1597), Целовце (1605), Гориции (1615), Триесте (1619). Люблянская гимназия затем стала лицеем — высшей школой, в которой преподавалась философия, право и естественные науки.

Принципиальным условием формирования новых стилевых особенностей стала реакция искусства на поражение Реформации: с уходом протестантов ослабло его сопротивление

ние внешнему блеску роскошных католических церемониалов с процессиями и всем разнообразным формам традиционной народной набожности. Во всех видах искусства, прежде всего в изобразительном искусстве и музыке, скрытая экспрессия перерастает в гиперболизацию, характерную для стиля барокко. Черты барокко ярко представлены в трудах на латинском и немецком языках, созданных выходцами из словенских земель.

По мере возобновления влияния католической церкви укрепилось литературное творчество. В целом оно не достигло уровня предыдущего периода, но дало несколько выдающихся произведений разных жанров. Это касается поэзии, созерцательной прозы, ораторского и драматического искусства. Во время рекатолизации словенские книги, изданные протестантами, были конфискованы, священники могли пользоваться Библией Далматина только с разрешения Рима. Непрерывность языкового развития словенского литературно-письменного языка поддерживали издания новозаветных чтений («Воскресные Евангелия»), восходящие к переводу библии Далматина и отредактированные в соответствии с языковыми взглядами авторов перевода: издание 1613 г. перевел иезуит Янез Чандек (ок. 1581–1624), издание 1672 г. — Я. Л. Шёнлебен. Не были оставлены без внимания и справочные издания. Так, в 1607 г. в Удине вышел Итальянско-словенский словарь католического священника Александра Алазио из Соммаривы с 2600 вокабулами и сборником текстов, в 1715 г. без имени автора переиздана грамматика Бохорича.

Существенное значение в развитии образования, науки и культуры имели труды на латинском и немецком языках. О росте интереса к прогрессу со стороны разных сословий свидетельствует учреждение в Любляне в конце XVII в. ряда научных и культурно-просветительских обществ, в том числе прообраза первой академии наук — «Академии трудолюбивых».

На периферии выходили книги, которые свидетельствовали о начале регионализации литературно-письменного языка. В Прекмурье, словенской области на границе с Венгрией, протестант Штефан Кюзмиц (1723–1799) издал катехизис, букварь и перевод Нового Завета на родном прекмурском наречии. В Каринтии крестьяне сами переводили молитвы, пословицы, стихи, суверия, которые расходились в рукописных сборниках по другим областям Словении. Наивных авторов называли «буквониками» (от немецкого слова «das Buch» — «книга» — т. е. те, кто пишет книги). Примерами такого рода текстов являются «Лешская рукопись» (Leški gokopis, 1757–1761) анонимного автора и перевод «Жизни антихриста», сделанный в 1767 г. каринтийским буквоником Матией Жегаром.

Важную роль в развитии национальной культуры сыграл люблянский епископ Томаж Хрен (1560–1630), один из главных противников Реформации в словенских землях. Воспитанник иезуитов, он в 1597 г. был возведен в сан епископа и почти сразу же возглавил комиссию по борьбе с лютеранством в своей епископии, проводил последовательную политику контрреформации, изъятия и уничтожения протестантской литературы. Исключение составила Библия Далматина, на использование которой в богослужебных целях он испросил разрешения папы. Человек просвещенный, эстет, Хрен увлекался стихосложением, в молодости писал латинские стихи, создал несколько церковных гимнов на словенском языке, впоследствии так и не опубликованных. Много внимания уделял храмовому искусству. Уже через год после отмены иезуитами начального образования на родном языке в школах было введено изучение Закона Божьего по-словенски, чему в немалой степени способствовал сам епископ. Именно Хрен инициировал издание «Воскресного Евангелия» Чандека на базе фразеологии и лексикографии Далматина, т. е. на основе протестантской языковой традиции. Чандек по заказу Хрена в 1615 г. перевел также текст малого Катехизиса немецкого иезуита Петра Каниси, включив в него ряд собственных гимнов. При Хрене была открыта первая семинария в Граце. Понимая необходимость издания религиозных книг на словенском языке, он также разработал план обновления типографского дела в Любляне, который не был осуществлен. Однако в целом в период раннего барокко Хрен более преуспел, помогая развитию храмовой живописи и музыки, чем литературы.

Письменная традиция продолжала развиваться и нашла свое отражение в рукописных текстах, из которых сохранилось около пятидесяти. Одна из наиболее полно отражающих языковую ситуацию — «Калобская рукопись» (Liber Cantionum Carniolicae, ок. 1643–1651), содержащая 4000 духовных стихов 42 словенских и двух латинских гимнов с философской проблематикой, посвященных прославлению Девы Марии.

Начало XVII в. характеризуется дальнейшим обновлением переводов богослужебных текстов и созданием оригинальных произведений религиозной направленности на словенском языке. К этому времени относится начало расцвета духовной поэзии. Отчасти этому способствовали решения Тридентского собора католической церкви (1545–1563), который вновь разрешил народную набожную литературу. Словенцы получают первый поэтический перевод сонета (1678), первое стихотворение светского содержания (1689).

Усиление духовной направленности литературы нашло выражение в создании текстов богословских размышлений, большинство из которых осталось в рукописях, наиболее крупным подобным произведением является работа Адама Скалара «Школа сего раздумья» (1643). Лучшее из напечатанного принадлежит перу каноника из Нового Места Матии Кастелеца (1620/23–1688): «Небесная цель» (1684) и «Христианская наука» (1688). В первой книге автор, реконструируя язык протестантов, философски обосновал свое отношение к Богу, впервые подчеркнул дуализм духа и тела и метафизический характер истинной веры, и дал богословский комментарий к каждому дню месяца с приписками на латинском языке, разъясняющими, как читать словенский текст. Важное значение имеет его перевод труда Томажа Кемпчана «Христианская наука», написанный в виде диалога отца и сына. По содержанию эта работа представляет собой полемику с протестантизмом, автор подчеркивает необходимость улучшения языка, который «был испорчен протестантами». Кастелеца можно считать первым словенцем-католиком, переведившим Новый Завет на родной язык (текст остался в рукописи), он подготовил ряд молитвенников, в частности молитвенник для отпевания усопших (1678, 1682). Кастелец сыграл важную роль как теоретик и практик стихосложения. В свои книги он включил многие протестантские стихи и гимны, в том числе посвященные деве Марии. Его лучшее стихотворение «Поклонись святым ранам Христа», выполненное в традициях барокко, обыгрывает мотив народной молитвы. В рукописи сохранился латинско-словенский словарь Кастелеца (1682), в который автор включил лексику ведущих словенских диалектов (верхне- и нижнекрайнского, восточноштирийского, прекмурского), составивших впоследствии лексическую основу литературного языка, и хорватские слова. Словарные статьи он иллюстрировал примерами из Библии.

Преемниками Кастелеца стали патер Грегор Воренц (1659/60–1730) из монастыря босоногих августинцев в Любляне, расширивший и дополнивший его словарь, и капуцин патер Иполит Новоместский (в миру Янез Адам Гайгер, 1667–1722). Последний в 1715 г. осуществил переиздание грамматики Бохорича и «Воскресного Евангелия» Хрена. Взяв за образец рукопись словаря Кастелеца и словарь Мегисера, Иполит составил первый Латинско-немецко-словенский словарь, присоединив к нему перевод работы Я. А. Коменского (1592–1670) «Мир чувственных вещей в картинках». Опираясь на гуманистические идеи Коменского, автор в предисловии к словарю рассуждает о равноправии языков в христианстве и о роли об-

разования и науки для человечества в целом и малых народов в частности, говорит о практическом применении гуманитарного знания в целях развития национального самосознания.

Одно из важных мест в словенской литературе эпохи барокко занимает ораторское искусство, широкое распространение получает проповедь. Налицо явление парадоксальное: от периода Реформации сохранилось лишь несколько проповедей, хотя именно они занимали ведущее место в протестантской литургии. Последующий же период оставил целый ряд проповеднических текстов, то есть католическая традиция опиралась в большей степени на слово «живое», а не печатное, на высокое искусство оратора. Одним из выдающихся риторов был, по свидетельству современников, Хрен, однако его выступления не сохранились. До настоящего времени дошли проповеди Я. Светокрижского, Р. Люблянского и Е. Базара.

Ведущим автором жанра проповеди, крупнейшим представителем барочной риторики в словенских землях является капуцин Янез Светокрижский (настоящее имя Тобиа Лионелли, 1648–1714), выходец из Випавской долины. Пять томов его проповедей (233 текста, около 3000 страниц) под общим названием «Святая книга» (1691–1707), вышедших в Венеции и Любляне, содержат обширный энциклопедический материал о жизни словенцев конца XVII в. В сборник, предназначенный для священнослужителей, входят воскресные и праздничные проповеди, проповеди по особым случаям и проповеди, посвященные святым, написанные на основе нижнекрайнской письменной традиции и особенностей випавского диалекта. В содержательном плане наиболее интересен третий том, тексты которого обращены к самым разным бытовым темам, например, рукоположение приходского священника, выборы аббатисы, похороны представителей разных сословий: феодала, торговца, крестьянина, младенца, вдовы. Сочинения Светокрижского отличаются живостью и доходчивостью языка, простонародным юмором, разнообразием иллюстративного материала: в них приводятся примеры не только из Священного Писания, но и из античной истории, литературы и философии, сюжеты древних мифов, средневековых легенд, народных сказок, присутствует современный автору бытовой и исторический контекст (ссылки на важнейшие текущие события, такие как осада Вены турками в 1683 г., эпидемия чумы начала XVIII в.). Так, рассуждая о соблюдении меры во всем, автор приводит такой, понятный пастве, пример: «Видели вы когда-нибудь старуху, что из замка вино несла? Несет она вино и думает: “Раз такой красивый кувшин, и вино должно быть хорошо”. И попробовала капельку. Вино сладкое, вкусное — хлеб-

нула глоток. Где один глоток, там и другой. Так и выпила весь кувшин до дна. Выпила и хочет назад идти, а голова-то кружится, в глазах рябит, ноги не слушаются. Упала, лоб разбила и только тут поняла, что это проклятое вино с ней сделало»¹. Несмотря на иногда вычурно-аллегоричный стиль, тексты Светокрижского содержательны и композиционно продуманны. В каждой проповеди автор троекратно обращается к слушателю с духовным наставлением. Композиция отдельного выступления трехчастная, открывающаяся эпитафией, задающим главную тему и взятым из Евангелия, затем следуют введение (*exordium*), основная часть (*confirmatio*), иллюстрированная многочисленными примерами, и нравоучительный вывод-наставление (*conclusio*). Ряд проповедей несет в себе выраженные черты некоторых литературных жанров (басня, анекдот). Отдельные элементы поэтики барокко проявляются также в сочетании отвлеченной символики и натуралистической конкретности образов, гротеске, антитетичности, вычурной метафорике, гиперболизации. Светокрижский первый автор, который, говоря о словенском населении, чаще использует термин «словенец», а не «крайнец». Сравнивая людей разных сословий, проповедник выдвигает мысль о том, что благородство происхождения есть результат духовного богатства, а не положения в обществе.

Дальнейшее развитие жанр проповеди получает в сочинениях католических священников Рогерия Люблянского (в миру Михаэля Краммера, 1667–1728) и Ернея Базара из Шкофьей Локи (1683–1738). В отличие от своего собрата капуцина Светокрижского, который был более лиричен, стиль Рогерия Люблянского отличается предельный рационализм. Текст «Победные небеса» (I часть — 1731, II часть — 1743) содержит 126 проповедей о жизни святых, прочитанных Рогерием с 1708 по 1728 гг., которые вышли отдельной книгой после смерти проповедника. Следуя барочным образцам итальянских религиозных авторов, он усложняет текст обилием деталей, цветовой, природной, животной символикой, предваряет стихотворным эпитафией на словенском и латинском языках, адаптируя амброзианский восьмисложник латинской христианской поэзии к нуждам родного языка. Особое внимание обращает на себя синопсис в начале проповеди, являющийся ключом к пониманию смысла речи. Повествование развивается вокруг главной мысли по строго заданной схеме.

Интеллектуальны и философски заострены наставления иезуита Базара из «Проповедей об экзерцициях св. Игнатия» (1734), в которых автор, копируя стиль основателя ордена Игнатия Лойолы, размышляет о воле разума, направляемого верой. Эти проповеди, представляющие полную противоположность живым и понятным пастве выступлениям Светокрижского, написаны на основе языка протестантов и содержат элементы верхнекрайнского и шкофьелокского диалектов.

Менее известно творчество Петера Павла Главара (1721–1784), относящееся к самому концу рассматриваемого периода. Рукописный сборник его проповедей включает небольшие тексты и других авторов. Еще короче проповеди архиепископа из Горицы Карла Михаэля Аттемса (1711–1774), 80 из которых сохранилось в рукописи. Он проповедовал на нескольких языках, в том числе и на словенском.

К периоду рекатолизации относится развитие театрального искусства, инспирированное иезуитским и капуцинским орденами. На службу утверждения католичества была поставлена «школьная драма», выросшая из средневековых мистерий. Чтобы воспрепятствовать проникновению в учебные заведения фольклора, иезуиты, чья монополия на образование просуществовала с 1596 по 1773 г., широко использовали постановки «живых картин» — драматических костюмированных представлений на религиозные темы, разыгрывавшихся на латыни или по-немецки. Традиция таких представлений восходит к временам позднего Средневековья и связана с церковными праздниками (рождественские и пасхальные процессии) и важными событиями в жизни горожан (Люблянская мистерия во славу Спасителя после эпидемии чумы 1598–99 гг.). Драматические спектакли-процессии, представляющие путь Спасителя на Страсти (пассионы), разыгрывались под открытым небом при участии большого количества представителей разных сословий в большие церковные праздники и были самым распространенным видом театральных представлений. Многочисленные верующие, вовлеченные в действие, представляющее страдания Христа, должны были, соприкоснувшись с судьбой Спасителя, проникнуться идеей преображения. С 1617 г. до рубежа XVII–XVIII вв. на словенских землях осуществлялась постановка девяти пассионов, три из которых шли на словенском языке. Такая барочная «проповедь в картинах», переведенная с немецкого капуцинским проповедником патером Ромуальдом Штандрежским (в миру Ловренцем Марушичем, 1676–1748) в 1721 г. и сохранившаяся до наших дней, получила название

1 Цит. по: *Pogačnik J. Starejše slovensko slovstvo*. Ljubljana, 1990. S. 289.

«Шкофьелокский пасион» и считается первым словенским драматическим спектаклем. Текст этого произведения состоит из 869 стихов, развившихся из богослужебного речитатива, написанных в форме диалогов, монологов и реплик, снабжен латинским введением и сносками-комментариями на немецком языке.

Свидетельством упрочения интереса к стихосложению становится широкое распространение сборников церковных песнопений на словенском языке, чему способствовало решение Римского собора 1725 г., одобрившее исполнение гимнов на народном языке. Так, теолог Ахаций Стржинар (1676–1741) в 1729 г. выпустил первый сборник католических песен, иллюстрирующих Катехизис предназначенных для нужд словенских паломников. Он полагал, что поэтическая музыкальная форма облегчит процесс религиозного учения, хоровое пение сплотит верующих. В рукописный сборник священника и педагога Франца Миши Пагловца (1679–1759) «Различные песни» (1733) вошло около пятидесяти текстов, в которых библейские темы и мотивы адаптировались к наивным представлениям простого крестьянства. Перу Пагловца принадлежит и первое словенское стихотворное произведение философского содержания «Песня о быстротечности мира», построенное в форме диалога древнегреческой богини справедливости Астреи с великими персонажами мировой истории Платоном, Аристотелем, Цицероном, Макиавелли и др., свидетельствующее о незаурядных литературных способностях автора. Пагловец выпустил также ряд богослужебных книг, среди которых переиздания Евангелия (1742, 1754, 1758), книга «Верный товарищ» (1742), содержащая этическое назидательное толкование сюжетов Ветхого завета. В дальнейшем к жанру религиозной песни обращались представители более молодого поколения деятелей церкви: Примож Лавренчич (1703–1758) — «Миссионерские католические песни» (1752), Филипп Якоб Репеж (1706–1773) — «Паломнические песни» (1757), Максимилиан Редескини (1740–1814) — сборник «Шестьдесят восемь святых песен» (1775).

Одновременно с религиозной литературой на словенском языке в период барокко развивается литература на латинском и немецком языках, прежде всего научная, это время расцвета светских наук*. Слой гуманитариев-интеллектуалов до этого составляли прежде всего священники, но в XVII в. его начали пополнять аристократы и горожане, которые все чаще продолжа-

ли образование, полученное в словенских иезуитских гимназиях, в немецких, а с конца XVII в. и итальянских университетах. Из этой группы интеллектуалов вышел целый ряд литераторов, которые писали свои научные работы, проповеди и поэтические тексты и на латыни, и по-немецки. Наиболее популярными были историографические труды и прославляющие речи, в которых гуманистические и патриотические идеи соединялись с барочным слогом. К наиболее ценным относятся «Анналы Каринтии» (1612) Иеронима Мегисера (1554–1619), «Карниола древняя и новая» (1681) Янеза Людвиг Шёнлебена (1618–1681), «Слава герцогства Крайны» (1689) Я. В. Вальвазора.

Одним из первых словенских хронистов был иезуит Мартин Бавчер (1595–1668), в 1663 г. завершивший историю Норика и Фурлании (осталась в рукописи). Теолог Шёнлебен из Любляны превосходил Бавчера образованием и интеллектом. Он написал ряд генеалогических исследований аристократических семей Крайны, в 1681 закончил самое значительное свое произведение «Карниола древняя и новая», в котором изложил историю Крайны до 1000 г. После его смерти исследования истории словенских земель продолжили его друг Вальвазор и племянник Янез Грегор Долничар.

Историк, философ, поэт и путешественник, объездивший Европу и Северную Африку, член Лондонского Королевского общества, Янез Вайкард Вальвазор (1641–1693), поселившись в Крайне в своем замке Богеншперк, собрал уникальную библиотеку и коллекцию рисунков, инструментов и необычных вещей. Там же в 1678 г. он открыл типографию и графическую мастерскую, куда пригласил словенских и иностранных граверов. С их помощью он издавал книги с иллюстрациями, в первую очередь по топографии Крайны и соседних земель, ориентируясь на труды издателя и гравера М. Мериана. В топографических справочниках 1679 и 1681 гг. серии гравюр Вальвазор дополнил историческими текстами на немецком языке. В художественных изданиях, среди которых «Метаморфозы» Овидия (1680), гравюры обрамлены немецкими и латинскими стихами. Главный текст, созданный Вальвазором, «Слава герцогства Крайна», более чем на 3500 страницах описывает центральную часть Словении и историческую судьбу ее населения. Книга, проиллюстрированная 555 гравюрами, содержит сведения о народах, живших некогда на словенских территориях, их нравах и обычаях, истории язычества, христианизации и протестантизма, описание гор, рек, озер, растений, животных, месторождений полезных ископаемых, природных богатств и удивительных природных явлений, а также обширную этнографическую информацию

* Раздел о литературе на немецком и латинском языках написан Л. Видмаром.

о быте, верованиях, языке, фольклоре жителей Крайны, данные о династиях воевод и феодалов, системе управления, карты приграничных крепостей. Большая часть материалов была собрана самим автором, факты о древнем периоде почерпнуты из предшествующих хроник. Вальватор отмечает самобытность, чувство национального достоинства, присущие крайнцам. Немец по происхождению, Вальватор считал словенцев потомками германцев, а Крайну — частью римско-германского «королевства», однако в своем труде проявил достаточно глубокие знания в области славянских древностей. Хронику предваряет хвалебная ода «Покровительственное приветствие во славу Крайнской земли и досточтимого Янеза Вайкарда Вальватора», первое стихотворение светского характера, написанное почитателем автора Й. Зизенчелли (1658–1714). Книга Вальватора на протяжении XVIII–XIX вв. оставалась для словенских литераторов главным источником национальных исторических и легендарных сюжетов, к ней впоследствии обращались В. Водник, Ф. Прешерн, Я. Трдина, Й. Юрчич, И. Тавчар и многие другие словенские литераторы.

К немецкому культурному пространству можно отнести известного иезуитского историка Марко Ханжича, который посвятил свою жизнь изучению архивов в немецких землях и созданию истории немецкой церкви (1727, 1729 и 1754).

В центральной Словении в конце XVII в. усилилось культурное влияние Италии, которое преобладало всю первую треть XVIII в. Этому способствовало упрочение позиций католической церкви после искоренения протестантизма, усиление интереса образованных слоев к итальянскому искусству, а также политическая и экономическая стабильность империи, достигнутая в результате победоносных австрийско-турецких войн после 1683 г.

На рубеже XVII–XVIII вв. заметно оживляется светская жизнь. Иезуиты начинают вводить высшее образование: люблянская гимназия становится сначала лицеем, а затем академией, в которой преподается право, философия, естествознание. Группа интеллектуалов, в которую вошли юристы, теологи и врачи, занимавшие высокие церковные и светские посты, открывает первые национальные научные учреждения. По образцу итальянских научных и художественных академий ими были учреждены несколько обществ: Братство дилетантов (1688), научная «Академия трудолюбивых» (1693–1725), юридическое общество (1698), филармоническая академия (1701) и литературная академия (1709), которая была филиалом римской литературной академии Аркадия. В начале XVIII в. были

созданы проекты художественных обществ, которые не были реализованы. Наибольшую активность проявляли музыкальная академия и Академия трудолюбивых. Самым известным ее членом был Долничар, создавший историю Любляны (1714) и первый обзор литературы крайнских земель (рукопись 1715 г.). Его сын, Алеш Жига Долничар, превосходный оратор, был принят в римскую академию Аркадия и оставил ряд рукописных сочинений, среди которых описания Венеции (1703) и Рима (1707 или 1708). Первый глава «Академии трудолюбивых», Янез Керсник Прешерн, в молодости служивший при дворе зальцбургских архиепископов, писал латинские юридические и панегирические тексты. Его преемник Юрий Андрей Гладич, кроме панегириков, посвященных австрийским правителям, написал антифранцузское политическое стихотворение «Gallicinium» (1688) и историю церкви Крайны в стихах. В статусе «трудолюбивых» публиковали свои первые работы медик Марко Грбеч и экономист и нумизмат Янез Штефан Флорьянчич. Близок к этому кругу интеллектуалов был и каноник Андрей Клеменчич, в 1714 г. собравший переведенные на латынь словенские проповеди.

Во второй половине XVII в. Любляна вновь стала культурным центром Словении. По рекомендации Шёнлебена в 1678 г. из Зальцбурга пригласили Янеза Керсника Майра, который открыл в городе типографию и книжный магазин. Майр и его наследники за полвека существования предприятия издали ряд проповеднических и богослужебных трудов на словенском языке, среди них работы Кастелеца, Светокрижского, Стржинара, а также книги на латинском и немецком языках, принадлежавшие перу Шёнлебена, Вальватора и членов «Академии трудолюбивых». Последние в 1701 г. открыли в Любляне первую на словенских землях общественную научную библиотеку, которой приносили в дар собрания своих сочинений. Их примеру последовали представители земельной аристократии и верхов люблянской епископии.

В период барокко духовная культура Словении тесно связана с западноевропейскими религиозными движениями и испытывает влияние контрреформации. Литературно-письменная традиция развивается в религиозном русле и стимулируется главным образом духовной властью, литературное творчество носит по преимуществу религиозно-этический и дидактический характер. Представители контрреформации видят потребность в книгах на народном языке, т. е. в таких, какие ранее распространяли протестанты и которые пользовались успехом. На словенский язык переводят латинские и немецкие богослу-

жебные и богословские сочинения, издаются учебные книги и пособия для духовенства. Именно в это время закладываются основы будущей национальной литературы, нашедшие выражение в прозе (проповедь), поэзии (религиозная песня), драматургии (процессия) и подготовившие почву для формирования светского направления в литературе.

~ ЧАСТЬ II ~

*Л*ИТЕРАТУРА
НОВОГО ВРЕМЕНИ.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
XVIII в. — 80-е гг. XIX в.

ЛИТЕРАТУРА
ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ
И РОМАНТИЗМА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII в. —
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Во второй половине XVIII в. важные исторические и социально-экономические сдвиги в Австрийской монархии периода просвещенного абсолютизма оказали заметное воздействие на общекультурную ситуацию в словенских и других славянских землях, входивших в ее состав. Реформы, проводимые Габсбургами (отмена личной зависимости крестьян, ограничение барщины, проведение школьной реформы, узаконившей позиции местных наречий в начальном образовании, и т. д.), не только создали благоприятные условия для развития буржуазных отношений, но также способствовали укреплению центральной власти и положения господствующей нации (немецкий язык был провозглашен официальным государственным языком) на всех уровнях общественной и политической жизни. Сопутствующее этому процессу распространение идеи об исторической обреченности «некультурных» народов, неизбежности их ассимиляции оказывало определенное воздействие на нравственную атмосферу среди славян. С одной стороны, это стимулировало денационализацию местной интеллигенции, с другой — порождало протест, размах которого увеличивался по мере усиления позиций местной буржуазии, прогрессивно настроенных деятелей культуры. Поскольку дворянство и высшие городские слои в словенских землях были по преимуществу немецкого и итальянского происхождения, интеллигенция формировалась из представителей крестьян и горожан, получивших религиозное образование. Именно священники, не утратившие связи с народом, начали просветительскую деятельность среди словенцев, выступили с первой программой национального возрождения.

Таким образом, процессы, связанные с проникновением и восприятием в словенских землях просветительской идеологии и формированием идей национального возрождения, шедшие

в определенной степени параллельно, стимулировали и подпитывали друг друга. Все это не могло не оказать влияния на становление словенской национальной литературы, развитие которой, наряду с общими типологическими особенностями, имеет и ряд важных отличительных черт.

Первый этап приходится на конец 60-х — начало 80-х гг. XVIII в. и связан с именем монаха августинца Марко Похлина (1735–1801). Начальным рубежом принято считать 1768 г., когда в Любляне выходит в свет его «Крайнская грамматика» на немецком языке. Резко осуждая политику онемечивания славянских народов, Похлин в качестве первоочередной задачи своей национально-просветительской программы выдвигал создание грамматики и словаря (ему удалось издать лишь отдельные материалы), осуществление нового перевода Библии (остался в рукописи). Большое значение Похлин придавал реформе школы. Опираясь на созданные им нормы правописания, он издает учебные пособия и справочники для народа (азбука 1765 г., арифметика, перевод книги Р.З.Беккера «Крестьянам на пользу и в помощь» и др.). Наряду с этим он пишет произведения на немецком и латинском языках для образованных кругов словенского общества (опыт литературной истории Крайны — «*Bibliotheca Carnioliae*» и др.), «Историю Крайны» по-словенски. Тем самым закладывался фундамент последующего развития литературы двух типов: для крестьянства и для образованных словенцев. Но главной заслугой Похлина стало издание «Крайнской грамматики». Предисловие к ней (лейтмотивом которого стали слова «Не стыдитесь своего родного языка, дорогие земляки!») можно отнести к своеобразному жанру трактата в защиту народного языка. В нем отчетливо выражена мысль о необходимости его изучения и применения полученных знаний «себе и другим на пользу!». В книгу автор включает и раздел о поэтике. Стремясь вызвать у крайнцев интерес к стихосложению, Похлин сообщает первичные сведения о «самых необходимых» понятиях: долготе и краткости слога, стопах, цезуре, рифме. Касаясь вопроса о поэтических размерах, он подчеркивает, что поэт свободен в своем выборе, но в каждом отдельном произведении следует быть последовательным. Похлин обращает внимание на три системы стихосложения: метрическую или квантитативную, тоническую и силлаботоническую и в качестве иллюстрации приводятся сохранившиеся примеры светской поэзии на словенском языке (ода «Покровительственное приветствие во славу Крайнской земли и досточтимого Янеза Вайкарда Вальвазора» Й. Зизенчелли и отрывок из трубадурской песни «Цветок расцветает утром»).

Главным для автора было стремление вызвать интерес словенцев к созданию поэтических произведений на родном языке.

В 1773 г. в Любляне при монастыре августинцев Похлин создает литературный кружок, членами которого наряду с его собратом по ордену Антоном Феликсом Девом (патер Янез Дамасцен), студентом богословия Я. Михеличем стали и светские лица: граф Я. Н. Эдлинг, гимназисты В. Водник, Й. Закотник, учитель гимназии М. Наглич и др. Похлин ориентировал своих учеников на римскую поэзию «золотого века» (прежде всего Вергилия и Овидия), призывая переносить их достижения на словенскую почву. Вместе с тем он опирался и на барочную поэтику иезуитской школы, приводя в качестве образцов риторическую проповедь и религиозную поэзию эпохи контрреформации. Не случайно стихотворные опыты членов кружка несли в себе отчетливые признаки барочного классицизма.

Похлин стал вдохновителем первого на словенском языке альманаха светской поэзии «Писаницы»¹. В трех его выпусках (1779, 1780, 1781 гг.) были представлены различные поэтические формы: от оды и гимна до элегии, эпиграммы, идиллии, стихотворения «на случай», а также образцы моралистической повести в стихах и басни. Дидактическая по своей основной направленности, в стилевом отношении неоднородная, поэзия авторов альманаха отражала влияние различных поэтических школ (в основном немецкой и итальянской). Общим для большинства произведений «Писаниц» явилось переплетение элементов классицизма и позднего барокко, в отдельных стихотворениях нашли отражение мотивы, близкие преромантизму.

Среди участников альманаха выделяются две фигуры: монах августинец Феликс Дев (1732–1786) и Валентин Водник. Первый стал организатором и редактором всех трех выпусков альманаха, ему принадлежит и наибольшее число произведений, напечатанных в нем (некоторые остались в рукописных материалах для четвертого, так и не вышедшего номера). Дев ввел в словенскую поэзию александрийский стих, использовал гекзаметр, сапфическую строфу, элегический дистих. Он вошел в историю словенской литературы и как автор первого либретто для краткой оперы «Белин» (типа «феста театрале»), в котором отразилось влияние итальянского поэта-классициста П. Метастазиио-Трапасси. В произведении, состоящем из трех картин, в аллегорической форме раскрывается борьба между

1 Pisanica — словен. раскрашенное пасхальное яйцо. Некоторые ученые склоняются к тому, что в случае с альманахом это производное от слова «*pisati*» — писать (*прим. ред.*).

темными силами (Буря) и поэзией (Белин, т. е. Аполлон), а победа Белина в финале символизирует возрождение поэтического искусства в словенских землях. Вот как выражают это крайние нимфы:

Мы с радостью приветствуем тебя, Белин!
 Овидия и Вергилия мы подарим тебе.
 И крайнец будет рад, а с ним
 Вся Любляна будет воспевать тебя,
 Будет петь о том, что вернулись золотые времена.
 И будешь ты здесь, как Август в Риме, — честь и свет.
 И потомки будут прославлять тебя —
 Благодаря тебе они обрели правильный язык.
 И в веках ты будешь жить в нашей памяти,
 Любимый наш Белин!*

По внутреннему содержанию либретто тесно смыкается с двумя другими стихотворениями Дева (элегией и одой), также напечатанными во втором номере альманаха «Писаницы» (1780). Вместе они образуют своеобразный цикл, в котором доминируют размышления автора о развитии светской поэзии на родном языке. Поэт соединяет реальный и фантастический планы повествования. Ведущая мысль выражена через мифологические образы (музы, нимфы, Аполлон), которые поселены среди лесов и гор Крайны. При создании живописных картин словенской природы автор опирается на поэтику барокко. Широко используются различные виды тропов, риторические вопросы, звуковые повторы, восклицания, что придает повествованию выразительность и торжественность. Однако порой текст оказывается перегруженным, внутренние логические связи становятся в нем едва ощутимыми.

Дев выступает и как автор «литературных посланий» («Песнь крайским поэтам» и др.), где не только раскрывается главное назначение поэзии: приносить пользу и доставлять наслаждение («*prodesse et delectare*»), но и звучат патриотические мысли. Автор обращается к молодому поколению с призывом прославлять в стихах свою родину и тем самым воспитывать гражданские чувства земляков. Среди его лирических произведений, в которых заметно влияние современной немецкой лирики, следует выделить стихотворение, посвященное балладе Г. А. Бюргера «Ленора» («Переживания моего сердца при чтении

* Здесь и далее, если переводчик в тексте не указан, перевод автора (*прим. ред.*).

песни о Леноре»), а также первый на словенском языке образец любовной лирики — «Аминт пред взором своей Эльмиры».

Еще одно объединение словенских деятелей культуры на первом этапе национального возрождения возглавил Блаж Кумердей (1738–1805), видный общественный деятель той поры, автор проекта создания словенских народных школ в Крайне (1773), директор Люблянской средней школы. В середине 1770-х гг. первоначально немногочисленная группа: Б. Кумердей, М. Похлин, Ю. Япель (1744–1807), работавшая над выполнением правительственного проекта по созданию единой грамматики и норм правописания для разобщенных словенских земель, расширяется и получает название «лингвистической академии». Выступая в мае 1779 г. на первом рабочем заседании перед ее (уже пятнадцатью) членами, Кумердей подчеркивал важность продолжения дела, начатого кружком Похлина, и необходимость составления словаря и новой грамматики словенского языка. Существенным стимулом для культурного развития крайнцев было в его глазах установление связей с другими народами. При этом ориентиром могли служить, по его мнению, «успехи наших родных братьев русских».

Усилия Кумердея и его сторонников создали условия для дальнейшей консолидации духовных сил словенской интеллигенции, выступившей на втором этапе словенского просвещения, который длился с начала 1780-х гг. до конца первого десятилетия XIX в. В это время происходят и важные политические события: французская оккупация (1808–1813) и создание Иллирийских провинций (в состав которых вошла большая часть словенских земель) оказали влияние на характер литературного и культурного процессов².

В 1781 г. в Любляне при содействии графа Эдлинга и горячем участии Кумердея была основана «Академия деятельных мужей» («*Academia operosorum*»), которая стала своеобразной наследницей «Академии трудолюбивых», существовавшей в 1693–1725 гг. в Любляне. Ее программа носила широкий культурно-просветительский характер, включала изучение истории края, родного языка, поэтического и ораторского искусства, медицины, права и т. п. И хотя из-за разнородности интересов и устремлений ее членов (М. Похлина, Ю. Япеля, А. Т. Линхарта, М. Куральта

2 Верхнюю границу второго этапа разные словенские ученые связывают с двумя важными событиями в истории культуры: выходом в свет первого сборника светской поэзии В. Водника (1806) и появлением «Граматики славянского языка Крайны, Каринтии и Штирии» на немецком языке Е. Копитара (1808).

и др.) Академия вскоре распалась, деятельность некоторых оставила заметный след в культурной жизни словенских земель. Так, Япелем при участии Кумердея и др. был осуществлен новый перевод Священного Писания, при этом авторы опирались на перевод Библии Ю. Далматина. Тем самым, помимо укрепления позиций словенского языка и расширения его лексического фонда, восстанавливалась прерванная языковая традиция. Однако вопрос о грамматических нормах и правилах орфографии по-прежнему вызывал споры. Одним из инициаторов подготовки этого издания был люблянский (с 1772 г.) епископ Карл Герберштейн (1719–1787), стоявший во главе янсенистского течения в австрийских землях³. Проводя в жизнь политические и культурные реформы Габсбургов (янсенисты признавали необходимость подчинения церкви государству, выступали за веротерпимость), К. Герберштейн сумел объединить вокруг себя молодых священников для работы над изданием книг религиозного содержания (катехизисов, молитвенников и т. д.). Большое внимание он уделял развитию духовной поэзии, поддерживал издание сборников религиозных песнопений, составителями и авторами которых были Ю. Япель, Й. Шкринар, Ю. Голлмайер. Сторонники люблянского епископа, помимо трактатов в защиту янсенизма (Я. Дебевец), работали над составлением немецко-словенских словарей, школьных учебников и пособий («Крайнский букварь» Дебецеца), выступали в австрийской прессе как авторы статей, посвященных деятелям культуры и литературы (биографии Линхарта, Япеля и др.) и истории крайней литературы (М. Шрай).

Один из приверженцев К. Герберштейна Ю. Япель создает — наряду с религиозными сочинениями и переводами с немецкого духовной поэзии — поэтические произведения светского содержания на словенском языке (остались в рукописи). Это и классицистическая ода в честь знатного жителя Любляны (графа Я. Ф. Кобенцла); и стихотворение в стиле рококо, где ощутимо влияние немецкой поэзии («Ода в честь именин молодой барышни»). Ему принадлежат пронизанные теплым юмором реалистические зарисовки из жизни селян («Как в Крайне просо жали», «Колыбель в крестьянском доме»), где морализаторство, свойственное поэзии янсенистского круга, отступает на второй план.

Так, в зарисовке, посвященной обычному крестьянскому занятию — лущению проса, автор не только описывает все этапы работы, но и воссоздает саму атмосферу, сопровождающую

3 Янсенизм, одно из течений католицизма, близкое кальвинизму, во второй половине XVIII в. получает широкое распространение в австрийских землях благодаря поддержке Габсбургов.

это занятие, при котором молодые парни и девушки, нанятые для помощи, находят время и для веселых игр.

С теплым юмором автор передает и переживания молодого крестьянина в поэтической картинке «Колыбель в крестьянском доме», вызванные расходами в связи с рождением ребенка:

Вот идет девятый месяц,
как уже я стал женат,
но забота меня гложет:
разродится вдруг жена!

Созданные с нескрываемым сочувствием и любовью картины жизни крестьянина, находящегося в постоянном единении и согласии с природой, можно рассматривать как своеобразное отражение идей Ж. Ж. Руссо о «естественном состоянии» (получившие распространение в словенских землях благодаря трудам его ученика С. Гесснера).

Названные культурно-просветительские общества Крайны являлись своеобразным катализатором общественной и художественной мысли у словенцев.

В начале 1780-х гг., после распада «Академии деятельных мужей» новым центром культурно-просветительской деятельности в словенских землях становится люблянский кружок барона Сигизмунда (Жиги) Цойса (1747–1819). В него вошли как уже проявившие себя на этом поприще люди, так и образованная молодежь, и представители духовенства. Некоторые из них были хорошо знакомы с идеями европейских просветителей. Сам С. Цойс (богатый помещик и владелец рудников) проявлял пристальное внимание к словенскому языку и фольклору, материально поддерживал многие культурные начинания, содействовал установлению контактов с образованными словенцами в других землях (например, с М. Куральтом, долгие годы работавшим во Львове). Видными членами кружка были Б. Кумердей, Ю. Япель, А. Т. Линхарт, В. Водник, позднее — Е. Копитар и др.

Цойс, высоко ценивший заслуги Похлина как зачинателя просветительского движения в словенских землях, строил свою программу, во многом опираясь на практический опыт первого поколения словенских будителей. Вместе с тем, он критически оценивал принципы построения грамматики Похлина и выработанные им нормы правописания. Цойс относил к наиболее уязвимым моментам отказ от протестантской языковой традиции, игнорирование диалектов, ориентацию лишь на люблянский городской говор, значительно засоренный германизмами и хорватизмами. Не случайно словенский меценат и его единомыш-

ленники вновь выдвигают задачу создания грамматики и словаря, которые бы отвечали современному состоянию искусства и науки. Одновременно с этим шла работа по сбору материалов для словенско-немецкого толкового словаря (В. Водник и др.), а также созданию нового перевода Библии (текст которой призван был стать практической языковой нормой для читателей разных возрастов и уровней образования). Важное место в программе кружка Цойса отводилось расширению сферы функционирования словенского языка как языка науки, образования и литературы. Сам он, учитывая реально условия, в которых развивалась словесность (уровень литературного языка, узкий круг интеллектуалов), придавал большое значение «литературе для народа», как важному средству распространения новых идей, формирования широкой читательской аудитории. Словенский меценат стал инициатором изданий поучительно-развлекательных календарей для крестьян: «Velika pratika» («Большой месяцеслов», 1795–1797) и «Mala pratika» («Малый месяцеслов», 1798–1806). Он советует членам своего кружка помещать в календарях свои стихи, загадки, басни и небольшие рассказы с поучительным содержанием, а также сам пишет стихотворения для них, где высмеивает своих противников, отвергающих воспитательные возможности этих изданий: «Кто пересчитает всех этих глупцов, что живут меж нами..., // гримасничают и важничают, а календари читать не умеют?»

В качестве образцов для словенской литературы, адресованной образованным людям, Цойс выделял Анакреонта, а из современных немецких авторов — Блумауэра и Бюргера. Эталоном для него становятся произведения, созданные в стиле рококо, весьма популярное в австрийской литературе той поры. В теоретическом плане соответствие поэзии рококо просветительским целям в 1791 г. попытался обосновать Кумердей (в незавершенной главе о словенском стихосложении, хорошо известной в кружке Цойса). Суть словенской поэзии он видел в «мелодичном» воплощении «привлекательного и развлекательного». Элементы стиля рококо ощутимы в переводах арий и куплетов визитальских комических опер для постановок на сцене основанного в 1765 г. Люблянского сословного театра, сделанных Цойсом и Линхартом, в стихотворениях Водника и Япеля, а также в обработках народных песен любовного содержания («Пастушок» Цойса и др.).

Наиболее развернуто свои взгляды на развитие литературы и ее задачи Цойс изложил в письмах Воднику 1794–1795 гг. Здесь же он высказался и по поводу современной литературной критики, от которой требовал строгого анализа и критического отношения к исследуемому материалу (письмо от 25.06.1794 г.). По мнению словенского ученого Б. Патерну, Цойс выступал не только

как первый словенский литературный критик, но и как апологет критики⁴. Опираясь в своих советах молодому поэту на эстетику классицизма (сочинения Горация, Ж. Бату), он предостерегал от слепого следования классицистическим нормам, а иноязычные литературные образцы призывал приспособлять к «домашним» условиям. Наибольшее внимание в письмах Цойса уделено критическому анализу стихотворений Водника, которого он побуждал к совершенствованию поэтического текста для достижения большей чистоты звучания и художественной выразительности. Высоко оценив первые стихотворные опыты поэта, созданные с опорой на народную песенную традицию, Цойс старался развить его интерес к фольклору и подчеркивал: «Все, что выйдет из-под Вашего пера, должно быть написано в народном духе и для народа»⁵ (письмо от 4.08.1795 г.). Такое пристальное внимание к творчеству молодого стихотворца было не случайным.

Валентин Водник (1758–1819) был самой яркой поэтической фигурой люблянского кружка, именно его Цойс назвал «первым словенским поэтом». Сын крестьянина, благодаря поддержке родных сумевший получить духовное образование, он долгие годы служил в разных приходах Крайны. Однако в 1798 г. решил посвятить себя педагогической, научной и просветительской деятельности. Его ранние произведения, написанные для альманаха «Писаницы», несли в себе отчетливые черты классицизма и подражания античным образцам. В стихотворении «Волшебная гора» он выступает как истинный рационалист, высмеивающий народные суеверия и предрассудки. В его стихотворениях «на случай» («Милая песнь», «На смерть Марии Терезии») приемы классицистической поэтики переплетаются с усложненной метафорикой барокко. Среди ранних работ и стихотворения, в которых молодой автор поднимает тему родного края, жизни крестьян. Стихотворение «Довольный крайнец» — исполненный оптимизма монолог «просвещенного» селянина, прославляющего свой труд на ниве. Водник впервые использует здесь ритмику словенской альпийской плясовой песни (поскочницы):

Со стороны хорватской границы
Встает солнце
И скрывается потом
В виноградниках Италии.

4 Paternu B. Slovenska kritika pred Levstikom. Ljubljana, 1960. S. 45.
5 Zojsova korespondenca I–II (ur. F. Kidrič). Ljubljana, 1939–1941. S. 26.

С моря южного
Лицо обдувает
Теплым ветром,
А из лесов Штирии
В жару веет прохладой.

Мои кони быстро скачут
По борозде,
Девушки без устали
Отбеливают тонкие ткани.

Любое дело у меня спорится,
Будь то защита земель
Или учение,
Всюду я работаю быстро,
Как крепкий хозяин земли...

Обращение к народной песенной традиции под влиянием Похлина, а позже Цойса помогло молодому поэту выработать собственный стиль, создать свою структуру стиха, отличающуюся простотой, благозвучием и гармонией. Значительное место в поэтическом наследии Водника занимают стихи, отражающие его просветительский оптимизм, убежденность, что воспитание способно изменить человеческую природу. Обращаясь к теме родной земли, он воспевает ее богатства и красоты, а также скромность, бережливость, трудолюбие крайнцев, в значительной степени идеализируя и возвышая эти качества («Призыв», «Моим землякам»).

Словенец, твоя земля прекрасна,
И для усердных на ней есть все:
Поля, виноградники,
Горы, море.
Рудные залежи, торговля —
Тебя прокормят...

Тебе уготовано счастье,
разум тебе дан,
добьешься всего, коли
не будешь лениться...
Ленивого ждет рваный рукав,
нищенский посох,
пустой стакан.

(«Призыв»)

В сатирических стихах он бичует пьянство и лень («Мокрые герои», «Пьяные головы» и др.), а в некоторых осуждает национальный гнет («Немецкий конь и крайнская кляча»). Постепенно в поэзию Водника проникают и мотивы, связанные с личными переживаниями; правда, любовная тема не получает у него глубокого развития («Милая Милица», «Миле»). В пейзажных зарисовках («Бохиньская Быстрица», «Весна» и др.) красота родной природы воспринимается автором как источник вдохновения, радости, гармонии (ода «Вршац»).

Не менее важным для Водника была практическая деятельность на ниве народного образования и просвещения. Он редактирует материалы для народных календарей. С 1797 г., когда начинает выходить первая газета на словенском языке «Люблянские новицы», он становится не только ее редактором, но и автором большинства статей (по истории и географии, археологии и минералогии, целую рубрику отводит проблемам словенского языка). В 1806 г. он издает свои знаменитые «Стихотворные опыты», ставшие первым авторским сборником поэзии на словенском языке. Слава поэта и ученого мужа (Водник владел рядом европейских языков, некоторые из которых — французский и итальянский — выучил, как писал позже в автобиографии, «благодаря своим собственным стараниям») в период французского правления выдвинула его в первые ряды реформаторов школьного образования: его назначают директором Люблянской гимназии, ремесленных и художественных школ, инспектором народных школ. Он активно работает над созданием школьных учебников на родном языке, в 1809 г. пишет краткий очерк истории герцогства Крайна, позже издает «Азбуку для начальных школ», грамматику французского языка, словенско-немецко-французский букварь, а также «Граматику для начальных школ», в работе над которой опирается на труды М. Смотрицкого и М. Ломоносова. В предисловии к первому ее изданию (1811) была помещена ода автора «Иллирия возрожденная», пронизанная верой поэта в будущее культурное и национальное возрождение родины. После восстановления австрийского правления Водник в 1815 г. по доносу был обвинен во франкофильстве и участии в масонском обществе, освобожден со всех постов и отправлен на пенсию. Ни написанная им в честь Габсбургов ода «Иллирия возвеличенная», ни заступничество друзей не смогли смягчить обрушившихся на него репрессий. Однако поэт остается в Любляне и продолжает работать: собирает материалы для словенско-немецкого словаря, пишет статьи по археологии, готовит к изданию книгу переводов басен и поучительных историй с греческого и новый

сборник своих стихов. Одним из последних его произведений стало стихотворение «Мой памятник», созданное под влиянием Горация, в котором выражена гордость поэта за свои стихи и уверенность в необходимости и значимости своего труда, ибо никогда не изменял он девизу «петь так, как учила родная мать; петь так, как поет народ»:

Латинские, эллинские,
тевтонские песни учу,
но для песен словенских
живу и горю.

Ни дочери, сына
не останется после меня,
память обо мне —
мои стихи поют.

Водник внес неоценимый вклад в развитие словенской журналистики, фольклористики, а также языкознания, археологии. Он был одним из первых, кто боролся за чистоту родного языка и использовал его как средство повседневного общения. В его поэзии, ставшей образцом для следующего поколения словенских литераторов, нашли воплощение национально-политические идеи, волновавшие словенских просветителей этого периода.

Творчество Водника, как и поэзия Дева знаменовали отход от религиозной поэзии и развитие поэзии светской, внимание к темам, раскрывающим жизнь человека, и новым художественным формам, характерным для современной литературы того времени. Их поэтическое творчество на словенском языке подтверждало сохранение языковой традиции XVI в. и демонстрировало способность языка выражать в слове разные оттенки человеческих чувств и переживаний.

С именем другого близкого соратника Цойса — Антона Томажа Линхарта (1756–1795) — связано зарождение словенского национального театра. Словенская драматургия в конце XVIII в. развивалась крайне медленно и носила преимущественно подражательный характер. В 1770-е гг. большое влияние на ее становление оказало творчество итальянского поэта П. Метастазиио-Трапасси, чьи лирические мелодрамы переводились на немецкий язык (Ю. Япель — «Артаксеркс»), становились основой для создания оригинальных произведений на словенском языке (Ф. Дев — «Белин»). На сцене Люблянского сословного театра наряду с пьесами П. Метастазиио и К. Гольдони ста-

вились произведения Мольера, Вольтера, Бомарше, Шекспира, Кальдерона. К концу века все более отчетливо проявляется влияние немецкой драматургии: немецкие актерские труппы показывают для словенцев пьесы Лессинга, Шиллера и др. Несмотря на невысокий уровень постановок (часто опирающихся не на оригинальный текст, а на самовольную обработку), они сыграли свою позитивную роль, знакомя люблянское общество с основными направлениями европейского театра.

В начале 1780-х гг., получив место в архиве К. Герберштейна, Линхарт переезжает из Вены в Люблян и активно включается в культурно-просветительскую работу, сначала как член «Академии деятельных мужей» и участник школьной реформы, позже становится членом кружка Цойса. При его активном участии и поддержке Цойса в Любляне создается Общество любителей театра (1786), готовятся постановки пьес немецких авторов. Наряду с этим Линхарт пишет большой двухтомный труд (на немецком языке) по истории словенских земель («Опыт истории Крайны и других южнославянских земель Австрии», 1788, 1791). Привлекая данные археологии и критически обрабатывая источники, он стремится охватить историю словенцев до завоевания. При этом автор подчеркивает, что в основе его периодизации лежит не описание правления тех или иных монархов и смены религий, когда-либо существовавших в этом маленьком уголке Европы, но движения народов, населявших его в разные времена.

В начале 80-х гг. XVIII в. появляются и первые литературные произведения Линхарта (пьеса «Мисс Джени Лав» и поэтический сборник «Цветы Крайны», куда вошла его ранняя лирика), написанные на немецком языке. Однако наибольшую известность принесли ему его драматические произведения, ставшие первыми пьесами на словенском языке: «Жупанова Мицка» (1789) и «Веселый день, или Матичек женится» (1790)⁶. В основе первой лежит произведение австрийского драматурга Й. Рихтера «Сельская мельница» (1777). Это легкая комедия с занимательной любовной интригой (благородный господин Тулпенхайм — Мицка) и антиинтригой (крестьянин Анже — вдова Штернфельдовка — Тулпенхайм). Язык героев социально и сословно дифференцирован, при этом отдельные сцены по своему языку пародируют «галантный» стиль венских пьес Рихтера. Вторая пьеса — «Веселый день, или Матичек женится» — создана на основе комедии

6 «Жупанова Мицка» была поставлена на сцене Люблянского сословного театра в 1789 г., а «Веселый день...» — лишь в 1848 г. в г. Ново Место.

Бомарше «Женитьба Фигаро» (1785). Сохранив основную композиционную линию и сюжетные коллизии, а также центральный конфликт первоисточника, словенский драматург построил свое произведение на национальном материале, при этом четырнадцать сцен пьесы имеют оригинальный характер. Линхарт сохранил антифеодальную направленность сочинения Бомарше, выступив с резкой критикой старого феодального патримонильного суда и его бюрократических правил. Главное место он отвел проблеме самораскрытия человеческой личности. Герой пьесы, садовник Матичек, отстаивающий право на любовь, лишь благодаря своим личным качествам (уму, храбрости, настойчивости, хитрости) добивается успеха. Предупредив все козни барона Налетела, он в финале женится на красавице Нежке. Однако «словенский Фигаро» не довольствуется лишь победой в личном плане. В сцене судебного разбирательства Матичек выступает не только против произвола господ над крестьянами, но и как защитник национальных прав словенцев, требует, чтобы приговор был зачитан «по-крайински». Так, герой Линхарта выступает как носитель индивидуального и национального сознания. Выразителен язык пьесы: речь героев индивидуализирована, автор стремится передать нюансы современного ему разговорного языка (от «высокого стиля» господ и официальной речи чиновников до крестьянского говора). Линхарт вводит в комедию и музыкальные сцены (второе и четвертое действия), которые написаны с учетом словенской народной музыкальной традиции (образцом послужила плясовая песня Верхней Крайны — «гореньская поскочница»). Заключительная картина пятого действия — это короткий водевиль (музыка Я. К. Новака), в котором участвуют все действующие лица.

Пьесы Линхарта представляют собой комедии нравов и положений и имеют яркую национальную окраску. Действие происходит в Крайне, крестьяне и слуги имеют словенские имена, феодалы — немецкие. При этом основные конфликты пьес, имеющие социальный (крестьяне — феодалы) и национальный (словенцы — немцы) характер, автор усложняет и углубляет. Он вводит новые критерии оценки поведения героев из народа: их моральные и интеллектуальные качества. Произведения словенского драматурга являются не столько переводами, сколько самостоятельными переработками известных сюжетов, в которых, по словам М. Чопа, «крайинский дух выражен так ярко, как ни в одной другой словенской книге»⁷.

7 Цит по: *Linhart A. T.* Ta veseli dan ali Matiček se ženi. Ljubljana, 1997. S. 139.

Не случайно они до наших дней не сходят со сцен словенских театров.

Продолжает свое развитие и народный театр, вобравший традиции духовной драмы, которая существовала в словенских землях как в протестантском, так и католическом вариантах. Особенно широкую известность в рассматриваемый период получают народные пьесы на темы библейских легенд и народных сказаний (например, о короле Матьеже) народного сочинителя (буквника) из Каринтии Андрея Шустера Драбосняка (1768–1825).

В других словенских землях во второй половине XVIII в. — первом десятилетии XIX в. процесс национального и культурного возрождения шел медленнее и сложнее в силу более острого иноязычного и инокультурного (немецкого и итальянского) влияния. В Каринтии лингвистическую науку развивал О. Гутсман (1727–1790), автор «Грамматики словенского языка» (1777) на немецком языке и немецко-словенского словаря (1789), ставшего ценным лексикографическим источником на многие годы. Появляются и первые объединения культурно-просветительского характера. В Штирии в 1803–1806 гг. действовал кружок («Академия св. Урбана»), состоящий из патриотически настроенных священников (И. Нарат, Ш. Модриняк, М. Яклин, Л. Волкмер и др.). Свою основную задачу они видели в разработке норм правописания, создании грамматики и словаря родного языка. При этом в работе над грамматикой И. Нарат использовал не только опыт крайнцев, но опирался на материалы других славянских языков (польского, чешского, хорватского, русского).

О зарождении в других словенских землях светской поэзии на народном языке сохранились лишь отдельные свидетельства: рукопись обрядовой песни для масленичных гуляний Давида Новака из Прекмурья, написанная на местном говоре; а также рукописи произведений штирийского священника Леопольда Волкмера (1741–1816), которые были изданы после смерти автора. Его переводы с немецкого, оригинальные стихотворения патриотического и просветительского характера («Хвала крестьянскому сословию» и др.), сатирические стихи и басни получили широкое распространение не только среди его прихожан.

Выход в свет сборника Водника «Стихотворные опыты» (1806) и появление первой научно-аналитической «Грамматики славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии» (1808)⁸ Ернея

8 *Kopitar J.* Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, Karnten und Steyermark. Грамматика явилась первым научным описанием фонетической системы словенского языка, включала сведения по истории словенского литературного языка и характеристику

Копитара (1780–1844) знаменовали собой начало нового, третьего этапа словенского просвещения, который охватил 1810-е — 1820-е гг. Основной его особенностью стало дальнейшее развитие национального самосознания и более широкое распространение просветительских идей. В разных словенских землях создаются новые культурно-просветительские общества, делаются попытки издания газет и журналов на словенском языке. В Граце (Штирия) в 1810 г., при активном участии Я. Н. Примича (1785–1823), в ту пору студента-юриста, начинается действовать «Словенское общество», ставившее целью, наряду с вниманием к истории и культуре соседнего немецкого народа, изучение славянской истории, географии, этнографии и литературы (Ю. Цветко, Я. Шмигоц и др.). Год спустя в Грацком лицее была открыта кафедра словенского языка, первым профессором которой становится Примич. Формулируя свою программу, он опирался на идеи Гердера и труды И. Добровского. Он стремился связать воедино задачи практического и эстетического образования, включив в обучение лекции по поэтике с примерами из произведений Водника и Линхарта.

В Крайне в эти годы также создаются различные общества культурно-просветительской ориентации. Среди последних выделяется так называемая «Славянская группа», объединившая представителей духовенства (Я. Циглер, Ф. К. Андриолли и др.). В 1824 г. они выступили с проектом новой словенской газеты «Славинья», который был отвергнут властями. Важным событием явилось создание кафедры словенского языка в Люблянском лицее, первым заведующим которой становится Ф. Метелко. Он воспитывал в своих учениках любовь к литературе и всемерно поощрял их стихотворные упражнения.

Пробуждению и развитию национального самосознания словенцев, распространению просветительских идей, а вместе с тем и расширению читательской аудитории способствовало появление периодических изданий, создававшихся по примеру «Люблянских новиц» Водника. В Крайне особой популярностью пользовалась официальная газета, выходившая на немецком языке «Лайбахер цайтунг» (1778–1918). На страницах литературного приложения к ней (с 1804 по 1818 г. «Лайбахер вохенблатт», с 1819 г. «Иллиришес блатт») освещаются темы и сюжеты, характеризующие основные направления развития литератур европейских (в том числе и славянских) стран. Здесь, наряду с текстами популярных в то время сербских народных песен, появляются

первые образцы словенского фольклора (например, текст баллады о Пегаме и Ламберггаре, реконструированный Я. А. Зупанчичем). Словенская тематика присутствует и на страницах немецких периодических изданий Штирии и Каринтии.

Два важных фактора, определившие своеобразие данного этапа словенского просвещения и национального возрождения, оказали влияние и на развитие словенской литературы. В первую очередь, это был пример В. Водника, успех его поэтического сборника, вдохновивший многих молодых авторов. Близкие Воднику идеи и мотивы звучат в произведениях Урбана Ярника (1784–1847), священника из Каринтии. Наряду с занятиями историей, этнографией, исследованиями в области языка он писал стихи на местном наречии и печатал их (с параллельным переводом на немецкий) в немецких изданиях (газета «Каринтия» и др.). Разноплановое по своей тематике творчество Ярника 1810-х — 1820-х гг. включает стихотворения патристического содержания («К словенцам»), пейзажную лирику («Весна», «Осень»), стихи религиозно-философского звучания («Арфы», «Звезды»). Его поэтические картины народных праздников («Ночь на Ивана Купалу», «Масленичная») имеют этнографическую ценность. В 1814 г. Ярник издает книгу для детей, в которую помимо религиозно-дидактических текстов и изречений вошли его произведения и переводы с немецкого и сербского языков. По мнению Л. Легиши, его переводы из Шиллера и Бюргера, отличающиеся мягкостью и мелодичностью стиха, по своей выразительности превосходят произведения Водника⁹. Многие из его сочинений проникнуты личными переживаниями, обращены к чувствам читателя-современника, что позволяет отнести творчество Ярника к предромантизму. Влиянием немецкой поэзии предромантизма (в первую очередь, Бюргера) отмечена интимная лирика другого восточноштирийского поэта, Штефана Модриняка (1779–1827). Его стихотворения-исповеди («Элегия» и др.) исполнены глубоких интимных переживаний, а пейзажная лирика («Скворец и поэт») пронизана идиллическим отношением к природе и миру. Учеником Водника считал себя и Я. Н. Примич, автор переводов из немецкой поэзии и оригинальных произведений на словенском языке. Среди его сочинений стихотворения для детей, произведения, посвященные военным событиям того времени («Марс и Белона»). В его любовной лирике можно отметить переплетение элементов сентиментализ-

диалектов Верхней и Нижней Крайны. Графика, предложенная автором, строилась на основе бохорицицы.

9 *Legiša L. Slovenska poezija od Vodnikovih Pesmi za pokušino do priprav za Krajnsko Čbelico (1806–1828) // Slovenski jezik. L. 1. Ljubljana. 1938. S. 91.*

ма и предромантизма. Однако наибольший отклик в словенской поэзии получают идеи национального возрождения, поднятые Водником в его знаменитых одах. Национально-патриотическая тема звучит во многих произведениях той поры: оде Й. Кека, стихотворениях Я. Зупана, Ш. Модринака, Б. Поточника, Ф. Бленкуша и др. Но по своим художественным достоинствам и языку они уступают стихам Водника и имеют подражательный характер. Вместе с тем, поэзия Ш. Модринака, Я. Н. Примица и У. Ярника, с ярко выраженными чертами предромантизма, явилась своеобразным мостом между классицистической поэзией Дева и Водника и романтической поэзией Прешерна.

Другим важным фактором, повлиявшим на развитие словенской культуры и литературы, стала деятельность Е. Копитара. Ученик Цойса, последователь И. Г. Гердера, А. Л. Шлёцера, И. К. Аделунга, видный ученый-языковед, исследователь древнейших глаголических памятников славянской письменности, блестящий критик, Копитар являлся центральной фигурой целого направления в словенской культуре. Наряду с чешским славистом Й. Добровским (с ним ученый переписывался долгие годы) Копитар стал одним из основателей научного славяноведения. В 1808 г. он переезжает из Любляны в Вену, где с 1810 г. и до кончины работал цензором славянских, а затем греческих и румынских книг, одновременно занимая пост скриптора венской придворной библиотеки.

Литературная программа Копитара, изложенная им в ряде работ, включала несколько направлений. Анализируя историю развития словенской литературы от Трубара до начала XIX в., он пришел к выводу, что язык писателей значительно германизирован. Поэтому в основу подлинно литературного языка, по его убеждению, должен быть положен сохранившийся в первоизданной чистоте говор необразованного крестьянства («миролюбивых пахарей»). Опираясь на успехи В. С. Караджича (которому Копитар оказал значительную помощь в работе по сбору и публикации сербского фольклора), ученый определяет главные приоритеты своей программы. Первостепенной задачей современных авторов он считал сбор, изучение и издание произведений народного творчества, а также написание «книг для народа» практического и нравоучительного содержания. Программа Копитара стала знаменем словенских янсенистов. Она устраивала и правительственные круги, поскольку подобная литература укладывалась в рамки государственной политики и не грозила политическими осложнениями. Горячим приверженцем идей Копитара и проводником их в жизнь становится священник Матевж Равникар (1776–1845), преподаватель Люблянского лицея, впоследствии

Триестский епископ. В 1817 г. он издает свой перевод книги немецкого писателя К. Шмидта «Повести из Священного писания для молодежи». В других словенских землях «литература для народа» развивается более свободно, не стиснутая узкими рамками янсенизма. В Штирии Л. Волкмер пишет на местном диалекте басни, бичующие человеческие пороки. Священник из Горицы Валентин Станич (1774–1847) собирает и обрабатывает словенские народные песни, переводит немецкую народную поэзию из сборника Р. З. Беккера. Вместе с собственными произведениями (сочинения религиозно-воспитательного содержания, стихи «на случай») он издает их отдельными сборниками: «Песни для крестьян и молодежи» (1822, 1838); «Молитвы и размышления» (1826, 1838).

Одним из важных элементов словенского литературного процесса в это время является народная, низовая культура, представленная творчеством так называемых «буковников», неизвестных или известных наивных авторов из народа. Особенно широкий размах это движение получает в Каринтии. Первыми народными сказителями-певцами становились бродяги, позже крестьяне и даже школьные учителя и органисты, одаренные от природы поэтическими способностями. Благодаря простому разговорному языку, широкому использованию народной лексики и поэтических приемов фольклора, произведения каринтийских (М. Андреаш, А. Шустер Дробосняк), крайнских (П. Кнобл, М. Крачман, А. Канчник) и похорских (Ю. Водовник) буковников становятся популярными среди крестьян. Они передавались устно и в списках, некоторые вошли в сборники (М. Ахачела, П. Кнобля, Э. Корытко) или были напечатаны в виде отдельных листовок («летаков»). Распространение сочинений словенских буковников оказывало влияние на развитие читательских интересов в крестьянской среде (процесс, который начался с изданием народных календарей, предпринятым Цойсом).

Особую роль в этот период играют международные, а в их рамках — межславянские связи. Осознание языковой и этнической общности с другими славянами (в первую очередь, с русскими) служило для представителей первых поколений словенских просветителей мощным стимулом в борьбе за национальные права. Важное значение имело установление личных контактов (Копитар — Добровский, Копитар — Караджич, Ярник — П. Й. Шафарик и др.). Подобные связи способствовали более широкому ознакомлению с фольклором и литературой других славянских народов и даже оказывали воздействие на культурно-языковые программы. Огромный вклад в развитие словенско-польских литературных связей внес Мартин Куралт

(1757–1845). Друг Линхарта, член «Академии деятельных мужей», он много лет жил и работал во Львове, имел широкие связи в польских кругах. Здесь он обратился к изучению старопольской литературы, писал стихи (на немецком и латинском языках), поднимающие проблемы мира и судьбы поляков. Обвиненный в связях с польским революционно-патриотическим движением, Куралт был сослан и провел более двадцати лет в Моравии. Однако в целом межславянские связи и контакты словенских культурных деятелей носили в этот период единичный характер. Более многоплановыми были словенско-немецкие культурные и литературные связи (особенно в Штирии и Каринтии). В их основе лежала общность исторического развития, территориальное соседство и язык (знание немецкого было обязательным для каждого образованного словенца). Активное восприятие достижений немецкого народа в культурной, литературной и научной сферах было характерно для многих словенских просветителей этого времени. Не менее значимым для развития словенских земель в этот период было итальянское влияние. Оно проявлялось в области архитектуры, изобразительного и музыкального искусства, а также литературы.

В начале 1830-х гг. в развитии словенской литературы и особенно поэзии намечается определенный перелом. Значительной популярностью в эти годы по-прежнему пользуется литературная программа Копитара и его сторонников — программа развития отечественной словесности от сбора фольклора и создания произведений религиозно-дидактического характера для народа к «высокой» литературе. Однако в среде молодой словенской интеллигенции зреют новые настроения, на которые оказывают влияние передовые общественно-политические идеи и новые, романтические веяния, широко распространившиеся во многих странах Европы.

Подлинную оппозицию взглядам Копитара и его окружения составили деятели культуры и литературы, которых объединило участие в издании нового литературно-художественного альманаха «Крайнска чбелица» (Любляна, 1830–1832; 1834; 1848)¹⁰. Новое издание на словенском языке по замыслу его

10 Krajnska / kranjska čbelica — словен. слово «čbelica» — «пчелка» как символ упорного труда на ниве культуры и литературы было воспринято альманаховцами из знаменитого труда Я.В. Вальвазора «Слава герцогства Крайна» (1689); впоследствии с целью сохранить духовную преемственность оно использовалось с тем же аллегорико-символическим подтекстом многими словенскими просветителями (Водник, Волкмер и др.).

участников (среди них — редактор М. Кастелиц, Б. Поточник, Я. Зупан, И. Хольцапфел, Е. Левичник, Ю. Космач и др.) было обращено ко всем «любителям крайнской литературы» и имело целью придать отечественной словесности светский и демократический характер, расширить круг тем и, главное, поднять ее на более высокий художественно-эстетический уровень.

В альманахе нашли отражение две ведущие линии словенской поэзии того времени: классицистическая и романтическая. Первая (образцом для нее служила просветительская поэзия В. Водника, ее классицистическо-фольклорная модель) была представлена, наряду с программным сонетом М. Кастелица (1796–1868) «Друзьям крайнского наречия», пейзажной лирикой, зарисовками сельского быта и стихотворениями религиозно-философского звучания. Сторонниками и проводниками второй, романтической линии являлись филолог М. Чоп (1791–1835) и крупнейший словенский поэт Ф. Прешерн (1800–1849).

Матия Чоп был инспиратором издания альманаха (хотя и не являлся его официальным участником). Прекрасно образованный (владел девятнадцатью языками), он был хорошо знаком с современной мировой литературой и критикой. Особенно он любил произведения Гёте, Байрона, Мицкевича, внимательно изучал русскую литературу — Пушкина, Хомякова и др. Чоп был одним из самых свободомыслящих деятелей своего времени, с горячим сочувствием он относился к национально-освободительным движениям польского и греческого народов.

Столкновение позиций Копитара и альманаховцев (в первую очередь, Чопа и Прешерна) ясно и определено выявило в период так называемой «азбучной войны» — литературного спора, который в 1830-е гг. развился из полемики по поводу принятия нового словенского алфавита, так называемой «метелчицы». Во второй половине 1820-х гг. проблема разработки единых норм правописания и системы графических обозначений по-прежнему оставалась первостепенной задачей словенских филологов. В грамматиках словенского языка П. Дайнко (Грац, 1824) и Ф. Метелко (Вена, 1825) при описании фонетических особенностей языка делался упор не на центральные диалекты, а на восточно-штирийский (Дайнко) и нижнекрайнский (Метелко), а главное — предлагался смешанный тип правописания — латинско-кириллический. Новые принципы графики нашли своих сторонников и учитывались при издании учебников и книг духовного содержания вплоть до 1833 г. Параллельное существование нескольких моделей книжно-письменного языка угрожало процессу формирования единого литературного языка словенцев. Спор между сторонниками Метелко и защитниками

старой «бохоричицы» выплеснулся на страницы печати и вскоре принял острый, полемический характер. Одним из активных противников «метелчицы» был Чоп. В ряде статей 1833 г. (серия приложений к «Иллишес блатт») он не только поднимает языковые проблемы (при выработке норм единого языка он предлагал учитывать особенности всех словенских диалектов; указывал на возможность использования диакритических знаков для обозначения шипящих — по типу чешской графики), но и сформулировал свои взгляды на развитие национальной литературы. Этой проблеме было посвящено и послесловие молодого филолога к переводу критической статьи Ф. Л. Челаковского (1832), посвященной альманаху «Крайнска чбелица» и поэзии Ф. Прешерна. Отдавая дань уважения заслугам Копитара в борьбе за чистоту словенского языка, Чоп вместе с тем скептически относился к идее использования языка крестьян в качестве образца для литературного языка из-за ограниченности его лексико-стилевых возможностей. Он считал, что не дидактические книги «для народа», а только высокохудожественная литература, опирающаяся на фольклорные традиции, а также на творчество предшествующих поколений словенских писателей и вбирающая в себя достижения европейских литератур, может вызвать интерес широких слоев словенской интеллигенции к проблемам родного языка, стать важным фактором формирования активной читательской среды. В своих рассуждениях Чоп опирался на работы немецких теоретиков романтизма (в первую очередь братьев А. В. и Ф. Шлегелей). Он отстаивал принцип личной свободы и творческой активности художника, ставил во главу угла не узкоутилитарные, а эстетические критерии оценки художественных произведений. Вместе с тем ему были чужды крайний субъективизм и бунтарский индивидуализм романтизма (так, он не принимал «демонизма» байроновских героев). Чоп отдавал предпочтение «гомеровской простоте и правдивости», а также гуманистическим идеям романтической поэзии, провозглашающей борьбу «за гармоническую личность, за более достойную жизнь, счастье и любовь». Большое значение словенский ученый придавал (под влиянием идей Гердера) вопросам историзма и народности искусства. Он требовал от писателей отклика на важнейшие события национальной истории и современности, глубокого знания родной культуры и языка. Чоп последовательно отстаивал и мысль о том, что литература (в первую очередь поэзия) является не только могучим средством просвещения масс (в этом он был близок просветителям первых поколений), но и выразителем национального духа, показателем культурного и политического положения народа. Публицистические

выступления Чопа явились ярким образцом литературной критики в Словении. Литературные и эстетические взгляды филолога стали манифестом романтизма, нашедшим наиболее полное выражение в поэтическом творчестве Франце Прешерна. Чоп вошел в историю отечественной культуры и как автор очерка истории словенской литературы, написанного на немецком языке в 1831 г. для «Истории южнославянских литератур» чешского ученого-слависта П. Й. Шафарика (полностью работа была опубликована лишь в 1864 г.). Очерк охватывал период развития литературы начиная с древнейших времен до современности. При этом особое внимание было уделено периоду Реформации и эпохе Просвещения, а также даны развернутые литературные портреты деятелей конца XVIII — начала XIX в. (от Похлина до Копитара и Прешерна) и характеристика литературных альманахов на словенском языке «Писаницы» и «Крайнска чбелица».

После трагической смерти Чопа (он утонул, купаясь в Саве) союзником Прешерна в борьбе за обновление словенской литературы становится его друг Андрей Смоле (1800–1840), известный собиратель и пропагандист словенского фольклора. Для третьего выпуска «Крайнской чбелицы» Прешерн в 1832 г. создает литературные обработки народных баллад, легенд, песен («Красавица Вида», «Рошлин и Верьянко», «Король Матьяз»). Совместные усилия Смоле и Прешерна были направлены на создание новой газеты на словенском языке (проект остался неосуществленным) и собственной типографии (функционировала в 1840 г.) для издания произведений словенских авторов. За короткий период здесь были переизданы сочинения Водника и Линхарта. Большое влияние на развитие мировоззрения Прешерна оказал и Эмиль Корытко (1813–1939), польский студент, сосланный за участие в революционном движении из Галиции в Любляну. Их объединял не только интерес к современной польской романтической поэзии (под влиянием Корытко Прешерн перевел на немецкий язык два стихотворения А. Мицкевича и отрывок из поэмы «Конрад Валленрод»), но и увлечение славянским фольклором. Результатом работы Корытко по сбору и обработке словенского народного творчества стало пятитомное собрание «Словенские песни крайнего народа», вышедшее лишь после его смерти в 1839–1844 гг.

Деятельность Прешерна и его единомышленников в 1830–1840-е гг. проходила в обстановке нарастающего общественного подъема, связанного с широким распространением в словенских (как и во многих других) землях идей славянской взаимности. Глашатаем этого движения становится видный деятель чешского и словацкого национального возрождения словак Я. Коллар.

Его поэма «Дочь Славы» (1824) приобретает огромную популярность среди молодого поколения славянских патриотов. Отклик среди части словенцев находит учение выдающегося деятеля хорватского народа Людевита Гаю о культурном, языковом и этническом единстве южнославянских народов. Идеи последнего, явившиеся основой концепции иллиризма, были поддержаны словенскими деятелями Штирии и Каринтии, где угроза германизации по-прежнему оставалась очень сильной. Именно здесь наряду с созданием кружков духовной и светской интеллигенции просветительской ориентации (например, кружок штирийца А. Сломшека) начинается создание культурных обществ, объединенных идеей иллиризма. В 1828 г. в Граце (Штирия) образуется «Иллирийский клуб», куда входили наряду со словенцами (Ю. Матяшич, Й. Муршец, Ш. Кочевар) серб М. Балтич и хорваты Д. Деметер, Ф. Курелац, Л. Гай и др. Участники этого кружка впоследствии активно включились в процесс распространения идей иллиризма в словенских и других южнославянских землях. Они были подхвачены и в студенческой среде. При активном участии студентов С. Вразы, Ф. Миклошича (1813–1891) и др. в 1832 г. в Граце было образовано «Словенское общество», члены которого занимались изданием книг на родном языке, сборником народных песен и описанием обычаев. В Крайне, в Любляне, также возникает иллирийский кружок (1839), члены которого (Л. Пинтар, А. Жакель, Л. Еран и др.) некоторое время поддерживали идею создания общего для южных славян (искусственного в своей основе) языка. В 1840-е гг. образуются подобные люблянскому обществу в Гориции (1840), в Целовце (1845). Важным пунктом их программы было создание общедоступной библиотеки, включающей книги на всех славянских языках (в чем, несомненно, сказывалось и влияние программы Я. Коллара), организация курсов по изучению славянских языков и т. п.

Иллирийское движение способствовало укреплению национального самосознания, пробуждению интереса у широких слоев интеллигенции к народному творчеству. Благодаря распространению идей иллиризма и славянской взаимности существенно активизируются и видоизменяются межславянские связи. Задачи обогащения национальной культуры и литературы, выдвинутые прогрессивно мыслящими словенскими литераторами, все больше обращали взоры писателей к культуре и литературе других славянских народов, близких по языку и традициям, по общественно-историческим условиям жизни. Значительно расширяются личные контакты словенцев с писателями, а также деятелями науки и культуры Хорватии (Л. Гай и др.), Сербии (В. С. Караджич), Чехии (Ф. Л. Челаковский, Й. Добровский), Словакии (Я. Коллар,

П. Й. Шафарик), Польши (С. Линде). Весьма активными были научные контакты Копитара с российскими учеными. В 1820-е – 1830-е гг. его переписка с П. И. Кеппеном и А. Х. Востоковым отражала их общие научные интересы и устремления, связанные с изданием памятников славянской письменности (в первую очередь «Фрейзингенских отрывков»). Позже, начиная с конца 1830-х гг. словенско-русские контакты значительно расширяются. Русские ученые-слависты (О. М. Бодянский, П. И. Прейс, В. И. Григорович, И. И. Срезневский, Н. И. Надеждин и др.) во время предпринятых ими поездок по славянским, в том числе и словенским, землям устанавливали связи со многими словенскими деятелями науки, культуры, известными писателями – помимо Копитара, с Прешерном, С. Вразом, Метелко, Дайнко, Кастелицем, Зупаном, Ярником и др. Словенские писатели активно изучают славянские языки, участвуют в переводческой и популяризаторской деятельности на страницах отечественной и зарубежной печати. Тесные культурные контакты, книжный и журнальный обмен оказывают стимулирующее воздействие на зарождение и становление научной фольклористики, а также славяноведения.

Позже, в канун революции 1848 г., на первый план все отчетливее выдвигаются идеи собственно словенского национально-возрождения. В Граце, Целовце, Любляне и других городах образуются культурно-просветительские общества, в названии которых повторяются слова «словенский», «Словения», впервые формулируется политическая программа «Объединенной Словении». Вместе с тем, идеи славянской взаимности сохраняют свою притягательность. Оказывая влияние на литературу, они питают ее новыми темами и мотивами.

Самым известным среди деятелей иллиризма в Словении был поэт, активный собиратель фольклора, впоследствии видный деятель хорватской культуры, Станко Враз (настоящее имя – Якоб Фрасс, 1810–1851). Первый (словенский) период его творчества, до отъезда в 1838 г. в Загреб, отмечен поисками и метаниями. На него оказывает большое влияние поэзия европейских (в том числе славянских) авторов. Он переводит произведения Гёте, Шиллера, Байрона, Ламартина, Мицкевича, а также Пушкина, Жуковского. С энтузиазмом занимается сбором и изучением фольклора славянских народов, переводит сербские народные песни, отрывки из Краледворской рукописи. Однако главными импульсами для ранней поэзии Вразы становится творчество Прешерна и Коллара (в первую очередь поэма «Дочь Славы»), которого он называет «славянским пророком». Под влиянием последнего в начале 1830-х гг. Враз создает три

сонета, в которых он стремится выразить свои патриотические чувства. На фоне строгой сонетной формы особенно отчетливо проявились слабости поэтического языка автора, опирающегося на родной штирийский диалект. Сонетную форму Враз использует и в дальнейшем. В новых сонетах цикла «Колокольчики» (1835) патриотическая тема раскрыта в лирической тональности. Используя яркие сравнения и метафоры, молодой поэт раскрывает свой внутренний мир, свои чувства, наполненные «горячей любовью к отчизне». Звучит здесь и мотив мессианства. Поэт утверждает, что творец не может быть равнодушным созерцателем, а призван отдать весь жар своей души матери-родине или погибнуть, как погиб за людей Иисус Христос.

На лирическую поэзию Враз этих лет ощутимое воздействие оказывает творчество Прешерна. Уже первые произведения молодого штирийского студента отмечены заимствованием прешерновских мотивов (например, мотив прощания с матерью, с любимым; романс 1835 г. о красавице Зимбургиде навеян балладой «Розамунда Турьякская» Прешерна). Некоторые из стихотворений Вразы середины 1830-х гг. («В полночь», «Глаза и сердце» и др.) близки по тональности народной песне. Они полны грустных мыслей о неразделенной любви, одиночестве, размышлениями о злой судьбе, принесшей невосполнимую утрату. В них отчетливо выражено романтическое мироощущение.

Не менее важным в жизни Вразы становится его активная культурно-просветительская деятельность, связанная с пропагандой идей славянской взаимности, а позже иллиризма. В 1834 г. он вместе с Миклошичем становится инициатором создания нового словенского альманаха, для сотрудничества в котором приглашаются литераторы Крайны, Каринтии и Штирии. Основу издания должны были составить, наряду с переводами произведений европейских романтиков, также переводы песен разных славянских народов (польские краковяки, украинские коломыйки из сборника В.Залеского, словацкие песни из собрания Я. Коллара и др.). Однако ни эта попытка, отражавшая устремления штирийских иллирийцев и люблянских альманасовцев расширить рамки словенской литературы, ни проект издания альманаха «Мотыльки» (1837) не были осуществлены. Наряду с этим поэт старается установить тесные литературные контакты как с загребской «Даницей иллирской» (посылает Гаю ряд своих стихотворений), так и с люблянским кругом издателей альманаха «Крайнска чбелица». М. Кастелицу для пятого номера Враз передает более двадцати произведений, однако они не были напечатаны из-за претензий редактора к языку текстов. С Чопом и Прешерном Враз объединяло трезвое, критическое отноше-

ние к творчеству некоторых писателей старшего поколения и убежденность в том, что малая литература должна вдохновляться и обогащаться за счет «больших», приобретая тем самым европейский дух. Прешерн с уважением относился к увлечению младшего коллеги фольклором. Свои мысли о важности его изучения Враз выразил в ряде литературно-критических публикаций (в статье на выход сборника Ахацела 1833 г.; в предисловии к сборнику переводных историй для детей 1836 г.). Вместе с тем, Враз и альманасовцы резко расходились во взглядах на будущее словенского языка. Это расхождение стало особенно очевидным после выхода из печати книги Коллара на немецком языке «О литературном единстве славян» (Пешт, 1837) и статьи Шафарика «О новейшей иллирийской литературе» (венская газета «Ост унд вест», 1837). Если Прешерн высказывал мысль о бесперспективности создания единого языка славян и упрекал своего штирийского друга в равнодушии к судьбе родины (письмо от 5 июля 1837 г.), то Враз, напротив, спасение от германизации немногочисленного словенского народа видел лишь на пути объединения с другими югославянами (письмо от 1 августа 1837 г.).

В конце 1838 г. Враз покидает Словению и переезжает в Загреб. Этому способствовала его горячая приверженность идеям иллиризма, с деятелями которого у него установились к тому времени прочные контакты, убежденность в необходимости принятия единого для югославян языка. Немаловажным было и то, что в хорватских изданиях (газета «Даница иллирска» и др.) начали регулярно печататься его стихи. Враз активно включается в культурную и литературную жизнь Хорватии, создает произведения на иллирийском (хорватском) языке. В 1839 г. выходит посвященный В.С. Караджичу сборник «Народные песни иллирийские, которые поются в Штирии, Крайне, Каринтии и западной части Венгрии», а также ряд поэтических сборников («Джулябие», 1840; «Голоса из Жеровинской дубравы», 1841; «Гусли и тамбуры», 1845).

Центральное течение в словенской литературе 1830-х — 1840-х гг. — романтическое — было связано с творчеством Франце Ксаверия Прешерна. Начальным рубежом словенского романтизма принято считать 1830 г., связанный с выходом в свет I выпуска альманаха «Крайнска чбелица» с первыми стихотворениями поэта. Выходец из богатой крестьянской семьи из села Врба в Верхней Крайне, он получил прекрасное образование: закончил Люблянскую гимназию (где директором в те годы был Водник), позже, после окончания юридического факультета Венского университета (1827), долгие годы работал помощником адвоката, тщетно добиваясь права на само-

стоятельную практику. Лишь незадолго до смерти, в 1846 г., им было получено место адвоката в г. Крань.

Писать стихи Прешерн начал рано, еще будучи студентом. Его первые произведения 1824–1828 гг. (некоторые из них — на немецком языке) носили еще подражательный характер. В 1824 г. в библиотеке люблянского лицея был обнаружен вариант перевода «Леноры» Г. А. Бюргера с пометками Цойса о трудностях передачи отдельных мест произведения на словенский язык. Молодой поэт создает свой перевод известной баллады, с блеском раскрывая богатые возможности родного наречия в передаче самых сложных душевных переживаний. Этот перевод, а также некоторые из его ранних сочинений: шутивное стихотворение в анакреонтическом духе «Звездочетам», баллада «Водяной» — появились в первом номере альманаха «Крайнска чбелица» (1830). В них наметились основные черты ранней поэтики Прешерна, сложившейся на основе народной плясовой песни Верхней Крайны («гореньской поскочницы»), анакреонтической поэзии и немецкой предромантической и романтической лирики и баллады. В качестве образцов автор избирает поэзию, которая способствовала бы раскрепощению языка и, благодаря своему вниманию к выражению субъективного начала, открывала дорогу романтическому мировидению.

Так, в балладе «Водяной», опираясь на сюжет народной легенды о тщеславной красавице Уршке, поэт, не довольствуясь лишь пересказом, стремится передать чувства своих героев:

Люблянки-красавицы славятся всюду,
но Уршка была всех красивей в Любляне,
всех девушек, женщин прекрасней, желанней...
Умела она быть любезной, надменной,
умела разжечь в пылких юношах пламя,
разумно беседовать со стариками,
лукавить улыбками, взглядом, словами,
дурачила умных, сводила с ума,
пока не попалась вдруг в сети сама¹¹.

(Перевод М. Зенкевича)

Переходным к романтизму явилось стихотворение «Прощание с юностью» (1828–29), также появившееся в пер-

11 Баллада «Водяной» имеет также автобиографический подтекст. В образе Уршки поэт сохранил для истории черты люблянской красавицы Залики Доленц, отвергнувшей его ухаживания (прим. ред).

вом номере альманаха. По своей элегической тональности оно сродни подобным «прощаниям» других европейских романтиков (например, «Ода молодости» А. Мицкевича). Но в отличие от польского поэта Прешерн грустит о прошедшей юности не как о времени «ангельского блаженства». Он рисует свои молодые годы как время, когда на смену юношескому легковесию приходит осознание сложности человеческих отношений в мире, где непризнанными оказываются Верность и Любовь, Мудрость, Правда и Знание, а ценность человека определяется лишь его богатством. Лирический герой Прешерна выражает решимость принять все тяготы, которые сулят ему жизнь и призвание поэта:

Нет, не попутный первый ветерочек
развеет вдруг все беды, и невзгоды,
и боль, что сердце все жесточе точит;
не он даст ощущение свободы
нам, льющим воду в пасть бездонных бочек, —
лишь зрелые придут на помощь годы!
Но, юность, вновь и вновь хвалить готов я все же
рассвет твой сумрачный, дай счастья тебе Боже!

(Перевод Л. Мартынова)

Глубокое выражение внутреннего мира человека явилось подлинным открытием совершенно нового поэтического мира, так непохожего на всю предшествующую словенскую поэзию. Не случайно появление первых произведений поэта вызвало недоумение и гнев в кругах духовенства, на него посыпались упреки в отходе от программы Копитара. В ответ Прешерн создает на известный сюжет Плиния сонет «Апеллес и сапожник» (1830), в котором остроумно и с определенной долей сарказма высмеивает Копитара. А затем отвечает своим критикам сатирическими терцинами «Новое писание» (1830), где в диалоге Ученика и Писателя раскрывает ограниченность взглядов защитников дидактической, утилитарной литературы. Эти произведения, а также цикл из двадцати эпиграмм «Шершни» (1831) можно рассматривать как образец литературной критики, впервые нашедшей отражение в стихотворной форме.

Стремясь к разработке новых строфических и метрических форм, к обновлению и обогащению средств поэзии, Прешерн вновь обращается к форме сонета. В 1832 г. он создает цикл «Сонеты несчастья», в котором звучит одна из ведущих тем романтической литературы: художник и современное общество. В шести сонетах развернута история молодого человека, кото-

рого «роковая жажда знаний» увлекает из родного дома в большой мир, где вскоре он начинает испытывать «грусть и отчаяние, печаль и горе», осознав враждебность общества, «грязь рабских будней, нищеты закон». Поэт сумел выразить сложные переживания своего современника, в ярких художественных образах и картинах представить его жизненный путь: от призрачных надежд и первых сомнений до смирения духа, разочарования в жизни:

Тюрьма — твой дом, и время — твой палач,
грусть и отчаяние — твои подруги,
печаль и горе — преданные слуги,
и сторож-скорбь не устает, хоть плачь.

Прости же смерть не медлить на пороге:
лишь у нее заветные ключи
от камеры твоей. Она в ночи
освободит — и, не свернув с дороги,

туда тебя, счастливца, поведет,
где не страшны тирана власть и гнет...

(Перевод А. Гитовича)

В стихах этих лет Прешерн размышляет о призвании поэта («Элегия моим землякам», 1832), утверждая единство судьбы поэта с судьбой народа. В этом сочинении Прешерн впервые очерчивает условные границы своего рода. В определенной степени перекликаясь со знаменитым стихотворением Водника «Побуждение» (1795), элегия поднимает важную тему духовного состояния современного Прешерну общества (отказ от традиций предков, преклонение перед всем чужим, безудержное стремление к материальному благополучию). Со своими горькими мыслями поэт обращается к землякам-крайцам, используя термины родства: он взывает к ним как к братьям, а к крайней земле как к «дорогой матери», «родному дому»:

Крайна, мать моя родная,
скоро ль стоны отзвучат
и настанет жизнь иная —
встанет горд, твой сын, мой брат!

(Перевод Л. Мартынова)

В стихотворении сложной композиции с эпиграфом «Глосса» (1832), опровергая распространенное среди своих

земляков мнение о несерьезности и ненужности поэзии («Лишь слепец стихами занят, // смейся, крайнец! Вздор все это!»), Прешерн вновь выступает как представитель крайнского рода.

Другим важным пластом в творчестве молодого автора является любовная лирика, представленная в этот период элегией «Первая любовь» (1831) и «Сонетами любви» (1830–1832). Образцом для последних по форме и композиции служили произведения Петрарки. Прешерн обращается также к восточной поэзии (привлекавшей внимание и немецких романтиков): в 1833 г. он создает цикл из семи стихотворений «Газели», где передана глубина и постоянство его чувства к молодой девушке. Любовные мотивы звучат также в романах, написанных по образцу испанской лиро-эпической поэзии («Розамунда Турьякская», 1831).

Вершинным достижением любовной лирики Прешерна стал «Венок сонетов» (1834), в котором освоение поэтической формы итальянской лирики эпохи Ренессанса дало глубоко самобытное произведение. Оно было написано и приурочено ко дню рождения возлюбленной поэта. Ее имя (Примицова Юлия) оказалось заложенным в акростихе, составленном из начальных букв пятнадцатого, заключительного сонета (магистрала). В «Венке сонетов» слились два глубоко волнующих автора чувства — всепоглощающей любви к девушке и благородной преданности родной земле. Так поэт выводит любовь из эмоциональной сферы и расширяет ее до любви к своему народу, утверждая ее действенный характер:

Печаль стихи словенские вспоила —
мои цветы, с Парнаса моего же.
Любовь к тебе и к родине так схожи:
два пламени из одного горнила!

(9-й сонет, перевод С. Шервинского)

Вновь звучит здесь мотив высокого призвания поэта («словенского Орфея»), способного магической музыкой своих стихов воспламенить сердца равнодушных, утративших чувство национальной гордости земляков, пробудить в них любовь к отчизне.

Послало б небо нам певца такого!
Опять Орфей повел бы хороводы,
согрел бы Крайну песнями свободы
словенцев всех из племени любого.

(7-й сонет, перевод С. Шервинского)

И после публикации «Венка сонетов», вызвавшей неоднозначную реакцию люблянкой публики, Прешерн продолжает создавать сонеты, раскрывая в них трепетность и бескорыстность своего чувства к Юлии. Но все чаще в его сочинениях начинают звучать трагические ноты («Куда?», 1835; «Лекарство от любви», 1837, и др.). В период глубокого душевного кризиса, связанного с разрывом с Юлией и гибелью Чопа, Прешерн пишет лиро-эпическую историческую поэму, названную им «поэтической повестью» «Крещение у Савицы» (1836), и посвящает ее памяти друга.

В основе произведения — исторические события VIII в., связанные с введением христианства в словенских землях, трагический сюжет борьбы язычников во главе с князем Чертомиром (восстание 772 г.) за веру предков. Сын последнего карантанского князя Хотимира Вальхун (Вальтунк), принявший крещение, стремится уничтожить единственный оплот непокорных — замок Чертомира. После длительной осады замка его защитники погибают в неравной борьбе, а Чертомир, единственный оставшийся в живых, спешит к языческому жрецу Старославу и его дочери Богомиле, жрице богини Живы. Он надеется найти у них помощь и поддержку для продолжения борьбы. Но пока он сражался с Вальхуном, Богомила, его возлюбленная, принимает христианскую веру и становится монахиней. Пораженный происшедшим, Чертомир осознает, что его общественные и личные устремления терпят крах. Мучимый сомнениями о несовместимости насильственного насаждения христианства с проповедями любви и братства, а также горестными мыслями о невозможности быть с любимой, герой Прешерна принимает обряд крещения. Он видит смысл жизни в миссии духовного пастыря своего, уже обращенного в новую веру народа.

Приняв священство, сердцем он сгорел
для благ мирских; потом пошел в селенья
родных словенцев и за их предел,
борясь до смерти против заблужденья.

(Перевод Ф. Корша)

Автор продемонстрировал разные ступени психологического развития характера Чертомира: от классического образа-символа к образу страдающего рефлексией героя-современника. Повествование о побежденном языческом князе в духе национально-героического эпоса постепенно перерастает в произведение любовного и философско-психологического содержания. По мнению словенского исследователя Б. Патерну, сочинение

Прешерна имело важное значение для зарождения словенской прозы и в первую очередь романа¹².

Успех «Крещения у Савицы» (связанный отчасти и с поверхностным прочтением поэмы в консервативных кругах) создает Прешерну больше возможностей для печатания стихов. В некоторых из них с новой силой звучит мотив поэтического призвания. Однако на смену представлению об исключительности судьбы художника («Глосса») приходят философские раздумья о фатальной силе бытия, довлеющей над поэтом («Поэту», 1838). Меняется и облик романтического героя-творца. Образ Орфея уступает место образу Прометея, идущего через подвиг навстречу страданиям и терпеливо их переносящего.

Кому
Под силу рассеять душевную тьму?
Где тот,
Кто коршуна сгонит, что кровь нашу пьет
Из сердца весь день и всю ночь напролет?
.....
Будь рад,
Поэт, песнопенью, — пусть думы томят,
Пусть носишь ты в сердце то небо, то ад!
Пойми
Призвание поэта — и муку прими.

(Перевод С. Шервинского)

Любовная лирика Прешерна второй половины 1830-х гг. лишена драматического порыва и непосредственности исповеди; здесь главенствует спокойное (объективное) повествование, исполненное философских размышлений (баллада «Рыбак», 1837).

В 1840-е гг. Прешерну почти в одиночку приходится противостоять консервативному направлению в словенской литературе и культуре, во главе которого стоял Янез Блейвейс (1808–1881). Горячий приверженец Австрийской монархии и рьяный защитник ее интересов, Блейвейс в 1843 г. становится главным редактором новой газеты на словенском языке, выходящей под названием «Кметийске ин рокоделске новицы» (далее «Новицы»). Основной задачей нового издания, наряду с оказанием практической помощи крестьянам и ремесленникам, являлось ознакомление общества с культурными и литературными новостями в словенских и других славянских землях. В статье «Кто нам сейчас больше всего

12 Paternu B. France Prešeren in njegovo pesniško delo. Ljubljana, 1976. S. 87.

нужен?» (1844) Блейвейс выдвигает основные пункты своей литературной программы. В ее основу были положены сугубо утилитарные цели. Помимо воспитания граждан в духе имперского патриотизма, литература должна просвещать и развлекать. От литературной критики он требовал насколько возможно угождать вкусам всех читателей газеты. Это привело к тому, что на страницах издания возобладал тип хвалебной рецензии (лишь изредка содержащей несущественные критические замечания о языке произведения), а также сообщения о книжных новинках, носящие рекламный характер. Проведение в жизнь программы «Новиц» имело серьезные последствия для развития словенской литературы 1840-х — 1850-х гг.: главенствующее место вновь занимает поэзия религиозно-воспитательной, патриотической тематики, а из прозаических жанров — рассказ-анекдот с ярко выраженным дидактическим подтекстом. Стирается грань между истинной поэзией и литературным дилетантством.

Ведущим поэтом этого направления провозглашается Янез Весел (псевдоним Йован Косески, 1798–1884), автор первого на словенском языке сонета (1818), а также переводов произведений Шиллера. В 1844 г. он создает оду в честь императора Фердинанда («Словения императору Фердинанду»). Признание Весела Косеского, которого провозгласили «словенским Шиллером», было связано не только с хвалебными отзывами на его произведения, регулярно появлявшимися в газете Блейвейса. Для читающей публики того времени его декларативно-патриотическая поэзия была ближе и понятнее субъективной философской лирики Прешерна.

Несмотря на противодействие со стороны консервативных сил и цензуры, Прешерн в 1840-е гг. продолжает сотрудничать с редакцией «Новиц», печатает в газете свои новые произведения. Его любовная лирика этих лет, отличающаяся музыкальностью стиха и простотой содержания («Приказание» — 1843, «Просьба» — 1843, «Под окном» — 1843, «Сила памяти» — 1843 и др.), близка по тональности народной песне. Глубоким демократизмом, искренним сопереживанием проникнуты сочинения, посвященные жизни простых людей («Незаконная мать» — 1843, «Железная дорога» — 1845).

С теплотой и сочувствием, в которых слышатся и личные переживания поэта (автобиографический характер произведения очевиден¹³), он создает образ молодой словенки в стихотворении «Незаконная мать»:

13 Стихотворение обращено к Ане Еловшек, матери трех незаконно рожденных детей Прешерна (*прим.ред.*).

Ах, на что мне тебя было, дитяtko,
любимое, драгоценное,
мне, незамужней девице,
мне, невенчанной матери?

Батюшка бил, наказывал,
мать голосила старая,
каждый пальцем указывал —
сколько стыда узнала я!..

На что мне тебя было, дитяtko,
любимое, драгоценное?
Да нужно, не нужно ль было тебя, —
Всем сердцем тебя полюбила я.

(Перевод М. Павловой)

Вместе с тем творчество Прешерна той поры отмечено постоянным обращением к философским размышлениям. Воспоминания об учителе и друзьях (Воднике, Чопе, Смоле и др.), ставшие темой многих произведений, подводят его к раздумьям о жизни и смерти, о великой миссии поэта, которого Прешерн сравнивает с волшебной птицей феникс:

Когда же наступает
кончины пора,
та птица вступает
на угли костра.

И, облаком вспенясь,
из огненных рук
прославленный феникс
взвивается вдруг.

Как феникс, воскреснет
и сердце певца
и пламенной песней
наполнит сердца.

(«Памяти Валентина Водника»;
перевод В. Луговского)

Своеобразным завещанием поэта и гражданина становится «Здравица» (1844), стихотворение, имеющее свою неповторимую судьбу. В разные исторические периоды, особенно те, что горечью и болью отзывались в судьбах тысяч словенцев, это со-

чинение словно обрело новую жизнь, передавая дух неистребимого национального оптимизма. Особенно это проявилось в период Второй мировой войны и Народно-освободительной борьбы, когда «Здравица» становится одним из самых популярных произведений словенских партизан. В наши дни строки седьмой строфы произведения Прешерна стали словами Государственного гимна Республики Словения.

«Здравица» была написана как отклик на монархическую оду Я. Весела Косеского, но пронизана оптимистической верой поэта в грядущее освобождение словенского народа. В стихотворении звучат слова о «словенском роде» с богатой историей и светлым будущим. Но автор расширяет пространственные границы и сначала говорит об объединении славянских народов в духе идей славянской взаимности, а затем идет дальше и, словно разрушая все преграды, поднимается до гуманистической идеи братства и единения всех народов и племен. Так воплощается характерная для эпохи романтизма вера в то, что любовь может определять характер общественных отношений: любовь к своему народу расширяется у Прешерна до любви ко всему человечеству:

Здравицу кому в веселье
мы певали искони?
Подарил Господь нам земли,
Боже, всех славян храни —
не развей
сыновей,
верных матери своей!

Пусть над недругами рода
разразится горный гром!
Как при прашурах, свобода
пусть войдет в словенский дом,
пусть смелы,
как орлы,
мы разнимем кандалы!
.....
Пьем за вечную свободу
всех народов и племен.
Да не будет злу в угоду
мир враждою осквернен.
За межой —
не чужой,
друг-товарищ дорогой.

(Перевод Д. Самойлова)

В 1846 г. увидел свет подготовленный самим Прешерном сборник «Поэзии»¹⁴, куда вошли произведения разных лет. Он отразил сложную эволюцию поэта от интимной любовной лирики к глубоким философским и идейным обобщениям.

Творчество Прешерна сыграло огромную роль в развитии словенской литературы, подняв ее на общеевропейский уровень. Оно знаменовало формирование и развитие у словенцев типологической разновидности классического романтизма, вобравшего в себя наряду с романтическими чертами элементы поэтики ренессанса и классицизма, «духовное освобождение словенской поэтической культуры»¹⁵ (Б. Патерну).

В творчестве Прешерна получили развитие принципы романтической поэтики: идея о столкновении между человеческой субъективностью и объективной действительностью, между индивидуумом и миром, между идеальными представлениями и реальностью, и равновесие между двумя этими полюсами он искал в поэзии, поэтическом призвании, которое он не отделял от служения идее национального освобождения и социальной свободы. С этим тесно было связано понимание поэтом принципа романтической свободы творчества, он отстаивал идею демократизма и свободолюбия, которые рассматривал как неотъемлемые для своего народа и всего человечества («Венок сонетов», «Здравица»). Благодаря этому романтическую поэзию словенского лирика можно отнести к типу национального романтизма, который был характерен для некоторых литератур стран центрально- и западноевропейского региона.

Прешерн обогатил словенскую литературу и, в первую очередь, поэзию новыми жанрами, создав образцы элегии, баллады, романа, триолета, газели, глоссы, сонета, лиро-эпической поэмы. Его «Венок сонетов» по достоинству занял место среди лучших творений мировой поэзии. Отмеченное, как писал Ф.Л.Челаковский, «мастерством и живостью»¹⁶, творчество словенского романтика вобрало в себя художественные достижения западноевропейского (особенно немецкого) романтизма, античной и ренессансной лирики. Глубоко самобытная по своему духу, его поэзия опирается на национальную фольклорную и литературную традиции. Она оказала и продолжает оказывать огромное воздействие на развитие всей последующей словенской литературы.

14 Книга Прешерна «Poezije» вышла в 1846 г., с надписью на обложке «1847» (прим. ред).

15 Paternu B. Prešernova osvoboditev poezije in duha na Slovenskem // France Prešeren — kultura — Evropa. Ljubljana, 2002. S. 189.

16 Цит. по: Mušič J. Sodobniki o Francetu Prešernu. Ljubljana, 1989. S. 10.

Если словенская поэзия 1830–1840-х гг. осуществляет прорыв к новым течениям в европейской литературе, в частности к романтизму, то проза этих лет развивается в рамках просветительской идеологии: под влиянием программы эволюционного развития Копитара и теории «малых дел» Блейвейса. Скромный вклад в развитие словенской прозы этого времени внес Водник своими короткими рассказами «на случай», которые часто имеют характер рассказа-анекдота с сильно выраженным назидательным финалом. Необходимость развития прозаических жанров в словенской литературе остро ощущали Враз и Прешерн. Отсюда стремление Враза создавать эпические произведения с исторической, фольклорной и крестьянской тематикой и так и не реализованная мечта Прешерна создать новеллу или даже роман о современной жизни.

Именно острая потребность художественного чтения и отсутствие прозы на родном языке вызвали огромный интерес к творчеству К. Шмидта, произведения которого в 1830–1840-е гг. приобрели большую популярность в словенских землях: их переводили, пересказывали, издавали большими тиражами. В сознании читательской аудитории сложился определенный стереотип — «криштофшмидтовской» прозы, т. е. тип массовой литературы того времени — с развлекательным сюжетом и не обладающей высокими художественными качествами. Под влиянием религиозно-дидактических повестей Шмидта возникла повесть «Счастье в несчастье, или Чудесная история двух близнецов» (1836) Я. Циглера (1792–1869), ставшего зачинателем словенской прозы. Она вышла одновременно с «Крещением у Савицы» Прешерна, но качественные различия двух произведений были очевидны. Повесть «Счастье в несчастье» посвящена истории семьи ljubljanskego ремесленника Франца Светины, близких которого (жену и двух сыновей-близнецов) судьба разбрасывает в разные уголки света. Несмотря на тяжелые жизненные испытания, которые приходится претерпевать в одиночку героям Циглера (вероломство друзей, жестокость врагов, плен, рабство), в финале они оказываются вознагражденными за лишения. Умудренные опытом и добившиеся успехов в жизни герои встречаются вновь. Автор воссоздает конкретный бытовой и исторический фон; в произведении есть яркие описания похода Наполеона в Россию, картины драматического сражения при Березине, участником которой становится один из героев повести. Это, а также мысль о справедливом вознаграждении за верность религиозным и нравственным

заповедям сделало книгу, как писал впоследствии Ф. Левстик, «поистине народной»¹⁷.

Произведение Циглера оказало влияние на формирование нового для словенской литературы типа произведений, получивших в дальнейшем широкое распространение, — прозы для домашнего «вечернего» чтения. Приключенческая религиозно-воспитательная повесть в духе сочинений авантюрного жанра, построенная на перипетиях судьбы одного или нескольких героев, стремящихся добиться материального благополучия и общественного положения, отражала представления словенца того времени.

В 1840-е гг. с началом выхода газеты Блейвейса появляется реальная возможность для развития малых жанров. На ее страницах печатаются новеллы (Я. Весел Косески «Кто другому яму копает, сам в нее попадет»), поучительные истории-притчи (Й. Поклукар «Разговор здорового и больного камня» и др.), фельетоны, темами которых становятся критика общественных устоев (Д. Трстеняк) и общеславянские идеи (Р. Разлаг). Однако бедность языка этих произведений и неприкрытый дидактизм снижали их художественные достоинства.

Особую группу составляют назидательно-поучительные произведения, созданные для детей и юношества. Священник Антон Мартин Сломшек (1800–1862), яркий проповедник и активный защитник родного языка (неверность которому он провозглашал смертным грехом), проводит в жизнь идею создания словенских воскресных школ. Именно для ее реализации в 1842 г. он пишет свою знаменитую книгу для детей «Блаже и Нежика в воскресной школе», переиздававшуюся много раз (общий тираж ее составил 6000 экземпляров) и получившую широкое признание. Книга раскрывает разные стороны общественной и духовной жизни штирийского крестьянства предреволюционного времени. Написанное живым разговорным языком, произведение Сломшека стало не только важным дополнением к школьным учебникам, но и «энциклопедией для словенского крестьянина», ответом на многие вопросы о жизни и труде.

Историческая проза этого периода представлена книгой восточноштирийского священника А. Кремпла «Занимательные события в Штирии» (1845), в которой автор, взяв за образец сочинение А. Качича-Миошича «Приятная беседа народа сло-

17 Levstik F. Popotovanje iz Litije do Čateža // Цит. по: Pogačnik J. Slovenska književnost I. Ljubljana, 1998. S. 245.

винского» (1756), намечает основные этапы исторического развития словенцев Штирии, их противостояния иноземному завоеванию, и повестью Ф. Малавашича «Эразм из Ямы» (1846).

История благородного витезя, жившего во второй половине XV в. Эразма Люгера, получившего прозвище Предъямский, упоминается в хрониках Вальвазора и Шёнлебена. Находясь на службе при дворе Фридриха III, Люгер смертельно ранил на дуэли немецкого аристократа графа Папенхайма и был осужден на смерть. Он скрылся в своем неприступном замке, вырубленном в скале над пещерой Предъяма, откуда оказывал сопротивление брошенным на его поимку войскам во главе с триестским воеводой Равбаром, но был предан одним из своих слуг и убит. Образ романтического героя-разбойника, находившегося в оппозиции к правящей династии Габсбургов и уничтоженного ею путем предательства, как никакой другой отвечал патриотическим настроениям накануне буржуазно-демократической революции 1848–1849 гг. в Австрии (Мартовской революции), когда расширение современной проблематики было затруднено из-за цензуры.

Словенская драматургия первой половины XIX в. переживает трудные времена. Основу репертуара, наряду с по-прежнему популярными пьесами А. Линхарта, составляют переводы и переработки произведений немецких (А. Коцебу и др.) и второстепенных английских драматургов. Вместе с тем широкое распространение идей славянской взаимности и популяризация на страницах «Новиц» новых веяний и тенденций в театральной жизни других славянских земель привели к пополнению словенского драматического репертуара переводами произведений чешских авторов (Я. Штепанека, В. К. Клицперы и др.). Словенских пьес в эти годы создается мало и их художественный уровень крайне невысок. В некоторых из них (Д. Трстеняк «Невеста с острова Кипр», «Марула») поднимается тема героического прошлого славян; другие посвящены проблемам современной общественной жизни (Б. Томшич, Г. Машек, Ф. Малавашич). В 1840-е гг. возрастает интерес к театральным представлениям, которые (особенно в канун революции 1848 г.) не только носят культурно-просветительский характер, но и становятся ярким показателем активности масс под лозунгами национального возрождения. Не случайно деятели «Словенского общества», организованного в Крайне в 1848 г., выступили с проектом создания словенского национального театра в Любляне и Театрального общества на акционерной основе (для помощи в формировании отечественного репертуара и организации гастролей). Однако сильное противодействие властей на десятилетия отодвинуло реализацию этого проекта.

Таким образом, развитие словенской литературы во второй половине XVIII в. — первой половине XIX в., характеризующееся значительным запаздыванием (особенно на начальном этапе) по сравнению с аналогичными процессами в развитых европейских странах, постепенно обретает характер ускоренного движения.

Формирование литературы в этот период происходит в условиях постепенного проникновения в словенские земли просветительских идей, носителями и пропагандистами которых становятся (при практическом отсутствии этнически своего господствующего класса) выходцы из непривилегированных слоев общества, представители патриотически настроенного духовенства, в большинстве своем еще тесно связанные с народом. Не случайно их устремления носят ярко выраженный национально-патриотический характер. Формирующиеся в этой среде идеи национального возрождения оказали огромное воздействие на все общественное движение той поры, придав ему национально-просветительский характер. Они же во многом определили направленность литературного процесса.

Главным полем деятельности первых словенских просветителей была языковая сфера. В условиях иноземного господства и иноязычного давления самой актуальной задачей начального этапа просветительского движения стала защита родного языка и создание основ для его изучения (М. Похлин), а также создание литературных произведений светского характера. Люблянский альманах «Писаницы» стал не только первым сборником светской поэзии на словенском языке, но и свидетельством объединения усилий людей, видящих в зарождающейся литературе важное средство воспитания и просвещения народа в патриотическом духе. На первых порах развивались прежде всего поэтические жанры: ода, гимн, элегия, басня, а также малые прозаические жанры: повесть, рассказ-притча, новелла, фельетон, в которых доминировали поучение и дидактика. Особенности усвоения художественных достижений ведущих литератур Европы, связанные с одновременностью рецепции генетически и исторически разновременных направлений, определяют стилевые особенности просветительской литературы Словении начального этапа. Для нее характерен «стилевой синкретизм» — взаимопереплетение классицистических, сентименталистских, отчасти восходящих к рококо и предромантизму элементов с традициями барочной культуры Средневековья, — порой проявляющийся в пределах одного жанра, в творчестве одного писателя (Дев).

Под воздействием национально-просветительской идеологии формировались и культурные программы следующих

поколений словенских просветителей (С.Цойс, Б.Кумердей, Е.Копитар и др.). Помимо внимания к проблемам языка (создание грамматик, словарей, выработка единых норм правописания), они остро реагируют на запросы школьного образования (написание учебников и пособий для начальной школы), видя в культурно-образовательной деятельности путь формирования широкой читательской аудитории. Все это не могло не отразиться на литературном процессе, в котором намечается ориентация на развитие двух типов (или двух моделей) национальной литературы: для образованных словенцев и крестьянства. Яркой иллюстрацией этого процесса служит творчество первого словенского поэта Водника. Его стихотворения в классицистическом духе соседствуют с произведениями, где активно используются народно-песенные интонации, а также художественные приемы фольклора. Своеобразным мостом между творчеством Водника и Прешерна стала предромантическая поэзия Ш.Модриняка, Я.Н.Примица и У.Ярника. Их заслугой, несмотря на достаточно скромные успехи, стало укрепление поэтической традиции.

Следующий этап развития словенской литературы, относящийся к 1830–1840 гг., в идейном и художественном плане тесно связан с предшествующим, просветительским периодом. Влияние просветительской литературы XVIII в., особенно сентиментализма и предромантизма, отчетливо проявляется в произведениях религиозно-дидактической и патриотической направленности. Однако с художественно-эстетической точки зрения ведущим становится романтическое течение, представленное творчеством Прешерна, ранней лирикой Врза и литературной критикой Чопа. Прешерну принадлежит лидирующая роль в процессе конституирования словенского литературного языка. Благодаря творческому восприятию художественных традиций предшествующих поколений, овладению современным опытом развитых европейских литератур, Прешерн поднял отечественную словесность на небывало высокий уровень, направил ее в русло единого общеевропейского литературного процесса. И хотя в общественном и художественном мнении современников поэта пальма первенства принадлежала литературе просветительно-классицистического типа, а первой поэтической величиной объявлялся Я.Косески, выход в свет поэтического сборника Прешерна «Поэзии» определил рубеж нового периода в истории словенской литературы. Именно его ведущие представители Я.Трдина, Й.Юрчич, Й.Стритар по достоинству оценили творчество своего великого предшественника.

ЛИТЕРАТУРА МЕЖДУ РОМАНТИЗМОМ И РЕАЛИЗМОМ (50-Е — 80-Е ГГ. XIX В.)

У истоков словенской литературы второй половины XIX в. стоит революция 1848 г., в ходе которой словенское национальное движение выдвинуло программу Объединенной Словении, сыгравшую важную роль в развитии словенской общественно-политической мысли. В годы баховского абсолютистского режима¹ общественно-политическая и культурная жизнь страны оказалась под жестким контролем реакционной бюрократии и полиции, проводивших политику германизации словенского населения. В 1850-е гг. допускалась деятельность лишь тех организаций, которые провозглашали свою лояльность и преданность австрийским властям. Так, в 1852 г. в г. Целовец было создано «Общество св. Мохора», ставившее своей задачей издание словенских книг, имевших ярко выраженный католический и прогабсбургский характер. Впоследствии «Общество св. Мохора» стало крупнейшим в Словении литературным издательством.

После восстановления конституции (1860) политическая и культурная жизнь Словении заметно оживилась. С 1861 г. ее очагами стали читальни, создававшиеся национальной интеллигенцией в городах и крупных селах. К 1869 г. их количество достигло пятидесяти семи. В 1864 г. на базе центральной, люблянской читальни было организовано общество по публикации и распространению книг «Словенская матица». Годом ранее было создано спортивное общество «Южный сокол», в 1867 г. — «Драматическое общество». Сеть литературных, просветительских и гимнастических обществ в течение нескольких лет охватила все словенские земли, к 1870 г. их насчитывалось уже пятьдесят восемь. Однако

1 Десятилетие 1851–1860 абсолютистского режима в Габсбургской империи получило название в соответствии с именем министра внутренних дел А.Баха (*прим. ред.*).

руководящие позиции в этих национальных культурных организациях захватили в основном деятели национального движения, придерживавшиеся консервативных взглядов, которых называли «старословенцами». Основы их общественно-политической программы были заложены еще в начале 40-х гг. XIX в., когда во главе движения национального возрождения оказался редактор «Новиц» Я. Блейвейс. В отношении к правящему режиму он был сторонником компромиссов, следовал лозунгу «Все для веры, отечества, императора», видел основной задачей литературы привлечение и воспитание народных масс в верноподданническом духе. Взгляды Блейвейса имели поддержку среди национальной интеллигенции.

Глашатаем консервативного направления стал поэт Я. Весел Косески, более двух десятилетий занимавший место первого национального поэта в глазах широкой публики, предпочитавшей его «объективную» и «глубокую» поэзию якобы «субъективной» и «поверхностной» поэзии Ф. Прешерна.

В годы абсолютизма позиции «старословенцев» и их «барда» Я. Весела Косеского оставались неизменными. Лишь во второй половине 1850-х гг. в противовес консервативной идеологии возникает либеральное течение. Эти новые силы так называемых «младословенцев» возглавил Фран Левстик (1831–1887), основоположник литературной критики в Словении, реформатор словенской литературы и языка. Выдающийся борец за демократизацию общественной жизни и искусства, за народность и подлинную художественность литературы, неподкупный народный трибун, которого враги называли «словенским Спартаком», он прошел нелегкий жизненный путь, полный лишений и преследований. Сын бедного крестьянина, наделенный незаурядными способностями и тягой к знаниям, Левстик был вынужден поступить в духовную семинарию, однако закончить ее не смог, так как духовенство сочло его первый сборник «Стихотворения» (1854) «соблазном и богохульством». Высмеяв своих политических и литературных противников (в первую очередь старословенцев и Косеского) в талантливых сатирах «Езда на Парнас» (1854) и «Святому Илье» (1855), Левстик начинает активную борьбу за дальнейшее развитие словенского литературного языка и создание эстетической платформы реализма. Первую значительную победу на этом пути он одержал в 1858 г., когда им были опубликованы три сочинения, сыгравшие важную роль в обновлении словенской литературы: статья «Ошибки словенского правописания», своеобразный сплав путевых записок и критического эссе «Путешествие из Литии в Чатеж» и повесть «Мартин Крпан из деревни Врх». В «Ошибках словенского правописания» автор упрекает современных ему сло-

венских писателей и прежде всего сотрудников газеты «Новицы» за то, что большинство из них «пишет по-словенски, а думает по-немецки». Указывая на необходимость создания словаря словенского языка, Левстик подчеркивает, что основным оружием словенского писателя в борьбе за чистоту и народность языка должно стать обращение к крестьянской речи. Вслед за В. Караджичем он оценивает народно-песенное творчество как вершину поэзии. В заключение он выдвигает решительное требование создать словенскую литературную критику, без которой немыслимо дальнейшее развитие литературы. В литературно-критических заметках «Путешествие из Литии в Чатеж» Левстик излагает свою литературную программу (первую в истории национальной словесности) и закладывает основы реалистической эстетики в словенской литературе, стремясь направить творчество своих современников в русло реализма. Эстетические основы критики Левстика во многом опираются на учение Лессинга, однако словенский писатель «не принимает метафизически отвлеченную идею Лессинга о разумности земного миропорядка»².

Сильными сторонами эстетической концепции Левстика являются гражданственность, вера в высокое гуманистическое назначение литературы, в разум, мысль о необходимости подчинения поэтической фантазии знанию реальной действительности, требование психологической достоверности и цельности характеров, понимание важности действия, фабулы как формы проявления и самораскрытия характеров. Вместе с тем реалистическая направленность взглядов Левстика сочетается с фольклорно-романтическими симпатиями. По сравнению с немецкими и русскими эстетиками Левстик придает меньшее значение реалистической индивидуализации образа. Национальная специфика несколько заслоняет у него сложность индивидуальной природы человека и противоречия социальной жизни. О близости к романтизму свидетельствуют и постоянно подчеркиваемое внимание к фольклору, и романтический характер сюжетов, предлагаемых им в «Путешествии...» словенским писателям. Свою литературную программу Левстик реализует в повести «Мартин Крпан из деревни Врх», положившей начало словенской классической прозе. На основе народного творчества в символично-сатирической форме он показал в повести участь словенского народа, который столетиями защищал австрийские земли от турецкой опасности, а в награду получал лишь презрение и насмешки надменной и

2 Paternu B. Estetske osnove Levstikove literarne kritike. Ljubljana, 1962. S. 573.

трусливой венской аристократии. Актуальной идее произведения соответствует и его чеканная форма с остроумно очерченными характерами и богатой народной метафорикой.

Сказочная история Мартина Крпана, рассказанная Левстиком, — это история простого человека, крестьянина-контрабандиста, отличающегося такой незаурядной физической силой и храбростью, что к нему за помощью обращается сам австрийский император: Мартина Крпана призывают в Вену, на поединок с грозным великаном Брдавсом. Крпан соглашается выручить императора, его дочь, а заодно и всех австрийцев и в битве с великаном отрубает тому голову. Когда же дело доходит до вознаграждения, то герою вместо обещанных императорской дочкой и половины царства предлагают звание придворного шута. Отказавшись от него, Крпан получает в награду право по-прежнему заниматься контрабандой, но уже на законном основании. Образ Крпана во многом связан с фольклором, однако в целом для произведения характерно «переходное» состояние — от романтической обработки фольклора к включению фольклорного мотива в ткань реалистического повествования, от героической этики к ее комическому варианту, от фольклорной легенды к актуальной сатире (поведение императорского двора по отношению к Крпану весьма недвусмысленно напоминает политику австрийских правящих кругов по отношению к славянским народам после поражения революции 1848 г.).

1858 год стал переломным в развитии словенской литературы не только благодаря публикации произведений Левстика. В этом же году в Целовце литератор и лингвист А. Янежич начал издавать журнал «Словенски гласник» (1858–1868). Создание этого журнала и деятельность Левстика нанесли ощутимый удар по монопольному владычеству «Новиц» Блейвейса, они знаменовали начало ожесточенной борьбы между старословенцами и младословенцами, ставшей основным содержанием словенской литературной жизни 1860-х гг.

Против половинчатой и верноподданнической политики консерваторов выступает либеральная газета «Напрей», редактируемая Левстиком. Созданная в 1863 г., эта газета через несколько месяцев была запрещена цензурой в связи с публикацией статьи Левстика, требовавшей равноправия для всех народов Австрийской империи. Однако, несмотря на репрессии властей, либералам удается несколько укрепить свои позиции в национальном культурном движении. В 1868 г. они приступают к изданию газеты «Словенски народ» решительно выступившей на защиту национальных прав словенцев. Однако уже в конце 1860-х гг. в молодом словенском либерализме, едва вышедшем

на политическую арену, начинают проявляться оппортунистические тенденции. В связи с этим Левстик порывает с либералами и уезжает из Любляны в Вену, где становится одним из редакторов журнала «Звон» (1870, 1876–1880). Этот первый словенский литературный журнал стал издавать поэт, прозаик, драматург и литературный критик Йосип Стритар (1836–1923)³.

Сотрудничество Левстика со Стритаром началось еще в 1866 г., когда прозаик Йосип Юрчич приступил к изданию серии произведений словенских классиков. Для подготовки первой книги этой серии — сборника стихотворений Прешерна — Юрчич пригласил Левстика и Стритара. Первый стал редактором сборника, второй — автором вступительной статьи, в которой был дан тонкий и убедительный анализ художественной манеры Прешерна, показано значение его поэзии для развития словенской литературы. Два года спустя после публикации поэтического сборника Прешерна три наиболее выдающихся младословенских литератора вновь продемонстрировали свое единство, издав альманах «Младика» (1868). Следующим их совместным начинанием стало издание «Звона», название которого было избрано Стритаром под влиянием журнала А. И. Герцена «Колокол». Редакторы «Звона» стремятся превратить его в трибуну активного политического протеста, резко выступают против догматических и утилитарных требований старословенцев в области литературы и искусства. Критические статьи Стритара, рассматривавшие проблемы художественной формы, стали значительным вкладом в развитие словенской эстетической мысли. Кроме того, Левстик начинает издавать сатирический журнал «Павлиха» (1870), где выступает с острой критикой как старословенских, так и младословенских политиков.

Возмущенные критическими выступлениями Левстика и Стритара «старословенцы», а вслед за ними и «младословенцы», клеветнически утверждают, будто Левстик подкуплен австрийскими властями, заинтересованными в том, чтобы вызвать раскол в лагере словенской интеллигенции. С отходом Левстика от политической борьбы соглашательские тенденции в лагере словенского либерализма усилились. Словенская либеральная буржуазия к середине 1870-х гг. вновь сблизилась с правыми, и эта политика «согласия» продолжалась более десяти лет.

Новое обострение политической борьбы наступило в конце 1880-х гг., когда в ответ на подъем рабочего движения католиче-

3 См.: Старикова Н. Н. Словенская литературно-критическая мысль в Вене: Й. Стритар и его журнал «Звон» // Славянский альманах 2004. М.: Индрик, 2005. С. 446–453.

ские круги во главе с профессором богословия Антоном Махничем, основателем клерикального журнала «Римски католик» (1889–1896), подвергая яростным нападкам любое проявление свободомыслия, разрушили союз консерваторов и либералов.

Сложившаяся в 1880-х гг. общественно-политическая ситуация нашла яркое отражение и в литературной ситуации того времени. В 1881 г. в Любляне стал издаваться журнал «Люблянский звон» (1881–1941), вокруг которого объединились все значительные словенские литераторы. «Люблянский звон» сыграл большую роль в консолидации литературных сил на либеральной платформе и в развитии словенского реализма, в знакомстве с литературной жизнью европейских стран, в том числе России. Правда, платформа журнала как в идейном, так и в эстетическом плане, была довольно неопределенной. На страницах издания появлялось мало статей проблемно-теоретического характера, отдел критики тоже не отличался богатством и высоким уровнем публикаций. Тем не менее значение этого журнала нельзя недооценить.

В противовес «Люблянскому звону» представители клерикальных кругов создают журнал «Дом ин свет» (1888–1944), отличавшийся ярко выраженной морально-дидактической и религиозной направленностью. Таким образом, 1880-е — первая половина 1890-х гг. характеризуются довольно четкой поляризацией общественно-политических и литературных сил и одновременно определенной степенью зрелости реализма, который, по мнению большинства критиков, переживает в этот период свой расцвет. Такова общая канва борьбы общественно-литературных сил в Словении на протяжении почти полувека.

Если характеризовать отдельные фазы процесса, то первый период в развитии словенской литературы второй половины XIX в. охватывает 1849–1858 гг. — от поражения революции и связанных с нею надежд, а также смерти Прешерна до появления трех упомянутых сочинений Левстика («Ошибки словенского правописания», «Путешествие из Литии в Чатеж», «Мартин Крпан»). В поэзии в эти годы, как уже говорилось выше, признанным бардом является Я.Весел Косески, чье творчество, по утверждению Я.Коса, «свидетельствует о сильном влиянии Шиллера: оды и патриотические стихотворения указывают на связь с Водником, использование гекзаметра — наследие классицизма XVIII столетия. Несмотря на то что литературные интересы Косеского, как показывают его переводы, прежде всего были обращены к предромантизму и романтизму, большая часть его оригинальных стихотворений осталась эпигонской копией образцов просветитель-

ской поэзии»⁴. Эта характеристика может быть отнесена и к произведениям последователей и эпигонов Косеского, не оставивших после себя сколько-нибудь значительного следа. Движение словенской поэзии в это время нельзя назвать поступательным. Налицо возврат к старым художественным тенденциям, который производит впечатление неожиданного парадокса. Но еще более неожиданным парадоксом стало то, что именно в словенской поэзии (а не в прозе, как это было в большинстве славянских литератур) был сделан первый решительный шаг в сторону реализма. Этот «прорыв» к реализму связан с творчеством видного поэта-лирика и одного из зачинателей словенской прозы Симона Енко (1835–1869). Он принадлежал к группе так называемых «ваевцев» — литераторов, впервые обнародовавших свои произведения на страницах рукописного люблянского гимназического журнала «Вае» (1854–1855). Для «ваевцев» был характерен, в частности, устойчивый интерес к России, к реалистической русской литературе, особенно к творчеству Гоголя, влияние которого сказалось в их прозе. По свидетельству Ф.Левца, Енко «открыто признавал, что наибольшее влияние на его творческое развитие оказали Байрон, Гейне и Лермонтов. Крупнейшим славянским поэтом он считал Лермонтова, а непосредственно учился больше всего у Гейне»⁵. Близость к лермонтовскому мироощущению проявилась в таких его стихотворениях, как «Картинка» («Паруса трепещут») и «Несчастный покой», где, так же, как у Лермонтова, романтический герой байронического склада не находит счастья в существующих общественных исторических условиях. Однако в этих стихотворениях сквозь скептицизм и пессимизм прорывается стихийное, присущее натуре поэта жизнелюбие. В других стихотворениях Енко пристальное внимание к реальной жизни, стремление воплотить ее зримые приметы приводят к отходу от традиционных романтических канонов, к существенной трансформации излюбленных романтиками жанров. Особенно ярко это проявилось в поэме «Огнепламтич», увидевшей свет в 1855 г. в журнале «Вае». Поэма названа по фамилии героя, корневые элементы которой «огонь» и «пламя». Таким образом, уже само заглавие носит пародийный, иронический характер. Комическая окраска поэмы-пародии свидетельствует о явной противопоставленности ее «высокой» романтической поэме Прешерна «Крещение у Савицы» и произведениям его эпигонов, а также процветавшей под покровительством клерикализма морализа-

4 Kos J. Primerjalna zgodovina slovenske literature. Ljubljana, 1987. S. 77.
5 Levec F. Odlični slovenski pesniki in pisatelji. Simon Jenko // Levec F. Esei, študije in topopisi. Ljubljana, 1965. S. 255.

торской поэзии. Одни исследователи поэмы Енко путем подробного сравнительного анализа обосновывают ее генетические связи с травестирированной «Энеидой» А. Блумауэра («Приключения благочестивого героя Энея...») и стихотворным романом Байрона «Дон Жуан»⁶. Другие считают, что в плане движения к реализму она ближе пушкинским поэмам «Домик в Коломне» и «Граф Нулин», а также лермонтовской «Тамбовской казначейше», которые способствовали «дегероизации» высокой романтической поэзии. В этом смысле и «Дон Жуан» Байрона, и пушкинские «Домик в Коломне», «Граф Нулин» и «Евгений Онегин», и «Огнепламтич» Енко представляют собой отдельные звенья общего литературного процесса, одним из конкретных проявлений которого на пути от романтизма к реализму было сознательное полемическое снижение «высокого стиля», а порой и откровенное пародирование романтического пафоса⁷.

По своему конкретному содержанию и жизненному материалу «Огнепламтич» более сходен с лермонтовской «иронической поэмой» «Тамбовская казначейша», чем с произведениями Блумауэра и Байрона. Словенский поэт обращается к обыденной жизни хорошо знакомых ему общественных слоев, к изображению представителей той среды, к которой он сам принадлежал. Центральные персонажи поэмы — завсегдатай люблянских трактиров и неотразимый сердцеед Яка Огнепламтич и красавица Ленка, продавщица в бакалейной лавочке на окраине города. История их отношений намеренно противопоставлена не только трагическому романтическому чувству Чертомира и Богомилы из поэмы Прешерна «Крещение у Савицы», но и истории любви героев поэмы «Зорин и Стрлина» Матии Вальяеца (1831–1897), опубликованной незадолго до «Огнепламтича». Студент Зорин и крестьянская девушка Стрлина выступают в поэме как живое воплощение неземного платонического чувства. Любовь Стрлины должна пробуждать в скептически настроенном Зорине те моральные добродетели, которые присущи подлинно верующему католику. Когда Зорин впадает в тяжелейший моральный грех — начинает испытывать сомнения во всемогуществе Господа, — Стрлина своим ангельским поведением во время церковного богослужения настолько потрясает его, что «чистопламенное сердце» юноши снова обретает неугасимую веру и любовь к Богу. Однако герой

6 *Paternu B.* Struktura in finkcija Jenkove parodije v razkroju slovenske romantične epike // Slavistična revija. XVI. 1968, I. S. 27–63.

7 *Рыжова М. И.* Творчество М. Ю. Лермонтова в восприятии словенских поэтов XIX — начала XX века // Русская литература. 1979. №3. С. 153.

должен понести наказание за пережитые им моменты безверия, поэтому он, подобно герою поэмы Прешерна, Чертомиру, покидает свою возлюбленную, с которой они больше никогда не увидятся. Поэма Вальяеца, написанная с целью изображения современных последователей героев Прешерна, объективно превращается в пародию на творение великого словенского романтика.

В противовес возвышенной романтической любви героев Прешерна и Вальяеца, Енко изображает вполне земное приключение своих персонажей. Их любовная интрижка начинается в трактире с того, что под столом, вокруг которого собрались занимающиеся спиритизмом гости (Енко относится к такому занятию с откровенной издевкой), герой прижимается к ножке красавицы Ленки и, не встретив сопротивления, начинает решительное наступление на ее «добродетель». Вторая встреча героев происходит уже наедине, на складе, между мылом, свечами и прочими товарами, которые продаются в лавочке. Драматическое препятствие (в виде свечей, измазавших сюртук молодого человека) мешает герою отправиться домой, и влюбленные пробираются в комнату продавщицы, находящуюся в том же дворике, что и склад. Здесь и кончается «история любви» героев, кончается настолько откровенным описанием их физической близости, что подобного описания не найти даже в произведениях словенских натуралистов. Молодой автор, лишая любовь ее романтического ореола, дегероизирует своих персонажей, противопоставляя их романтическим героям типа Чертомира. Огнепламтича (с точки зрения романтизма) можно назвать не столько героем, сколько анти-героем, пародией на его славных предшественников. Недаром в финале поэмы перед самой откровенной альковной сценой Енко раскрывает замысел своего произведения:

Здесь ты кончаешься, небесная фантазия,
Уступив славную победу действительности.

Енко пародирует словенские романтические поэмы (как классические, так и эпигонские) во имя победы действительности над поэтической фантазией и романтическими принципами творчества. Торжество реалистического над романтическим проявляется на всех уровнях художественной структуры произведения. В «Огнепламтиче» объектом пародии становятся не только сюжет и герои романтической поэмы, но и романтический стиль, прежде всего некоторые типичные приметы прешерновской образности, а также характерные черты творческой манеры Весела Косеского и уже упоминавшегося Вальяеца,

расхожие лексические штампы. Однако позднейшая лирика Енко в значительной степени развивалась в русле романтизма. Поэма «Огнеплатич», намного опередившая свое время, оказалась отдельно стоящим, изолированным явлением, обделенным вниманием и читателей, и критиков того времени, интерес которых был обращен преимущественно к прозе.

Проблематика поэзии Енко весьма разнообразна. С удивительной искренностью и непосредственностью звучит в его стихах тема любви к несчастной, поработанной родине. Лучшее из патриотических стихотворений поэта «Вперед, знамена славы!» (1860) стало словенской «Марсельезой». Больших успехов достиг он и в области политической сатиры. Интимная лирика Енко (циклы «Воскресшие воспоминания», 1859; «Картины», 1860) отражает внутренний мир духовно богатой свободолюбивой личности, мучительно переживающей страдания своей родины, свою собственную неустроенность и одиночество («Тройная беда», 1863).

Тому беда, кто в жизни этой
Сам над собой не господин,
Кто обречен блуждать по свету —
Для всех чужой, всегда один.

Тому беда, кто в жизни трудной
Ждет каждый день и каждый час
С чужих столов подачи скудной,
Куском дарованным давясь.

Тому, кто сам на все стремленья
Запрета наложил печать,
Чтобы невеждам в услуженье
Свой дар, и ум, и свет отдать.

(«Тройная беда», перевод Н. Стефановича)

Легкая мечтательная грусть ранних стихотворений начинает окрашиваться во все более печальные тона, а затем и прямо переходит в глубокую неудовлетворенность окружающим миром, во все более пессимистическое созерцание действительности. Опираясь на традиции лирической народной песни, художественный опыт Гейне и Лермонтова, Енко создает лаконичную, простую и вместе с тем гибкую, напевную, богатую оттенками, полутонами и переливами стихотворную форму, из-за которой его часто называют предтечей импрессионистической лирики:

Девушка весь вечер
У окна мечтала,
Чтоб луна над миром
Тихо засияла.

— Милый твой с другою
В чистом поле ходит,
За руку подругу
По тропинке водит.

Так луна сказала
И исчезла в тучах.
Чтобы слез не видеть
Девичьих горячих.

(Из цикла «Картины», перевод А. Ахматовой)

Первый — и единственный — сборник стихотворений Енко «Стихи», вышедший в 1864 г., вызвал яростные нападки со стороны консервативно-клерикальных кругов. Видимо, это и подорвало и без того слабые силы поэта и стало одной из причин его преждевременной смерти.

Особенно популярным в начале 1850-х гг. был фольклорно-романтический тип прозы, отмеченной одновременно интересом к исторической тематике. Наиболее типично в этом отношении творчество Янеза Трдины (1830–1905). Не случайно его произведение «Аров и Зман» (1850) носит подзаголовок «народный рассказ», а «История о Гласан-Боге» обозначена как «попытка народной эпопеи словенцев». В центре этих ранних произведений Трдины — образы романтических героев, а в развитии повествования использовано много фольклорных мотивов. Несмотря на разнородность идейных и художественных элементов, повести Трдины отмечены определенным интересом автора к реалистическим приемам и деталям. Это особенно очевидно при сопоставлении «Арова и Змана» с исторической повестью Луки Светеца (1826–1922) «Владимир и Косара» (1851), в которой использована легенда из хроники хорватского писателя Андрии Качича-Миошича (1704–1760) «Приятная беседа народа славянского» (1756), ярко выражены панславистские идеи и пристрастия ее автора к романтическим штампам. «Народные сказки из Бистрицкой долины», опубликованные Трдиной в 1849–1850 гг., являются наиболее ярким образцом фольклорной разновидности романтической прозы. Выходец из крестьянской семьи, Трдина был с детства влюблен в поэтический мир народных сказок, повестей и легенд и оставался ве-

рен этой любви на протяжении всей своей творческой жизни. Однако сказки Трдины не просто воссоздание фольклорных источников. Писатель вносил в них свои сюжеты, заимствованные из жизни или истории, свой жизненный опыт, наблюдения и мысли, свой общественный, нравственный или социально-критический настрой. Сам он писал: «Я старался обогатить старинные народные идеалы идеями нашего, более прогрессивного времени: патриотизмом, свободолюбием, духом словенцев и славянства, стремлением к просвещению и всем другим благам, которые способствуют движению человечества вперед»⁸. Свободолюбивый демократ, Трдина воспеваает в «Народных сказках из Бистрицкой долины» жизнестойкость, ум, находчивость словенского народа, которые помогли ему выстоять в бесчисленных исторических испытаниях.

Главной особенностью прозы Трдины является соединение наивной народной фантазии с критическим рационалистическим началом, переплетение фантастического, придуманного мира с подлинной современной действительностью. Романтические устремления молодого писателя нашли свою реализацию в фольклорной фантастике, реалистические — в тех жизненных реалиях и в тех актуальных идейных моментах, которые он включал в художественный мир своих сказок. Это позволяет считать Трдину непосредственным предшественником автора «Мартина Крпана» Левстика.

Наиболее яркой и типичной представительницей жанра романтической исторической повести стала первая словенская женщина-литератор Йосипина Турнограйска (1833–1854). Так же, как и Светец, Турнограйска проявляла глубокое внимание не только к словенской истории, но и к истории всех славянских народов. Творческим импульсом для развития общеславянских интересов писательницы послужила знаменитая поэма Я. Коллара «Дочь Славы», по мотивам которой Турнограйска написала свою новеллу «Марула». О влиянии, которое оказало на писательницу творчество Коллара, свидетельствует отрывок из ее письма, датированного 1851 г.: «День Славы заблестал так весело и радостно. Все ее сыны спешат принести ей свой дар, каждый хочет доказать, что является ее достойным сыном. Почему бы и ее дочерям не питать тех же устремлений?»⁹. Таким образом, пафос характерного для того времени славянского единения является творческим источником того «славянствующего»

направления в рамках романтической исторической повести, к которому принадлежали Светец и Турнограйска.

Центральным произведением Турнограйска является повесть «Невинность и сила» (1851). События повести относятся к концу первой — началу второй четверти XV в. (около 1424–1428 гг.), когда гордый и властолюбивый цельский граф Герман II задумал создать могущественное Цельское королевство — от Целя до Царьграда, от Будима до Вены. Одним из препятствий на пути к осуществлению этой мечты стал брак его сына Фридерика с дочерью обедневшего дворянина (по некоторым версиям, и вообще простолюдинкой) Вероникой, ради которой он расстался со своей первой женой Елизаветой, представительницей знатного и могущественного рода Франкопанов. У Германа II созрел план — для спасения Фридерика и своей мечты о Цельском королевстве обвинить Веронику в том, что она при помощи колдовских чар заставила Фридерика полюбить себя и убить Елизавету, чтобы жениться на ней, Веронике. Суд оправдал Веронику благодаря энергичной защите, но Герман II все равно расправился с мешавшей ему невесткой, подослав к ней наемных убийц. Неподдельная искренность повествования, глубокий лиризм в сочетании с пристальным вниманием к некоторым подлинным историческим фактам способствовали не только популярности этой повести, но и популярности самой темы графов Цельских у последующих поколений словенских писателей.

Самый крупный прозаик 1860–70-х гг. Йосип Юрчич (1844–1881) так же, как и Турнограйска, черпал материал для своих первых повестей («Юрий Козьяк, словенский янычар», 1864; «Дочь городского судьи», «Монастырский землемер», 1866 и др.) из национальной истории и народных преданий. На раннее творчество Юрчича оказали большое влияние романы В. Скотта. «О том, что историческая проза Юрчича с самого начала была связана с моделью исторической прозы В. Скотта, — утверждает Я. Кос, — свидетельствует не только тот факт, что Юрчич, начиная с 1861 г., увлекался чтением его произведений, но — прежде всего — сюжетные, тематические и формальные связи с ними; в ряде случаев речь идет о непосредственном влиянии. Так, например, центральные мотивы «Юрия Козьяка»: похищение сына владельца замка, роль цыган в этом похищении, возвращение похищенного на родину уже зрелым человеком, «узнавание» им родных мест и приобщение к прежней жизни — заимствованы в главных чертах из романа «Гай Маннеринг». Юрчич все эти мотивы, которые у В. Скотта лишены исторической окраски, перенес в эпоху турецких завоеваний; кроме того, он ввел в повесть мотив двух братьев, добродетельного героя и злодея, вероятно, под влия-

8 Цит. по: *Boršnik M. Študije in fragmenti*. Maribor, 1962. S. 191.

9 Цит. по: *Pogačnik J. Zgodovina slovenskega slovstva*. Realizem. Maribor, 1970, IV. S. 205.

нием любимых им шиллеровских “Разбойников”. Эпическую технику В. Скотта и детальную характеристику героев и событий он в большинстве случаев заменил гораздо более простой, схематичной и поверхностной манерой повестей К. Шмидта¹⁰. Сюжет повести обращен к событиям 1464–1475 гг., когда турки под предводительством Ахмед-паши сожгли Стичненский монастырь, крупнейший религиозно-просветительский центр Нижней Крайны. Турецкая тема была продолжена в повести «Замок Ройинье» (1866). Затем Юрчич смело расширяет тематический диапазон, первым в прозе обратившись к такому важнейшему этапу национальной истории, как Реформация (повесть «Юрий Кобила», 1865), а потом и вообще выходит за рамки узконационального прошлого: в неоконченном романе «Славянский праведник и учитель» (1886) он проявил интерес к теме заселения Балкан славянами и их последующей христианизации. В дальнейшем эти два тематических направления окажутся для словенской исторической прозы весьма продуктивными.

В первом словенском романе «Десятый брат» (1867) Юрчич обращается к современности и создает ряд реалистических персонажей, однако платит значительную дань романтике исключительных ситуаций и роковых страстей (история семейной трагедии и преступлений помещика Пишкава и отвергнутого им сына). В основе произведения две сюжетные линии: любовь домашнего учителя Ловро Кваса и дочери владельца усадьбы Слеменицы Маницы и судьба Мартинека Спака, ради места отцу принявшего облик десятого брата. Словенское народное поверье рассматривает десятого ребенка как нечто особое, что может нанести вред семье (восходит к вере в то, что десятую часть всего нужно приносить в жертву богам), поэтому он может быть наделен сверхъестественными способностями и вынужден стать скитальцем, изгоем. Почти сказочное решение приобретает в романе любовный конфликт: бедному домашнему учителю, влюбленному в дочь владельца замка, не только удастся жениться на ней, но и получить в наследство часть владений Пишкава, оказавшегося его дядюшкой. Критические замечания Левстика, указывающего на неубедительность подобного финала, недостатки в психологической обрисовке героев и одностороннее изображение крестьянской жизни ускорили переход Юрчича к реализму. Реалистические тенденции нашли особенно яркое выражение в произведениях Юрчича, посвященных жизни современного крестья-

нина («Соседский сын», 1868) и судьбам «маленьких людей» («Божидар Тиртель», 1867; «Трубка табаку», 1870). Однако реализм в творчестве Юрчича формировался в непосредственном соседстве с романтизмом, и даже в более поздних его повестях и романах («Доктор Зобер», 1876; «Между двумя стульями», 1878; «Красавица Вида», 1877) грани между ними трудно уловимы. Лучшие произведения Юрчича с их глубоким патриотизмом и демократизмом, мастерски построенным сюжетом, богатым и красочным народным языком до сих пор пользуются популярностью как в Словении, так и за рубежом (например, повесть «Юрий Козьяк» переведена на сорок три языка).

Первый словенский исторический роман «Иван Эразм Таттенбах» Юрчича, опубликованный в журнальном варианте в 1873 г., повествует о словенском «эхе» антигабсбургского заговора второй половины XVII в., завершившегося трагически. Один из инспираторов заговора, штирийский феодал немецкого происхождения Таттенбах, проявляющий симпатию к местному населению, вместе с группой единомышленников готовит отделение Венгрии и южнославянских земель от Австрии. Ему помогает секретарь Балтазар Рибель, посвященный во все тайные подробности. Однако сластолюбие и жестокость Таттенбаха, разлучившего своего слугу с возлюбленной, а потом и ее смерть заставляют Балтазара мстить, и он доносит на своего господина. Юрчич с успехом показывает характер, являющийся порождением эпохи, — авантюриста, для которого важна не сама высокая цель, а процесс ее достижения. При этом озабоченность героя национальным вопросом — не более чем натяжка, курьез, а отнюдь не пример высокого служения родине, которому в 1870-е годы могли бы следовать борцы за идею. Неудачную попытку обезглавить господствовавшую династию прозаик попытался представить как стремление основать южнославянское государство, хотя исторические документы доказывают лишь заговор венгерских вельмож против австрийской власти.

Иной, гоголевский, тип прозы, отличный от произведений Левстика и Юрчича, представляют рассказы Енко «Тилка» и «Учитель из Епрцы», опубликованные в том же 1858 г., что и «Мартин Крпан». Первый из них — это рассказ о придурковатом крестьянском парне по имени Тилка и его неудавшемся сватовстве. В экспозиции довольно подробно описаны личность героя и его непростые отношения с родителями и односельчанами. В центре внимания автора — путешествие Тилки в соседнюю деревню, где он присмотрел себе засидевшуюся в девках невесту. Енко уделяет особое внимание не внешности героя, а тем мыслям и чувствам, которые в финале заставляют его по-

10 KosJ. Primerjalna zgodovina slovenskega slovstva. S. 115.

зорно бежать от издевающейся над ним невесты. В описании душевного мира Тилки автор психологически точен и убедителен, однако сам выбор героя, человека, нетипичного для своей среды, свидетельствует о том, что автор еще не до конца освободился от принципов романтической типизации.

В рассказе «Учитель из Епрцы» главным персонажем является бедный сельский полуинтеллигент, которого крестьяне презирают и унижают и который пытается утопить свое горе в вине. Понимая, что подобное пристрастие может стоить ему службы и обречь на голодную смерть, учитель разрабатывает особую математическую систему, с помощью которой рассчитывает выиграть в лотерее крупную сумму. Однако на пути в город сильный порыв ветра вырывает у него из рук клочки бумаги и швыряет его — вместе со шляпой — в реку. Пытаясь спасти заветный ключ к богатству, учитель бросается в реку, простужается, теряет разум и на следующий день после трагического для него путешествия умирает. Герой рассказа Енко — маленький человек, которого беспощадно преследует жизнь. Все попытки добиться уважения окружающих оборачиваются для него новым позором и унижением, а его последняя, самая большая надежда гибнет от случайного порыва ветра. Судьба героя трагична, но трагика очень часто переходит у Енко в комичу, иронию, а иногда и в гротеск. Меняется и писательская техника. Главную роль в рассказе играет не столько сюжет, сколько подробности жизни героя, иллюстрирующие его драму. Таким образом, мотивационная система рассказа опирается не на изображение силы и бессилия человека, а на показ будничной действительности, порождающей отчуждение людей. Приближается к реальной жизни и язык повествования, он становится многослойным, многокрасочным, вбирая в себя и языковую манеру сельского полуинтеллигента, и крестьянский жаргон, и до неузнаваемости искаленные заимствованные иноязычные слова. Диалог лишается цельности, логической организации текста, он превращается в набор фрагментарных, часто незавершенных фраз, являющихся моментальным психологическим портретом героя. Рассказы Енко представляют особый тип повествовательной прозы, родившейся под влиянием Гоголя и его «Шинели».

Реалистические тенденции характерны и для творчества Франа Эрьявца (1834–1887), так же, как и Енко, принадлежащего к группе «ваевцев». Среди его произведений особого внимания заслуживает повесть «Авгуштин Оцепек» (1860), рассказывающая о судьбе бедного чиновника, которого словенский литературовед И. Приятель назвал «родным братом

Акакия Акакиевича»¹¹. Сослуживцы жестоко подшутили над Оцепеком, напившимся по случаю незначительной прибавки к скудному жалованию, обвинив тишайшего писаря в драке и дебоширстве, чем заставили его пережить несколько бессонных ночей в ожидании начальственного гнева. Узнав, что все его «подвиги» лишь фантазия коллег и его страхи напрасны, Оцепек с радостью возвращается к унылому будничному прозябанию. Гоголевское начало проявляется у Эрьявца не только в стремлении проникнуть во внутренний мир «маленького человека», показать ценность и значимость забытой и поруганной человеческой личности, но и в самой творческой манере, способах построения характера, приемах иронического письма и пристальном внимании к художественной детали.

В прозе Й. Стритара, так же как и в его критической деятельности, сказались сложность и противоречивость взглядов этого писателя. Поборник принципов «чистого искусства» и защитник романтизма, он находился под сильным влиянием идеалистической и пессимистической философии, утверждавшей, что дисгармония между идеалом и действительностью является вечным атрибутом бытия, а «мировая скорбь» — важная тональность искусства. Вместе с тем под воздействием общественных условий и взглядов Левстика Стритар — особенно в первой половине 1870-х гг. — нередко отступал от декларируемых им принципов. Постоянное внимание к художественному уровню словенской литературы, стремление преодолеть ее национальную замкнутость и включить в процесс общеевропейского развития, обогатить систему ее жанров и эстетическую мысль обусловили характер литературно-критических выступлений и прозаических произведений Стритара. В своих новеллах («Светинова Метка», 1868; «Росана», 1877) и романах («Зорин», 1870; «Господин Миродолски», 1876), разрабатывая отдельные темы и мотивы из «Новой Элоизы» Руссо, «Страданий молодого Вертера» и «Ученических лет Вильгельма Мейстера» Гёте, он размышляет о предназначении искусства, говорит о целительной силе природы, о страданиях своих героев — пассивных мечтателей, остро чувствующих разлад между мечтами и действительностью. О тяге Стритара к более широким идейным горизонтам, к освоению не только этических, но и социальных конфликтов своего времени свидетельствует его лучший роман «Содниковы» (1878), выделяющийся реалистическими чертами и социально-критическим анализом. Однако и в этом романе, посвященном жизни словенского села и проблемам развивающихся

11 *Prijatelj I. Izbrani eseji in razprave. Ljubljana, 1953, II. S. 122.*

ся буржуазных отношений, критические тенденции сочетаются с социально-утопической идеализацией патриархального прошлого, с иллюзорными представлениями о будущем Словении.

Автор лирических, эпических и сатирических стихов, особую ноту Стритар внес и в словенскую поэзию. Наиболее интересны его «Венские сонеты» (1872), сатирически обличающие старословенских лидеров и уродливые явления буржуазной действительности.

Политики! Отечества отрада!
Как вы прекрасно свое дело знаете!
По пуговицам на груди гадаете:
не надо заседать вам или надо?

Вам Вена — что тетеревам привада,
вы мудро там скамью обогреваете;
почтенным видом ловко прикрываете
тщету парламентского маскарада.

Открыла ваша мудрость беспримерная
дорогу нищете, дороговизне...
Но кто сказал, что положение скверное?

Дрова и соль — не главное ведь в жизни!
Насущно лишь одно: служенье верное
«создателю, престолу и отчизне».

(XXXVII сонет «Венских сонетов»,
перевод В. Корчагина)

В течение целого десятилетия (1870-е гг.) Стритар был центральной фигурой словенской литературной жизни. В своих «Критических письмах» (1867–68) он выдвигает несколько крайне важных тезисов стратегии развития национальной литературы, подчеркивая независимость и самодостаточность искусства слова, первым в истории словенской критики пытается раскрыть психологический механизм творчества. Стритар полагал, что с помощью литературного журнала можно объединить художников слова «поверх» идеологии и политики, создать единую трибуну литературной жизни, когда единственным, но принципиальным критерием отбора авторов станет эстетический: через эстетическую свободу прийти к моральной, общественной и национальной. Таким изданием и становится вышедший в Вене журнал изящной словесности «Звон». Своими размышлениями о текущем литературном процессе Стритар делился в автор-

ской рубрике «Литературные беседы», которую под названием «Беседы» он продолжил впоследствии в «Люблянском звоне». Однако ограниченность его общественных идеалов, защита романтизма в ту пору, когда жизнь и национальная культура требовали уже иного типа художественного сознания, стали причиной того, что к началу 1880-х гг. ведущая роль была им утрачена. На смену Стритару и его «Звону» пришло новое поколение писателей, объединившихся вокруг журнала «Люблянский звон». Благодарим им реализм не только сделал шаг вперед, но и получил свое теоретическое обоснование. Главная заслуга в развитии теоретических основ реализма принадлежит Ф. Левецу и Ф. Целестину.

Фран Левец (1846–1916), один из основателей «Люблянского звона» и его первый редактор (1881–1890), в своих статьях, посвященных творчеству крупнейших словенских писателей, последовательно отстаивал реалистическое искусство. Активизации связей словенской литературы с русской способствовала критико-публицистическая деятельность Франа Целестина (1843–1895), познакомившегося с русской литературой во время трехлетнего пребывания в России (где, в частности, он работал одно время в гимназии) и ставшего в середине 1860-х гг., как отмечает Ю. Д. Беляева, «одним из самых последовательных пропагандистов русской литературной критики у себя на родине»¹². В 1870 г. в «Звоне» публиковались его «Письма из России». Позднее на страницах «Люблянского звона» и «Слована» он печатал статьи, информировавшие словенцев о культурной жизни России, работах Белинского, Чернышевского, Добролюбова и русской художественной литературе (особенно творчестве Тургенева и Достоевского). В его трудах теория реализма в словенской литературе XIX в. достигла своей вершины (статья «Наш кругозор», 1883). Обогащенный опытом русской литературы и революционно-демократической критики, Целестин призывал словенских писателей откликаться на общественно-политические и социальные проблемы времени, глубже изучать жизнь; он дал критическую оценку творчеству писателей-романтиков, указав на их слабые стороны. Ссылаясь на творческий опыт Тургенева, словенский критик утверждал, что главное в произведении — не романтическая занимательность повествования, а освещение важнейших идей современности. Под влиянием Целестина внимание к русской литературе, к русской реалистической прозе резко возросло. В 1870-х — 1880-х гг. на словенский язык начинают переводить произведения

12 Беляева Ю. Д. Концепция реализма в югославянской критике конца 50–70-х гг. XIX века // Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1983. С. 136.

Гоголя, Тургенева и других русских писателей. В последние десятилетия XIX в. интерес к русской литературе проявляли почти все крупнейшие словенские писатели и поэты.

Глубоко изучал русскую литературу и Трдина, читавший в подлиннике произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Л. Толстого, Чехова. Результаты этого досконального знакомства с русской классикой сказываются в новых его произведениях, созданных после тридцатилетнего перерыва, — «Сказки и рассказы о горянцах» (1882–1888). Из писателя-фольклориста, стремившегося использовать народное творчество для подъема национального самосознания, Трдина превратился в сатирика, для которого фольклор стал оружием в общественно-политической борьбе. В цикле из двадцати одной сказки он обобщил свои многолетние наблюдения над словенской действительностью, высказал мысли о несправедливом общественном устройстве, выразил горячий протест против абсолютизма и бюрократии, против австрийских дворян и их онемеченных союзников, предающих интересы собственной нации, против реакционного антинародного духовенства. Трдина горячо любил свой народ, но был далек от его идеализации; сказки писателя нередко направлены против несознательности и пассивности задавленных нуждой крестьянских масс. Сатира Трдины была доходчивой, сильной и действенной; его сказки написаны прекрасным, метким и острым народным языком, которым он владел в совершенстве и которым впоследствии так восхищался И. Цанкар, испытавший на себе влияние творчества Трдины.

Творческая эволюция Трдины весьма примечательна. На первом этапе литературной деятельности фольклор был для него не только эстетическим идеалом, но и той моделью, по которой должна развиваться словенская литература. К 1880-м гг. писатель осознал, что эта модель исчерпала себя, что место народной сказки должна занять сказка литературная, авторская. «Вместо ушедшего в прошлое фольклора, — писал Трдина, — надо дать нашему народу повести, написанные его слогом и его языком, в которых будут затронуты те явления и вопросы, которые его привлекают, вдохновляют и отталкивают; пусть он найдет в них свою историю, свои муки, своих врагов, свою веру и свои суеверия, свои хорошие и дурные привычки, свой характер и характер своих предков»¹³. У нас нет конкретных свидетельств о влиянии произ-

ведений М. Е. Салтыкова-Щедрина на творчество Трдины, однако независимо от того, имело ли это влияние место или нет, можно говорить о типологическом сходстве сказок, созданных Трдиной в 1880-е гг., со сказками знаменитого русского сатирика.

Значительную роль в развитии словенской прозы 1880-х гг. сыграли произведения Ивана Тавчара (1851–1923). В его раннем творчестве (1866–1876) весьма отчетливо прослеживается связь с прозой Юрчича и Стритара. С первым Тавчара сближает интерес к исторической проблематике, со вторым — пристрастие к любовным конфликтам, которые оба писателя изображают в романтических и сентиментальных тонах. Движение к реализму связано у Тавчара с разработкой крестьянской темы, которая приобретает особое значение в словенской литературе 1880–1890-х гг. Жизнь крестьян с большой художественной силой и теплотой показана им в цикле из двенадцати коротких рассказов «Среди гор» (1876–1888), в которых автор выступает как зрелый художник, один из выдающихся мастеров своего времени. Шесть лет спустя он опубликовал объединенный в повесть цикл из четырех новелл «На Зале» (1894), в котором снова обратился к жизни крестьян своего родного края, выразил любовь к природе, затронул ряд острых социальных и нравственных проблем, в том числе проблему переселения словенских крестьян в Америку и роль любви и страсти в жизни простых людей. В этих двух циклах романтизм тесно переплетается с реализмом. Для них по-прежнему характерна субъективно-лирическая типизация. Тавчар часто обращается к контрастам и антитезе, его по-прежнему интересуют остродраматические ситуации, люди больших и ярких страстей и необычайно трагических судеб. Однако сугубо романтических героев автор ставит в конкретно очерченные условия, воспроизводит типичные жизненные реалии, создает яркие реалистические пейзажи. Интересно, что наиболее последовательно реалистическое начало выражено в циклах рассказов, связанных между собой не столько местом действия, сколько единой темой, единой идейной направленностью. Типологически сходная тенденция к циклизации повестей и рассказов появляется в период становления реализма и в других славянских литературах (например, «Петербургские повести» Гоголя и «Записки охотника» Тургенева в русской литературе).

Переплетением реалистических и романтических начал характеризуются и более поздние исторические повести Тавчара «Vita vitae meae» (1883) и «Писарь из замка» (1889), в которых верность историческому материалу, интерес к социальной основе происходящего сочетаются с романтическими принципами по-

13 Цит. по: Pogačnik J. Zgodovina slovenskega slovstva. Realizem. Maribor, 1970, IV. S. 220.

строения сюжета, с резким делением персонажей на положительных и отрицательных.

Тяготением к реалистическому использованию гротескных форм отмечена «сатирическая утопия»¹⁴ Тавчара «4000» (1891), которая показывает, что стало бы с Люблянкой в 4000-м году, если бы воплотились в жизнь реакционные клерикальные идеалы Махничя. Эта первая в словенской литературе антиутопия является ярким протестом против стандартизации общественной и личной жизни людей, против «казарменного клерикализма» и тоталитаризма. В определенном литературном родстве с антиутопией Тавчара состоит «сказка для стариков» «Абадон», опубликованная в 1893 г. известным прозаиком Янезом Менцингером (1838–1912). В антиутопии Менцингера сатирические элементы удачно сочетаются с философскими размышлениями автора о природе человека и причинах его многочисленных заблуждений.

Вершиной словенской реалистической прозы XIX в. стало творчество Янко Керсника (1852–1897). Правда, свои первые значительные произведения (роман «На Жеринях», 1876 г.; повесть «Лютеране», 1882 г.) Керсник, идя от прозы Юрчича, еще строит на романтической интриге с искусными драматическими комбинациями, но в своем дальнейшем развитии, под влиянием русской реалистической прозы и в особенности Тургенева, он интенсивно осваивает реалистический метод. Роман «Цикламен» (1883), созданный под несомненным воздействием теоретической программы Целестина, стал свидетельством поворота Керсника к реалистическому изображению современной ему действительности. В «Цикламене» и сюжетно связанном с ним романе «Агитатор» (1885), в повести «Рошлин и Верьянко» (1889), в романе «Выскочки» (1893) писатель показал представителей самых различных слоев словенского общества: буржуазно-помещичьих кругов, провинциального чиновничества, интеллигенции — запечатлел их деловые будни, устоявшийся мещанский быт, жестокие предвыборные «баталии».

Его герои принадлежат к разным политическим группировкам (либеральной, клерикальной и консервативной, проавстрийской, так называемой «немшкитарской»), но все они далеки от народа, равнодушны к его участи; за их показным патриотизмом скрываются эгоистические интересы. В отличие от своих предшественников и современников, тяготевших

к изображению ярких романтических характеров, Керсник вводит в литературу прозаического представителя интеллигенции своего времени — человека, в столкновении с жизнью лишаящегося высоких идеалов и страстей, озабоченного только своей карьерой и живущего в полном мире и согласии с окружающей обывательской средой. Таким становится герой романа «Агитатор» Андрей Корен, оказавшийся перед выбором: любовь или политическая принципиальность и выбравший личное благополучие.

Существенно меняется у Керсника и конфликт. На смену любовной коллизии, находившейся в центре его первого романа, приходит конфликт, раскрывающий общественные противоречия. Такой выход из сферы сугубо личной в сферу социальных отношений эпохи говорил о том, что словенская литература вступила на путь социального анализа, на путь постижения закономерных жизненных связей и отношений. Большой удачей на этом пути стала крестьянская проза Керсника. В повестях «Завещание» (1887), «Отцовский грех» (1894) и особенно в цикле рассказов «Картины из крестьянской жизни» (1882–1891) им правдиво показана словенская деревня. Моральные достоинства крестьян, их трудолюбие, любовь к земле, оптимизм и жизнестойкость не заслоняют от автора их собственнической психологии, которая становится причиной страшных распри из-за земли и имущества.

Проза Керсника сыграла большую роль в развитии словенской литературы. Присущее реализму стремление к постоянному расширению тематического диапазона, вовлечению новых пластов жизненного материала, освоению и раскрытию новой проблематики выразилось у него в разработке социальных тем, в более глубоком по сравнению с его современниками проникновении в психологию героев, в постановке важных проблем этики, в возросшей силе критицизма и отточенном мастерстве типизации.

В 1880-е гг. в центре общественного внимания вновь оказывается поэзия. Одним из наиболее одаренных поэтов этого десятилетия был Симон Грегорчич (1844–1906). Не чувствуя никакого призвания к духовному сану, он был вынужден из-за бедности поступить в семинарию, стать священником и всю жизнь подвергался злобной травле со стороны клерикальных кругов. Именно поэтому лирика Грегорчича проникнута горечью неудовлетворенности и тоской одиночества. Но даже больше, чем личная драма, его угнетала судьба родины, которой он посвятил ставшие хрестоматийными стихи: «Окропите кровью моего сердца» (1864), «Родине» (1869), «Реке Соче» (1879).

14 Чепелевская Т.И. Утопия в словенской литературе XIX в. // Утопия и утопическое в славянском мире. М.: Издатель Степаненко, 2002.

Родная дочь зеленых гор,
ты хороша красотой пригодной,
когда грозы глухой раздор
не застит глуби многоводной,
любимица зеленых гор!
Скользит-плывет твоя волна
походкой легкою горянки,
как воздух горный ты ясна,
как песня горцев ты звучна —
в ней плеск твоей волны-беглянки,
красавица свободных гор!

(«Реке Соче», перевод М. Петровых)

После блистательного дебюта в 1864 г. в журнале «Словенский гласник» Грегорчич становится ведущим лириком стритаровского «Звона». Первый его сборник «Стихотворения» увидел свет в 1882 г. и вызвал бурную реакцию как демократической, так и клерикальной критики. Первая, высоко оценив чистоту поэтического слога, не была удовлетворена пессимистическими взглядами автора на окружающую действительность, вторая обвиняла в пантеистической ориентации и аморальной чувственности. В поисках душевной гармонии Грегорчич обращается к образам родной природы. Он был родом из горного края Словении и в своей поэзии воспел его суровую и величественную красоту. В историю словенской литературы он вошел как «соловей из Гориции». Многие из стихотворений поэта были положены на музыку и стали народными песнями.

В 1880 г. на страницах журнала «Люблянски звон» было опубликовано первое стихотворение Антона Ашкерца (1856–1912), ставшего впоследствии виднейшим поэтом-реалистом конца XIX — начала XX в. Ашкерц родился в бедной крестьянской семье, но все же родители отдали его в гимназию, которую он закончил, преодолевая не только тяжелые материальные трудности, но и казенную преподавательскую муштру. Под давлением родных он был вынужден поступить в духовную семинарию, а после ее окончания принять сан священника, хотя уже тогда его религиозные убеждения были не особенно прочными. Однако мужественный, боевой склад характера спас Ашкерца от той участи, которая сломала Грегорчича: осознав, что его призвание — служение поэзии, а не церкви, что он чужд клерикальной среде, преследовавшей его не менее ожесточенно, чем его собрата по перу, Ашкерц пошел на разрыв с церковью и клерикалами и в 1898 году сложил с себя духовный сан.

1880-е гг. были начальным этапом творчества Ашкерца, периодом формирования его творческого метода. В его юношеской поэзии представлена патриотическая, любовная, пейзажная и философская лирика, но предпочтение он отдавал эпике. «Уже в раннем творчестве Ашкерца, — отмечает М. И. Рыжова, — проявилась одна из основных особенностей его большого поэтического таланта — его незаурядный эпический дар, способность к живому, исполненному динамики и драматизма повествованию, красочному, осязаемо-пластическому и в то же время лаконичному. Его излюбленным жанром надолго становится баллада, пишет он и небольшие рассказы в стихах, притчи-аллегии, имеющие философский или чаще — сатирический смысл, и лирические стихотворения»¹⁵. В основу большинства ранних баллад Ашкерца положен либо конкретный исторический сюжет, либо народное предание, с любовью воспроизведенное поэтом. Многие из этих легенд носят ярко выраженный патриотический характер, например легенда о рыбаке-перевозчике, решившемся погубить турецких лазутчиков и самому погибнуть вместе с ними («Перевозчик», 1883). Патриотическая тема звучит в балладе «Завещание Святополка» (1883), стихотворении «Мы встаем!» (1885) и ряде других произведений молодого поэта. В некоторых балладах изображены фантастические существа, являющиеся героями народных легенд и поверий («На поминках», 1886; «Сказка о вине», 1887), другие проникнуты сочным народным юмором, например «Свадьба в Логах» (1887): в этом стихотворении старик-мельник во время свадебного пира в качестве подарка вручает жениху корзину... с его незаконнорожденным сыном. Баллады «Анка» (1883), «Межевой камень» (1887), «Крестная мать» (1889) воссоздают быт и духовный мир словенского крестьянства. О призвании художника, которому суждено пережить измену возлюбленной и выразить всю свою любовь к ней и всю горечь утраты в ее прекрасном портрете, повествует баллада «Картина» (1882), во многом близкая к балладам Прешерна «Лекарство от любви» и «Нетленное сердце».

Особое место в творчестве Ашкерца занимает балладный цикл «Старая правда»¹⁶ (1888). Цикл повествует о крестьянских восстаниях XVI в. Борьба словенских крестьян против усиливавшегося феодального гнета имела и народно-освободительный

15 Рыжова М. И. Предисловие // Антон Ашкерц. Избранное. Л., 1987. С. 5.

16 «Старая правда» («Stara pravda») — слова словенского припева с призывом восставших к объединению, сохранившиеся в тексте песни немецких ландскнехтов, усмирявших крестьянский бунт 1515 г. близ города Целье (прим. ред.).

характер: помещики здесь в большинстве были немцы. Ашкерц опирается на исторические источники, хотя часто трактует их согласно собственному замыслу.

Бунт словенский! Он уже грохочет!
 Так чего ж вы ждете?
 Пусть вернут законы Старой правды!
 Быть ей вновь в почете!
 Что стоите? Знак нам подан свыше!
 Господам проклятье!
 Или тяжкое ярмо вам сладко?
 В наше войско, братья!

(«Небесное знамение» из цикла
 «Старая правда», перевод Г. Усовой)

В произведении возникает собирательный образ страдающего и борющегося народа, предстающий иногда как огромная, шумная, многоголосая толпа в живой динамике говора, пересыпанного меткими народными речениями, передается и мировосприятие крестьян, верящих в «доброту царя», в чудеса и приметы, чему способствуют и фантастические фольклорные мотивы. Обобщенный образ народа конкретизируется иногда в скупом очерченном персонаже, среди которых особое место занимает историческое лицо, крестьянский король Матия Губец; его страшная казнь — коронование раскаленной короной на раскаленном престоле — воспринимается как подлинное воззвращение, апофеоз крестьянского вождя и вместе с ним всего страдающего народа, обретающего и некий романтический ореол, хотя в обрисовке событий ощущается реалистическая достоверность и историческая конкретность. Лучшие стихотворения, созданные Ашкерцем в 1880-е гг., были включены в первый сборник «Баллада и романсы» (1890), после выхода которого поэт получил всенародное признание, стал кумиром молодого поколения.

Словенская драматургия 1850-х — 1880-х гг. отставала в своем развитии от прозы и поэзии. Значительная часть национального репертуара того времени создавалась для удовлетворения потребности читален, ставивших на своих сценах неприятельскую просветительскую и развлекательную драматургию. «Если бы у нас был театр, — писал в своем «Путешествии из Литии в Чатеж» Левстик, — вероятно, появились бы комедии из крестьянской жизни»¹⁷. Именно такую комедию из крестьянской жизни «Юнтез»

сам Левстик написал в 1855 г. В том же году она была поставлена актерами-любителями в родном селе автора, затем вошла в репертуар других любительских трупп, однако серьезного влияния на развитие словенской драматургии не оказала.

С резкой критикой дилетантских, малохудожественных пьес, составлявших основной репертуар любительских трупп, выступил Стритар, ориентировавший словенское театральное искусство на классическую европейскую драму. В целях «европеизации» словенской драматургии Стритар пишет и свои пьесы, адаптирующие античные сюжеты, опираясь на традиции европейского романтизма («Орест», 1869; «Медея», 1870 и др.). Однако и произведения Стритара не оставили значительного следа в развитии словенской драматургии.

Гораздо большим успехом пользовались у зрителей того времени комедия Мирослава Вилхара (1818–1871) «Староста» (1866), резко критикующая германофилов, и комедия Йосипа Огринца (1844–1879) «Где межа?» (1879), рассказывающая о тяжбе двух крестьян из-за клочка земли. В этих незамысловатых пьесах с их грубоватым юмором проскальзывают элементы реализма. Однако почва для развития реалистической словенской драмы еще не была подготовлена. Вершинные достижения словенской драматургии этого периода связаны с романтическими трагедиями Юрчича и Левстика.

«У нас, словенцев, появилась драма, трагедия, историческая трагедия. С 1876 г. начинается новая эпоха в словенской драматургии»¹⁸, — писал Стритар об исторической трагедии «Тугомер», имеющей необычайно сложную и интересную творческую историю. В 1870 г. Люблянское Драматическое общество объявило конкурс на лучшую трагедию с историческим (желательно из истории Словении) сюжетом. Юрчич, решивший принять участие в этом конкурсе, нашел в книге «Wendische Geschichten aus den Jahren 780–1182» главу о крещении северных славян, о боях между франками и полабскими славянами и истории словенского князя Тугомера, выдавшего своих родственников германцам. Этот сюжет был необычайно актуален для того времени, когда в культурной и политической жизни было очень сильно германизаторское начало и предательство национальных интересов было нередким явлением. Юрчич начал писать «Тугомера» в стихах, закончил его в 1875 г. в прозе. Завершив трагедию, он отдал ее Левстику, который, заинтересовавшись пьесой, создал на ее основе новый вариант, причем он не только вернулся к стихотворной форме, но в корне изменил

17 Levstik F. Zbrano delo. Knjiga prva. Ljubljana, 1952. S. 128.

18 Stritar J. Zbrano delo. Tretja knjiga. Ljubljana, 1954. S. 137.

ее сюжет и смысл. У Юрчича «Тугомер» — это история князя-предателя, мечтавшего о том, что франки дадут ему корону, а получившего за свое предательство смерть от руки любимой женщины, ненависть соотечественников и презрение франков. В варианте Левстика представляла трагедия героя, обманутого изменником, оклеветанного врагами и невольно ставшего причиной катастрофы своего народа. Вместе с тем, это трагедия народа, завоеванного чужеземцами, трагедия, пафос которой заложен в освободительных настроениях, отрицании чужеземных владык и насильно навязываемой чужеземной религии. Трагедия кончается гибелью Тугомера, оставляющего своему народу завещание:

Тверд будь и несгибаем, словно сталь.
И будь готов восстать за честь и правду,
И за язык народа своего.

Национально-освободительный пафос этой трагедии был направлен против германизаторской политики австрийской буржуазии, против онемечивания словенской интеллигенции и предательства ею национальных интересов. Поэтому постановка пьесы была запрещена австрийской цензурой вплоть до 1914 г. Оба варианта «Тугомера» — юрчичевский и левстиковский — относятся к тому типу исторической трагедии, который возник в европейской драматургии в период, предшествовавший романтизму, приобрел свой «классический» облик уже в эпоху романтизма. Основными образцами для этой драматургии были исторические трагедии и драмы Шекспира, оказавшие несомненное влияние и на творчество авторов «Тугомера». При этом Юрчич создавал образ князя-предателя по типу шекспировского Ричарда III и Эдмунда из «Короля Лира», а для Левстика оказалась ближе драма «Кориолан». Кроме того, в первоначальном, юрчичевском варианте чувствуется несомненное влияние шиллеровских «Разбойников». Левстику же шиллеровский тип драмы был чужд, у него центр тяжести переносится с ярких драматических характеров и коллизий на правдивость в изображении исторических процессов. В статье «Критические заметки о драме Пенна «Илия Грегорич, или крестьянский король»» (1867), Левстик протестует против «несоответствия» пьесы исторической правде о восстании крестьян Крайны в XVI в., против ее статичности, против использования готовых фольклорных ситуаций и образов и формулирует непреложный закон всякого художественного и тем более драматического произведения, закон естественного развития сюжета, определяемого не абстрактно-рационалистической схемой, а внутренней логикой жизненных

обстоятельств. Эту теоретическую программу Левстик стремился (правда, не вполне успешно) воплотить на практике и при переработке юрчичевского «Тугомера».

Вторая пьеса Юрчича, трагедия «Вероника Десеницкая» (1886), была напечатана уже после смерти автора и явилась своеобразным итогом его творческой эволюции. В основе пьесы — те же исторические события, что и в повести Турноградской. Рассказывая трагическую историю красавицы Вероники, убитой по приказу графа Германа Цельского, Юрчич обращает особое внимание на психологическую мотивировку поступков своих героев. Это особенно бросается в глаза при сопоставлении «Вероники» с первым вариантом «Тугомера». В «Тугомере» образы героев являются непосредственной иллюстрацией авторской идеи, а в «Веронике Десеницкой» эта идея раскрывается при помощи убедительных, мастерски воплощенных характеров и поступков. Эпическое начало переросло в драматическое, автору удалось отойти от идеализации героев и искусственного разрешения драматического конфликта. Благодаря этому пьеса «Вероника Десеницкая» стала лучшим драматургическим произведением словенской литературы эпохи становления реализма. Премьерой этой трагедии Юрчича начал свой первый сезон Словенский Национальный театр, открытый в Любляне в 1892 г. Деятельность «Драматического общества» в 1887–1892 гг. и создание словенского национального театра, этого подлинного центра словенской театральной культуры, подготовили почву для подъема словенской драматургии на следующем этапе ее развития, в начале XX в.

Выше уже говорилось о том вкладе, который внесли в развитие словенской литературы крупнейшие представители литературно-критической и эстетической мысли Ф. Левстик, Й. Стритар и Ф. Целестин. Однако не следует забывать, что у истоков критики рассматриваемого периода стоял Я. Трдина, опубликовавший еще в 1850 г. в газете «Люблянский часник» статью «Обзор словенских поэтов», которую А. Слодняк назвал «важнейшим критическим документом фольклорно-реалистического направления»¹⁹. В центре этого обзора творчество Ф. Прешерна, наиболее важными чертами которого Трдина считал близость к национальной модели мировосприятия и мироощущения, искренность и чеканную простоту формы. Противопоставляя творчество Прешерна помпезной поэзии Весела Косеского, Трдина, тем не менее, пытался объективно оценить творчество последнего. «Обзор сло-

19 Slodnjak A. Zgodovina slovenskega slovstva II: Romantika in realizem I. Ljubljana, 1959. S. 194.

венских поэтов» был первой и единственной в то время попыткой оценить уходящую в прошлое литературную эпоху и наметить перспективы будущего развития словенской литературы. В дальнейшем Трдина занимался преимущественно художественным творчеством. Между тем необходимость развития критической мысли ощущали все литераторы того времени, в том числе и сотрудники периодических изданий, на страницах которых и печатались немногочисленные критические заметки, носившие преимущественно информативный характер. Так, в 1858 г. обозреватель «Новиц» литератор Ф. Цегнар писал: «Нам, словенцам, стоит не бояться критических статей, а молить всех святых о том, чтобы они испросили для нас у Бога — наряду со всеми другими благами — хотя бы немного критики!»²⁰. В том же году о необходимости развития словенской критики писал в своих «Ошибках словенского правописания» Левстик, призывавший: «Кто хочет словенцам добра, пусть вместе со мной воскликнет: “Бог в помощь критике!”»²¹. Свою роль, правда, несоизмеримую с ролью Левстика, сыграл в развитии словенской критики и учредитель журнала «Словенски гласник» А. Янежич (1828–1869). «Взгляды Янежича были заимствованы из современной европейской литературы, что свидетельствует о том, что этот литературный педагог прекрасно чувствовал, откуда должны исходить творческие импульсы развития словенской прозы»²².

Литературно-критической деятельностью занимался и Керсник, автор широко известной в свое время статьи «Развитие мировой поэзии», опубликованной в 1878 г. в газете «Словенски народ». «Новое время, — утверждал Керсник, — это время науки, а не того чистого идеализма, который был фундаментом некогда благоуханной, а ныне уже увядшей романтики... Нужно познавать объективные закономерности мира, и если прежде основой литературы были вера и мифология, теперь единственным стимулом литературного развития должно стать знание»²³. Материалистические взгляды, которые стоят за его пониманием реализма, основываются на принципах биологического и социального детерминизма, однако литературную практику Керсника определяли не только и не столько они, сколько влияние русского

20 Cegnar Fr. Glasniku kaj. Цит. по: Pogačnik J., Zadravec F. Zgodovina slovenskega slovstva. Maribor, 1973. S. 289.

21 Цит. по: Pogačnik J., Zadravec F. Zgodovina slovenskega slovstva. Maribor, 1973. S. 290.

22 Ibid. S. 293.

23 Цит. по : Paternu B. Pogledi na slovensko književnost. Ljubljana, 1974. Knj. II. S. 8.

реализма и его представителей — Гоголя, Тургенева и Толстого. В трудах Керсника и Целестина теория реализма в словенской литературной жизни XIX в. достигла своей кульминации. Вместе с тем, особенность словенского литературного процесса заключалась в том, что теоретические требования, направлявшие писателей в сторону реализма и сформулированные в литературно-критических статьях Левстика, а затем на новой основе развитые Целестином и Керсником, в известной степени опережали художественную практику, в которой реалистические тенденции очень редко доминировали над романтическими. В целом можно говорить о накоплении элементов реализма в словенской литературе конца 1850–1870-х гг. и о том, что эстетические требования Левстика и Целестина были значительным стимулятором этого процесса. Тем не менее даже в 1880-е — 1890-е гг. наряду со зрелыми реалистическими произведениями Керсника и Ашкерца существовала линия, представленная не менее яркими писателями (Стритар, Грегорич, Тавчар), в творчестве которых отчетливы романтические элементы.

Для всего рассматриваемого периода был характерен интерес к отечественной истории, а также к истории родственных славянских народов, что обусловлено интенсивно протекавшим процессом национального определения, опиравшимся на идеи «славянской взаимности». С этими идеями во многом связан и характер контактов словенской литературы с литературами других народов. Общность исторических судеб югославянских народов на протяжении веков вела к общности и в области их духовной культуры. Для рассматриваемой эпохи характерны особенно прочные связи словенской литературы с хорватской. Так, выдающийся хорватский писатель, критик и публицист Август Шеноа (1833–1881), центральная фигура хорватского литературного процесса 1860–1870-х гг., очень хорошо знал словенскую литературу и посвятил свою известную новеллу «Гвоздика с могилы поэта» Прешерну. Именно Шеноа представил Целестину возможность опубликовать статью «Заметки о развитии самосознания русского народа» (1877) на страницах редактируемого им журнала «Виенац». Эта статья, включенная тем самым в процесс становления хорватского реализма, стала связующим звеном в общем движении югославянских литератур к реализму, тем более что в ней во всеуслышание было заявлено о важности реалистического направления вообще и о значении его для славянства в особенности. Чрезвычайно плодотворной была и глубокая убежденность Целестина в том, что обращение югославян к творчеству русских реалистов «расширит наш кругозор, пробудит реальное мышление — ис-

точник правильного понимания собственных интересов, духовных и особенно материальных»²⁴. Исследователи словенской литературы обобщают: «Систематическое обращение прогрессивных югославянских писателей к опыту более развитых инациональных литератур, и прежде всего к опыту русской литературы, близкой им по духу, языку и уходящим в глубокую древность связям, становится в 1860–1880-е гг. особенностью литературного процесса, его ускорителем. У словенцев это обращение к русской культуре имело и свой особый национальный импульс. Засилье австрийских германизаторов, возможность распада Австро-Венгрии, казавшаяся особенно реальной в конце 60-х — начале 70-х гг. XIX в., пробуждали в словенской демократической интеллигенции интерес к России как к стране, которая защитит их народ от агрессии пангерманизма. Эту тенденцию активно выражали словенские публицисты и переводчики, ставшие последовательными пропагандистами русской литературы и критики у себя на родине»²⁵.

Идея славянской общности особенно ярко проявилась в 80-е гг. на страницах журнала «Люблянский звон», который стремился как можно шире знакомить читателей с культурной жизнью других славянских народов, их достижениями в области литературы, изобразительного искусства, славистических исследований. С самого начала издания «Люблянского звона» в нем печатается информационный материал о русской литературе, а с 1883 г. русская литература представлена в журнале и более фундаментально — подробными монографическими статьями К. Штрекеля и Ф. Целестина о некоторых крупнейших русских писателях и отдельными переводами произведений русской литературы несмотря на то, что публикация переводов не входила в программу журнала.

В целом 1850–1880-е гг. можно охарактеризовать как чрезвычайно продуктивный период словенской литературы, когда ею были успешно освоены новые жанровые формы (роман, сатирическая утопия, историческая драма), активно развивалась литературная критика, шло постепенное упрочение реалистических тенденций.

24 *Беляева Ю. Д.* Концепция реализма в югославянской критике конца 50–70-х годов XIX века // Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1983. С. 139.

25 *Рыжова М. И.* Русская литература в словенском журнале «Люблянский звон» (1881–1918) // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 107.

~ ЧАСТЬ III ~

ЛИТЕРАТУРА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. (1890–1918)

РЕАЛИЗМ, НАТУРАЛИЗМ, МОДЕРН

Последнее десятилетие XIX — начало XX в. явились важным, во многом переломным этапом в истории словенской литературы. Специфика этого этапа у словенцев, как и у других южных славян, определяется значительным усложнением и ускорением литературного процесса, его все более отчетливой синхронизацией с общим литературным развитием европейских народов; преодолевается отставание и в художественно-эстетической сфере — словенская литература обогащается блестящими достижениями, непреходящими художественными ценностями. Значительно расширяются, становятся более многообразными ее связи с другими литературами. В своей основе эти изменения обусловлены общественно-историческими факторами, хотя соотношения между ними и развитием искусства становятся все более сложными и противоречивыми, что вообще характерно для этой эпохи. Последствия все еще не решенного национального вопроса, неравноправное положение словенцев в Австро-Венгрии продолжают неблагоприятно сказываться на их экономической, политической и культурной жизни. Обостряются идеологические и политические противоречия, связанные со все более интенсивным развитием капиталистических отношений, происходит расслоение деревни. Постепенно растущий, хотя все еще немногочисленный пролетариат начинает сознавать себя организованной силой, чему способствует образование социал-демократической партии (1896). В стане словенской буржуазии — нерешительной, склонной к компромиссам с верхами господствующей нации — обостряется политическая борьба между двумя группировками, оформившимися в 1890-е гг. как партии либералов и клерикалов («национально-прогрессивная» и «католическая национальная», впоследствии переименовавшая себя в «сло-

венскую народную»). Обе партии все более себя дискредитируют — выявляется демагогия, беспринципность, корыстность их политических манипуляций. Видную роль — идеологическую и политическую — по-прежнему играет католическая церковь. Она ведет борьбу за влияние на народные массы и агрессивно вмешивается в культурную жизнь словенцев, хотя клерикальный лагерь в это время уже не был монолитен. От консервативного ядра — воинствующих реакционных фанатиков — отходят демократические настроенные сторонники «христианского социализма», искренне желающие помочь своему народу, разоряющемуся словенскому крестьянству.

Это разнообразие общественно-политических позиций находит свое отражение в словенской периодике, в том числе в ведущих литературных журналах — на рубеже XIX–XX вв. именно идеологические принципы, а не эстетические программы и приверженность определенным литературным направлениям становятся основой их противостояния. Так, самый значительный литературный журнал «Люблянский звон», как и в предыдущий период, объединяет вокруг себя преимущественно либерально настроенных литераторов. Сходной ориентации придерживается и издававшийся с 1902 г. иллюстрированный журнал «Слован». Более левые, радикальные позиции занимает литературно-публицистический «социальный» (как значится на титульном листе) журнал «Наши записки» (1902–1922). Им противостоит издававшийся клерикально-католическими кругами литературный журнал «Дом ин свет», хотя иногда в нем печатались и писатели иных убеждений. Большая консервативность, догматичность, нетерпимость отличают журнал «Католишки обзорник» (1897–1906). В этих и других периодических изданиях отражается многообразная литературная жизнь Словении, получает дальнейшее развитие литературная критика, рецензируются, оцениваются — порой с противоположных точек зрения — важнейшие произведения писателей, нередко ведется острая полемика как по литературным, так и по некоторым социально-политическим вопросам.

В рассматриваемый период заметно возрастает общественная значимость литературы, обогащается ее содержание, отображение жизни становится более сложным и глубоким. Это относится и к способам обрисовки объективной действительности, и к раскрытию субъективного мира человека, внимание к которому заметно возрастает. Многоаспектность, различия в мировосприятии и способах отображения жизни связаны с возникновением новых литературных течений и стилей, которые наслаиваются на ранее существовавшие, вступают с ними и между

собой в самые разнообразные сочетания и взаимодействия. В словенской литературе рубежа XIX–XX вв. сосуществуют и переплетаются элементы реализма, романтизма, натурализма, импрессионизма, символизма, а в 1910-х гг. и зарождающегося экспрессионизма, по-разному сочетаясь и варьируясь в творчестве одного писателя и даже в структуре одного произведения.

В конце 1880-х — 1890-е гг. как в поэзии, так и в прозе еще ощутимы очень живучие романтические традиции. Связь с этими традициями по-прежнему чувствуется в лирике С. Грегорчича, хотя в целом его творчество, имеющее и определенные реалистические элементы, не вписывается в рамки романтизма. В 90-е гг. для наиболее талантливых писателей романтические традиции нередко служат отправным моментом в поисках новых художественных средств, смыкаются с новыми стилевыми элементами. У второстепенных литераторов эти традиции приобретают характер эпигонства.

Длительное, устойчивое существование романтических (и даже предромантических) элементов в словенской литературе отражается на некоторых типологических особенностях словенского реализма¹, формирование которого определяло магистральное направление литературного процесса в предыдущий период. В конце 1880-х — начале 1890-х гг. реализм развивается еще в прежнем русле. Это в первую очередь относится к творчеству Я. Керсника, наиболее видного словенского прозаика-реалиста XIX в. Важную роль в творческом становлении Керсника сыграла вытекающая из характера его дарования и специфических особенностей развития словенской литературы предрасположенность к восприятию Тургенева — едва ли не самого популярного из зарубежных писателей в Словении тех лет, много переводившегося на словенский язык². Активное усвоение на разных структурных уровнях тургеневских художественных компонентов особенно отчетливо проявилось в творчестве Керсника — повести «Рошлин и Верьянко» (1889)³, отчасти романе «Высочки» (1893), цикле рассказов «Картины из крестьянской жизни» (1882–1891). Это относится и к ряду произведений Франа Детелы (1850–1926), включая его лучшую повесть «Тройка» (1897). Связи с творчеством Тургенева про-

1 Paternu B. K tipologiji realizma v slovenski književnosti // Obdobje realizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi (Obdobja, 3). Ljubljana, 1982. S. 7–27.

2 Barbarič Š. Turgenjev in slovenski realizem. Ljubljana, 1983. S. 135–149.

3 Ibid. S. 135–149.

являются позже и у некоторых писателей более молодого литературного поколения, в частности в произведениях Франца Ксавера Мешко (1874–1964)⁴.

Другую разновидность словенской реалистической прозы, в какой-то степени соотносящуюся с традицией, идущей от Юрчича, представляет творчество И. Тавчара, одного из лидеров словенских либералов, писателя яркого самобытного дарования, темпераментного и цельного как художественная личность. В реалистической ткани произведений Тавчара еще кое-где возникают романтические вплетения, проявляющиеся порой в самом мироощущении писателя, в его склонности к отображению исключительных судеб, к трагедийности, резким контрастам. Наряду с драматическим началом в произведениях Тавчара обычно присутствует светлая, исполненная оптимизма любовь к родному краю. Наиболее полно талант прозаика раскрылся в воплощении национальной истории. Следуя традиции, заложенной Юрчичем, он в своих исторических произведениях удачно соединяет беллетристический («массовый») потенциал жанра и натуралистический историзм, с помощью которого воссоздаются особенности местного колорита. Первым историческим романом, в котором писатель взглянул на словенское прошлое с реалистических позиций, стал роман «За кулисами конгресса» (1905–1908), где сделана попытка интегрировать словенскую общественную и бытовую ситуацию в систему координат европейской политики первой четверти XIX в. и тем самым актуализировать политические проблемы современности. В центре романа находится конгресс лидеров Священного союза императоров России и Австрии и прусского короля, проходивший с января по май 1821 г. в Любляне (Люблянский или Лайбахский конгресс), в ходе которого была определена европейская политическая стратегия второй четверти XIX в. Художественная хроника люблянской встречи монархов и дипломатов, показанная в романе глазами провинциальных обывателей, дает представление не только о масштабе и важности события, но и о быте и нравах тогдашней Любляны. При этом автор, с одной стороны, опирался на документальные свидетельства (дневники Ф. Рихтера, выдержки из газетной периодики), с другой — давал волю своей романтической фантазии в описаниях люблянских любовных походов императора Александра I или князя Меттерниха. Иногда с юмором, но чаще с пафосом Тавчар описывает, как высокие гости прибывали в город, где селились, как их встречали

горожане, оказавшиеся, пожалуй, впервые в истории в эпицентре важнейших событий своего времени. Население города выросло почти на пятьсот человек (только в свиту австрийской императорской четы входило свыше двухсот сопровождающих), их надо было обслуживать, соответственно доходы люблянцев возросли. Военные парады, театрализованные представления и церковные торжества сменяли друг друга. В романе представлен ряд ключевых исторических фигур постнаполеоновской эпохи, среди которых, помимо вышеназванных, — король неаполитанский Фердинанд IV, герцог монденский Франц IV, министр иностранных дел России граф К. В. Нессельроде и др. Внешняя атрибутика, костюмы, манеры, речь персонажей говорят о том, что автор изучал изображаемую эпоху, знаком с рядом документов. На страницах романа мимоходом появляется и гимназист старших классов, с любопытством наблюдающий за происходящим, — Ф. Прешерн. В дальнейшем историческая тема найдет развитие в лучшем романе писателя «Хроника усадьбы Высокое», опубликованном в 1919 г.

Несмотря на немалые достижения этих прозаиков, в общественном сознании постепенно нарастает неудовлетворенность особенностями их реализма, ограниченностью критического осмысления действительности, известной тематической узостью. Назревает и становится все острее потребность в актуализации литературы, расширении ее идейно-тематического диапазона, углублении социального анализа. Эти тенденции в основном прокладывают себе путь в творческих устремлениях молодых словенских литераторов.

Из писателей старшего поколения в наибольшей степени этим задачам в 1890-е гг. соответствует творчество А. Ашкерца. Воплощая в себе реалистическую линию развития словенской поэзии, оно открывает новые идейно-тематические горизонты. В начале рассматриваемого периода у Ашкерца преобладает его излюбленный жанр — баллада со все более заметными реалистическими чертами. Это относится к балладному циклу о крестьянских восстаниях XVI в. «Старая правда», дающему глубокую, исторически верную трактовку событий и воспевающему многострадальный народ, борющийся против жестокости феодалов и национального угнетения. К середине 1890-х гг. реализм Ашкерца становится более последовательным. Значительно расширяется и усложняется разрабатываемая им проблематика — поэт вносит в словенскую литературу новые острые вопросы и темы. Католический священник, полностью разуверившийся в религии и пришедший к материалистическому миропониманию, Ашкерц решил на смелый в условиях Словении того времени шаг — отказ от своего сана

4 Ibid. S. 163–169.

(1898). Его философские искания находят выражение и в поэзии (стихотворения «Я», «Свет из бесконечности», «Полет»).

Все более важное место в творчестве поэта занимает тема социальной несправедливости. В 1894 г. он переведен по службе в шахтерский поселок Шкалы под Веленьем, где непосредственно видит жизнь и тяжелый, опасный труд шахтеров, сближается с социал-демократами, читает их прессу. Он первый вводит в словенскую поэзию тему пролетариата, некоторые свои стихи обращает прямо к рабочему читателю. Таково одно из самых последовательно реалистических произведений Ашкерца — цикл «Из песенника неизвестного бедняка», включенный в сборник «Лирические и эпические стихотворения» (1896). В этом цикле поэт перевоплощается в безымянного «бедняка», в одного из многих неимущих, оттеняя этим типичность его судьбы — беспросветную нужду, вечную заботу о куске хлеба. Цикл отличается простота формы, предельная лапидарность стиля. Острое недовольство существующей действительностью проявляется в особой интонации, в иронии — от грустной усмешки до едкого сарказма, особенно явственного в стихотворении «Вечерняя молитва бедняка», где «молитва» лишь сатирический прием, обращенная к Богу просьба не только помочь измученному нуждой труженику, но и облегчить богачу бремя его богатства:

Выходит, что удача — бремя
Для вылезшего в богачи.
Господь, лиши его богатства
И жизнь бедняге облегчи.

(Перевод Ал. Щербакова)

Тематически к циклу примыкает стихотворение «Песня рабочего о каменном угле» (1897), вошедшее затем в сборник «Новые стихотворения» (1900). В нем возникает картина тяжелейших условий труда шахтеров и грозящей им смертельной опасности:

Вот мы на дне. Вокруг идут проходы,
и мы, шахтеры, движемся по ним,
как черные кроты в норе подземной.
Темнее и труднее путь вперед.
Как сыро здесь, как тяжело дышать!
И жарче все... Быть может, близко пекло?
Да, многим людям это ад крошечный,
жестоко он карает их за грех —
за то, что жить хотят — что есть хотят...

(Перевод М. Рыжовой)

Стремление Ашкерца к осмыслению общих закономерностей действительности, отображению самой сути явлений в абстрагированном виде воплощается в своеобразном жанре восточной легенды или притчи. Чаще всего он облачает в такую форму свою сатиру на самые различные политические и социальные явления. Уже в середине 1890-х гг. поэт выступает как решительный противник милитаризма, роста вооружений, вскрывает их антигуманную сущность, прозорливо предостерегает против их опасных последствий и обличая «миролюбивые» декларации, прикрывающие военные приготовления. Особенно ярко и впечатляюще эти позиции отражаются в «татарском предании» «История о мире» (1894). В прозрачных «восточных» аллегориях зло высмеиваются лицепрятный суд и далекий от интересов народа парламент, возрастающая власть и культ денег, показная филантропия, ревностные клерикалы, подавляющие стремление людей самостоятельно мыслить. В «восточной сказке» «Смерть Сатаны» (1893) поэт саркастически обличает и осуждает весь существующий общественный строй — творимое им зло перерастает все традиционные представления о зле. Видное место в его творчестве занимают антиклерикальные мотивы, борьба за свободу совести, за свободное развитие человеческой личности. Все это делает Ашкерца в 1890-е годы духовным вождем молодого поколения словенских литераторов.

Для Ашкерца характерно осознанное, программное обращение не к Западу, не к немецкой культуре, а к славянскому миру. Он не скрывал братских чувств к другим славянским народам, считая их исторический опыт и культуру общим достоянием всех славян, включая словенцев. Ему принадлежит важная роль в развитии словенско-русских культурных связей, в популяризации русской литературы в Словении. Он высоко ценил Пушкина и Лермонтова, переводил их, будучи зрелым поэтом, испытал на себе некоторое воздействие творчества последнего. Ашкерц принял активное участие в создании «Русской антологии в словенских переводах» (1901), для которой перевел около ста тридцати стихотворений (А. Н. Майков, А. М. Жемчужников, А. Н. Плещеев, И. С. Никитин, В. С. Курочкин, Д. Д. Минаев, Н. А. Добролюбов, С. Я. Надсон, А. Н. Апухтин, Д. С. Мережковский, К. Д. Бальмонт и др.). Антологию он сопроводил обстоятельным послесловием и библиографическими справками о поэтах, нередко давая им выразительные характеристики. Отстаивая принципы реализма в литературе, поэт часто ссылался на творчество русских писателей, в его статьях и заметках встречаются упоминания или развернутые высказывания о Гоголе, Тургеневе, Салтыкове-Щедрине, Л. Толстом, Достоевском, Чехове, Горьком.

Традиции словенской реалистической прозы последней четверти XIX в. продолжают в начале нового столетия И. Тавчар, Ф. Детела, Ф. Масель-Подлимбарский и другие писатели. Для некоторых из них это лишь этап, порой довольно значительный в их творческой эволюции (Ф. К. Мешко, Й. Костаньеvec). Возобновляет в это время свою литературную деятельность видный словенский прозаик Я. Трдина, представитель так называемого фольклоризованного реализма, чье творчество стоит несколько в стороне от основной линии литературного процесса. Наиболее полно реализм проявляется в эти годы в творчестве Франа Финжгара (1871–1962). Разделяя воззрения христианского социализма и придерживаясь четко выраженных демократических позиций, Финжгар стремится отобразить жизнь различных социальных слоев, обращает внимание на положение пролетариата и сочувствует его стачечной борьбе (роман «Из современного мира», 1904). Но особенно ярко проявляется его реалистический талант в лучших повестях и пьесах из жизни словенского села, хорошо знакомой и близкой писателю («Батрачка Анчка», 1913; «Цепь», 1919). Очень популярен его исторический роман «Под солнцем свободы» (1906–1907) о борьбе древних славян с завоевателями, проникнутый духом героизма и высокого патриотизма (при этом возникают отголоски романтических настроений). Симпатии Финжгара всегда оказываются на стороне притесняемых и несправедливо обиженных. Морализаторские тенденции писателя, связанные с его склонностью к этическим проблемам, ослабляют реализм некоторых произведений.

В середине 1890-х гг. возникает так называемое «новое течение» — словенская разновидность натурализма. Группу молодых писателей, представлявших это течение, возглавлял Фран Говекар (1871–1949). Странники «нового течения» ратовали за социальную значимость литературы, за правдивое отображение жизни современного общества. Характерно, что они не проводили четкой границы между натурализмом и реализмом, ставили между ними знак равенства или трактовали натурализм как «углубленный реализм», противопоставляя его эстетическим позициям Керсника. При этом Говекар нередко ссылался на творчество и концепции Золя. Отчасти «новое течение» стремилось восполнить то, чего не достиг словенский реализм XIX в. Оно расширило социально-тематические рамки прозы, более остро обличало общественные противоречия, мораль и нравы буржуазно-мещанских слоев, отображало жизнь неимущих, пролетариата. В этом и состояла литературно-историческая роль «нового течения», однако подлинной глубины социально-психологического анализа и больших художественных высот оно не достигло. Это было промежу-

точное явление, во многом носившее эклектический характер. Художественные принципы школы Золя, его экспериментального романа были освоены Говекаром лишь частично, на первый план выдвигались биологические моменты, теория наследственности (программный роман «В крови», 1896). В повествовательной технике часто проявлялись эпигонские псевдоромантические элементы. Несколько иную жанрово-стилистическую разновидность в рамках «нового течения» представляет Радо Мурник (1870–1932), выступавший в основном с юмористическими произведениями (роман «Грога и другие», 1895; рассказы).

Большей идейной и художественной значимости достигает творчество второго поколения натуралистов, вступивших в литературу на самом рубеже XIX–XX вв. или в 1900-е гг. К нему относятся новеллистки и драматург, лидер словенских социал-демократов Этбин Кристан (1867–1953), писательница Зофка Кведер (1878–1926), ряд произведений которой носили феминистическую направленность, писатель-юморист Фран Мильчинский (1867–1932), прозаик и драматург Лойз Крайгер (1877–1959), прозаики Иво Шорли (1877–1958), Милан Пугель (1883–1929), Владимир Левстик (1886–1957). Каждый из них внес свой вклад в словенскую литературу. Однако натурализм как течение не занимал центрального места в общем литературном процессе.

Ведущее, эпохальное значение для словенской литературы этого времени и ее дальнейшего развития имел «словенский модерн» — литературное течение, зачинателями и основным, определяющим ядром которого стали высокоодаренные художники слова — Иван Цанкар (1876–1918), Отон Жупанчич (1878–1949), Драготин Кетте (1876–1899) и Йосип Мурн (1879–1901). На раннем творческом этапе Цанкар был близок к Говекару, примыкал к «новому течению», которому сочувствовал и Жупанчич. Как самостоятельное, качественно новое литературное явление «словенский модерн» складывался в конце 1890-х гг. Некоторые исследователи последнего времени, руководствуясь вполне закономерным стремлением к типологическому соотнесению данного национального явления с мировым литературным процессом, его общей стилиевой системой, пытаются заменить понятие «словенский модерн» терминами «неоромантизм» или «символизм». Однако понятия эти неадекватны — «словенский модерн», при всей условности этого термина, значительно шире, многослойней. Это сложное, противоречивое, динамически развивавшееся явление с ярко выраженной новаторской устремленностью, что отражается на разных уровнях литературного процесса.

Имея отдельные типологически общие черты с аналогичными явлениями других европейских, в том числе и славянских ли-

тератур, особенно тех, что развивались в условиях национальной несвободы, «словенский модерн» отличался выраженным своеобразием. Его определяли не только особенности социально-политической ситуации в Словении и уровень ее литературного развития, но и более конкретные факторы. Это прежде всего те непосредственные условия, в которых еще в ранней юности начинало формироваться сознание будущих зачинателей «модерна», демократическая полупролетарская среда, откуда они вышли, их органическая, кровная связь со своим народом, его социальными и национальными чаяниями. Важным фактором, наложившим отпечаток на развитие «словенского модерна», были не только общественные, но и эстетические компоненты мировоззрения его представителей, заложенные в самом начале их творческого пути, — та первооснова, на которую позже наслаивались другие литературные влияния. Складывалась она из различных элементов. Это словенский и шире — славянский фольклор (в частности, сербские и украинские народные песни), словенские романтические традиции (прежде всего творчество Ф. Прешерна) и реалистическая, с четко выраженным общественно-критическим звучанием поэзия Ашкерца, немецкая классическая поэзия, хорошо известная словенской интеллигенции по школьной программе, и русская литература, которой в юности горячо увлекались все зачинатели «модерна» — русская поэзия (Пушкин, Лермонтов, Кольцов) и реалистическая проза (особенно Гоголь, несколько позже — Достоевский). Эта литературная первооснова оказалась настолько стойкой, что в произведениях ведущих представителей «модерна» проявлялась в течение всей их творческой деятельности, взаимодействуя с позднейшими наслоениями.

В развитии «словенского модерна» можно выделить два этапа: первый, короткий, до 1900 г. и второй — до конца рассматриваемого периода. На первом этапе неприятие социально-политической действительности, протест против буржуазно-мещанской бездуховности, филистерства, ханжества выражается уходом в чистое искусство, в царство мечты, туманных грез, смутных фантазий, в мир сокровенных переживаний и стремлений к единению с природой, со вселенной. Это совпадает с привлечением молодых литераторов к европейскому искусству тех лет, к декадансу и символизму. Они обращаются к французской поэзии, к немецкой, австрийской, бельгийской, чуть позже к скандинавским литературам. Все они попадают под обаяние поэзии Верлена, творчества Метерлинка, некоторых привлекают Бодлер, Демель, Гофмансталь. В какой-то момент возникает увлечение декадансом (не затронувшее Кетте), даже чисто внешнее бравоирование декадентской позы (Цанкар, Жупанчич).

Погружение в мир души, собственных чувств и восприятий вызывает процесс субъективизации художественного творчества. Для словенской литературы, где реализм XIX в. и натуралистическое «новое течение» были довольно поверхностны в отображении внутреннего мира человека, это раскрытие многообразия движений души, всей гаммы человеческих чувств, их тончайших оттенков — от мрачных и щемяще-трагических до высокого, светлого экстаза — явилось большим шагом вперед, способствовало углублению психологизма в лирике и прозе.

Пассивная форма протеста, позиция общественной отчужденности очень скоро, примерно к 1900 г., сменилась у молодых литераторов обращением к острым национальным и социальным проблемам. Цанкар, на своем горьком жизненном опыте сполна познавший полуголодное, почти нищенское существование, уже в начале 1900-х гг. сблизился с социал-демократами. Несколько позже познакомился с социалистическими идеями и Жупанчич, также хорошо знавший жизнь общественных низов. Оба они остро сознавали реальную опасность для национального существования словенцев, которую несла им политика германизации в условиях Австро-Венгерской империи. Однако этот второй этап в развитии «словенского модерна» почти не коснулся поэзии Кетте и Мурна, умерших в расцвете таланта от туберкулеза.

«Словенский модерн» представляет собой своеобразный синтез различных художественных принципов, впитавший и соединивший в себе компоненты разных стилей: кроме изначальных романтических и реалистических (реалистические тенденции в прозе и драматургии Цанкара получают дальнейшее развитие) в него органически входят элементы импрессионизма и символизма. В творчестве каждого из ведущих представителей «модерна», как и на разных этапах их художественного развития, доминируют те или иные из этих компонентов, образуя всякий раз сугубо индивидуальные сочетания и переплетения.

Импрессионизм и символизм входят в словенскую литературу одновременно, воплощаясь в творчестве одних и тех же писателей, а нередко и в одном и том же произведении. Явления импрессионизма носят здесь эпизодический характер и выступают как своего рода переходная ступень от реалистического изображения к субъективизации изображаемого. Так, импрессионистический пейзаж часто становится выражением «состояния души»⁵. Наиболее отчетливо импрессионизм проявляется в творчестве Мурна (поэзия

5 Patemu B. Problem simbolizma v slovenski književnosti // Obdobje simbolizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. (Obdobja, 4, 1 del). Ljubljana, 1983. S. 53.

мгновений, мимолетных настроений, близких к импрессионистической живописи зарисовок природы). Проступает он и в отдельных стихотворениях Жупанчича, и в некоторых рассказах Цанкара (иногда писатель прибегает к импрессионистической технике также в романах и повестях).

Символизм как проявление неоромантических веяний, смыкаясь с прочной романтической и постромантической традицией, получил в словенской литературе по сравнению с импрессионизмом значительно большее развитие. Однако он имел и свои особенности. В словенской литературе не было писателей, чье творчество умещалось бы в рамках символизма, не было символистов «в чистом виде»; не выступал здесь символизм и с декларативными, программными заявлениями, манифестами, не создавал собственных журналов и альманахов, не имел своей «школы»⁶. Обращение к идеалистической эстетике, поиски абсолютной красоты, абстрактной духовности, исключавшие общественную функцию литературы, были непродолжительными. Затем в течение почти двух десятилетий именно этой функции придавалось большое значение, что своеобразно сочеталось с субъективным началом. В использовании поэтики символизма — самой поэтики символа — в словенской литературе также есть своя специфика. Обычно символы соотносятся не с отвлеченно-мистической иррациональной сферой, а с объективной действительностью, чаще всего с трагедией своего народа или с мечтой, предощущением будущего, потенциальной исторической необходимости грядущих общественных преобразований⁷. При этом символы имеют более определенный смысл, утрачивают многозначность, неясность, таинственность, приближаются к аллегории, а иногда даже переходят в нее, часто они оказываются приемом, с помощью которого достигается высокая степень обобщенности. Случается и прямая конкретизация, раскрытие значения символических образов.

Еще до соприкосновения с литературой европейского символизма поэты «словенского модерна» спонтанно приступили к поискам новых выразительных средств, новых для словенского стихосложения размеров и ритмов, опираясь на фольклор, немецкую и русскую классическую поэзию. Затем эти устремления стимулировались знакомством с европейской поэзией конца XIX в. и в известной степени теоретически подкреплялись эстетикой символизма, абсолютизовавшей музыкальное звучание поэтического слова.

6 *Zadravec F.* Nekateri posebnosti slovenskega simbolizma // *Obdobje simbolizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi.* (Obdobja, 4, 1 del). Ljubljana, 1983. S. 13.

7 *Ibid.* S. 17.

Лирика «модерна» обогатила словенскую литературу новыми ритмами, достигла до сих пор не превзойденного совершенства в инструментовке стиха, его мелодичности, красоте звучания (особенно у Жупанчича). Мелодичней стала и проза — Цанкар писал особой ритмизованной прозой, что усиливало ее эмоциональное воздействие. Тяготение к магии слова, его музыкальности в значительной степени, соотносится с аналогичными положениями эстетики символизма. Однако отход от нее проявляется и в данном случае: хотя представители «модерна», особенно Цанкар, порой говорили о невозможности выразить словом самое глубокое и сокровенное, они в то же время придавали большое значение смысловой нагрузке литературной речи — смысл у них не исчезал за звуковой оболочкой, не утрачивалась коммуникативная функция языка. Более того, искусству слова, литературе как средству национального самоутверждения несвободного народа отводилась чрезвычайно важная роль. Жупанчич горячо верил в чудотворное могущество слова, которое для него «Альфа и Омега», «сказочная сила», призванная озарять людской «восторг и отчаяние, радость и боль» (стихотворение «Наше слово»).

Особенности словенского символизма создают возможность его органического сочетания с элементами реализма часто в одном и том же произведении, что служит единому идейно-художественному замыслу автора. Наиболее отчетливо реалистические черты проявляются в прозе и драматургии. Об этом свидетельствуют многие произведения Цанкара. Традиционные для реализма повесть и роман (обычно с социальной и этической проблематикой) как бы обретают дополнительный подтекст — некий отвлеченный смысл, отражая мироощущение автора, порой прибегающего к символическим образам. Символом становится персонаж с подробно разработанной психологической характеристикой, пейзаж или отдельный эпизод, внешне даже незначительный, но концентрирующий в себе глубинную суть, некое предопределение участи человека, группы людей, целого народа.

В силу специфики развития словенской литературы «модерн» выполнял ту важную социально-критическую функцию, носителем которой в других литературах (развивавшихся без значительных отставаний), как правило, выступал реализм. Более того, порождение своей эпохи, ее передовых устремлений, «словенский модерн» не ограничивался только критико-аналитической ролью, — он приоткрывал историческую перспективу грядущих социальных потрясений и перемен.

Все эти характерные тенденции литературного развития, свойственные «словенскому модерну», проявляются в поэзии

тех лет. Процесс субъективизации литературы ведет к расцвету словенской лирики, ее форм и жанров, к углублению авторской исповеди, расширению сферы психологических состояний человека и идейно-философского содержания произведений.

Каждый из ведущих представителей «модерна» вносит свой яркий вклад в это интенсивное, плодотворное развитие лирической поэзии. Несколько особое место среди них занимает Драготин Кетте, умерший в возрасте двадцати трех лет на подъеме творческих сил, полный надежд и далеко идущих художественных замыслов. В творчестве Кетте наиболее отчетливо проступает связь со словенской поэтической традицией от Прешерна до Ашкерца. Отсюда преобладание во многих его произведениях романтических и реалистических элементов, что нередко сочетается и с органической близостью к словенскому фольклору. Стремление Кетте к обновлению словенского стиха, к углублению его содержания — духовного и эмоционального, к развитию выразительных средств, соответствовавшее общим тенденциям «словенского модерна», в значительной степени возникает у него интуитивно, в процессе его собственного творческого развития. Цельная, здоровая натура с постоянным стремлением к самосовершенствованию, гармоничности, Кетте отрицательно, с предубеждением относился к декадансу, сравнительно поздно и в небольшом объеме познакомился с современными европейскими литературными веяниями — с поэзией Верлена, философией Метерлинка; некоторое приближение к поэтике символизма происходит у него спонтанно и в той лишь степени, в какой это соответствует его собственной творческой индивидуальности, то же относится у него и к возникновению у него иногда элементов импрессионизма.

Усвоив в детстве демократические, патриотические воззрения своего отца, близкие к позициям Ф. Левстика, Кетте видел спасение словенской нации в ее единстве, осуждал разгоравшуюся партийную борьбу, испытывая при этом неприязнь к словенскому клерикализму. Еще в люблянкой гимназии он написал злую сатиру на люблянского епископа, что послужило косвенной причиной его исключения из гимназии. Но подобные случаи в его творчестве единичны, он был против политической актуализации поэзии, его патриотическое самосознание сказывалось в близости к народному мироощущению, к самому духу народной песни и родной природы.

Выдающийся лирический талант Кетте ярко и разнообразно проявляется в любовной лирике, занимающей в его творчестве значительное место и отличающейся широтой эмоционального диапазона. У него есть шуточные, задорные стихи, особенно

близкие по своей художественной структуре к народной песне, иногда это веселый флирт с прекрасной корчмаркой («Ой, прекрасная корчмарка», «Перед корчмой», «В трактире»). Подобные любовные мотивы, часто имеющие идиллическую окраску, могут разнообразно сочетаться с живыми, прочувствованными, оттеняющими их картинами природы («На мосту», «Вечер», «Шумит лес» и др.); при этом нередко происходит идеализация сельского быта. Позже, в 1897–1898 гг., во многих стихах и нескольких стихотворных циклах («Прощание», «Воспоминания», «Тихие ночи» и др.) воплощается глубокое чувство безответной любви, иногда с трагическим призывом, томление о недоступной любимой, тоска и отчаяние с проблесками надежды. Но даже в самых пылких романтических стихах Кетте не превращает любимую в божество, сохраняет чувство собственного достоинства, ощущение своей духовной силы. Неповторимая творческая индивидуальность проявляется порой в своеобразном сочетании мотивов сердечной боли, страдания с разными нюансами иронии и самоиронии.

Порой в любовную лирику Кетте вплетаются философские мотивы, раздумья о смысле человеческого бытия, возможностях познания, духовных, нравственных ценностях. Такие раздумья наиболее последовательно воплотились в сонетном цикле «Мой Бог» (1898): осознание трагизма существования человека, воспоминания о детской душевной чистоте и слитности с природой, стремление подняться над обыденностью побуждают его обратиться к «Богу света, источнику гармонии», «источнику всех земных сил», к чему можно приблизиться не через книги и догмы (имеются в виду догмы официальной церкви), а иррационально, интуитивно, через любовь (включая любовь к женщине) и глубинную связь с природой, мирозданием. Светлое, искреннее религиозное чувство сочетается здесь с элементами пантеизма.

Подобно Прешерну и в силу своего неизменного пристрастия к гармонии Кетте нередко стремится внутренние диссонансы и порывы чувств нейтрализовать строгостью классических форм, с самого начала творческого пути обращается к сонету (в некоторых случаях отступает от традиционных канонов и в какой-то степени обновляет его метрико-ритмическую структуру и характер рифмовки)⁸, а в период зрелости летом 1898 г. пишет семь сонетных циклов, где в ряде случаев модернизирует традиционную сонетную форму, заменяет неизменный классический ямб дактилем (цикл «Прогулка»), пользуется дактилическими окончаниями, варьирует длину строки. Его новациям

8 *Martinović J.* Poezija Dragotina Ketteja. Ljubljana, 1976. S. 141–143.

следуют затем и другие словенские поэты. Встречаются у него и своеобразные, очень выразительные ритмические находки, тонко передающие эмоциональную тональность стиха:

Ночь уныла,
темна.
Заспешила
луна,
через площадь перебегает.
И настала
Тишь.
У фонтана
лишь
ветерок с водою играет.

(«На площади», 1897, перевод В. Корнилова)

Свободные, новые для словенской поэзии ритмы присутствуют в циклах «Новые аккорды» (1898–99) и «На молу Сан-Карло» (1898–99). Как переводчик Кетте особое внимание уделял русским поэтам — переводил Крылова, Батюшкова, Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Сборник стихов поэта «Стихотворения» вышел посмертно в 1900 г.

Годом раньше свой сборник стихов подготовил и издал Иван Цанкар, впоследствии крупнейший словенский прозаик, видный драматург и публицист. Его «Эротика» (1899) по своему составу и структуре неоднородна: если более ранние стихи (цикл «Хелена») созданы еще в духе европейских литературных традиций (в их своеобразном лиризме можно уловить связь с поэзией Гейне), то в цикле «Венские вечера» Цанкар отдает дань своему увлечению декадансом и вносит в словенскую поэзию новые для нее мотивы и мироощущение. Это мотивы чувственных любовных переживаний, греха и раскаяния, усталости, разочарования, отчаяния, выход из которого поэт видит только в смерти. Преобладающий фон в цикле — ночь (или поздний вечер), мрак, осень; в стихах цикла как бы присутствует приглушенный отзвук жизни столичной богемы.

Смерть предо мною ходит тихим шагом,
кладет мне на дорогу саван свой
и гасит свет, мои цветы истлели...
Ты не печалься, брось меня скорее,
моя любимая, смерть ходит предо мной.

(«Ты не бросай передо мной букетов...»,
перевод В. Корнилова)

Эти стихи шокировали наиболее консервативную часть словенского общества. По распоряжению люблянского епископа А. Б. Еглича было уничтожено почти три четверти тиража сборника — за «аморальность», в чем обвиняла автора одна из клерикальных газет. В знак протеста Цанкар замышляет новое, дополненное издание книги, что и осуществляет в 1902 г. В этом издании появляются стихи четкого социального звучания («В богатых каретах...»), возникают свободные ритмы.

Немало импульсов для дальнейшего развития словенской поэзии вплоть до наших дней исходит от творчества Йосипа Мурна (публиковавшегося под псевдонимом Александров), одного из виднейших словенских лириков. В его творчестве отчетливо проявляется «русский след». В 1897–1898 гг. он пережил период пылкого увлечения поэзией и личностью М. Ю. Лермонтова; в стихах Мурна можно обнаружить не только отдельное созвучие, реминисценции, но и вполне осознанное подражание любимому поэту, имитацию его стиля и мироощущения, в чем-то близкого самому Мурну. Незаконнорожденный сын бедной служанки, отданный на попечение посторонним людям, он всю жизнь испытывал чувство одиночества, страдал от общественной отчужденности, ему был близок образ Лермонтова — «гонимого миром странника», разлад с обществом Мурн облекал в форму романтического индивидуализма. Воздействие поэзии Лермонтова проступает в той или иной степени во многих стихотворениях Мурна, но особенно ярко и многообразно в дошедшей до нас в незавершенном виде поэме «Юношеский романс», в которой наряду с непосредственными обращениями к текстам русского поэта присутствует своеобразное отражение некоторых специфических особенностей литературной жизни Словении тех лет и отношение к ним поэта. Мурн также горячо увлекается и восхищается поэзией Кольцова, что особенно проявляется в «крестьянской лирике». Обращается он и к творчеству Т. Шевченко, позже увлекается А. Мицкевичем параллельно с восприятием новейших веяний европейской поэзии — импрессионизма и символизма.

В поэзии Мурна присутствует несколько тематических и стилистических пластов, тесно смыкающихся между собой, а иногда и перетекающих друг в друга. Ощущение одиночества поэт пытается преодолеть уходом в природу вплоть до стремления к слиянию с ней или сближением с жизнью простых, близких к природе людей — словенских крестьян. Замечательный лирик, Мурн был наделен удивительно тонким чувством природы, в своих стихах он улавливал многообразные оттенки ее красок — ярких и приглушенных, отблески и тени, ощущал дыхание мороза и жар

палящего солнца, запахи земли, сена, цветущих полей гречихи, слышал целую гамму звуков — от пения и криков различных птиц до колокольного звона; здесь присутствует и таинственный голос вселенной, и колыхание травинки — вся красота родного края, его горы, леса, поля, утренние и вечерние зори, ночное звездное небо. Стилистически такие стихи чаще всего связаны с импрессионизмом. Природные явления тесно сплетаются с его эмоциональной и духовной жизнью, способствуя ее выражению. Причем природа может гармонизировать или контрастировать с душевным состоянием человека и не всегда оказывается прибежищем, домом, а становится иногда и неприязненной силой (например, осеннее запустение, зимние холода). В стихотворении «Снег» своеобразно воплощается представление поэта о его жизненном положении: импрессионистическая зарисовка заснеженного простора, тихо, беспрестанно падающий снег, безмолвие, лишь на несколько мгновений нарушенное звоном бубенцов, наводит лирического героя на раздумье о смысле его существования — о словно канувшем в снег прошлом, о будущем — неизвестном, теряющемся в снежной дали, в бесконечности. Возникает ощущение потерянности, бесперспективности жизни:

Ты застишь все, летящий снег,
немой бескрайней пеленою.
Звон бубенцов, коней разбег —
и вновь лишь ты передо мною.

Где прожитые годы, дни?
В глухих сугробах... Не отрою...
Надежду не похорони,
о снег, под белой пеленою!

(«Снег», перевод В. Корчагина)

Эмоциональная палитра лирики Мурна отличается большим многообразием оттенков чувств и настроений — здесь и щемящая тоска, и уныние, и самоирония — то горькая, то шутовская, и мечты о свободе и душевной гармонии, и сладкая грусть, и любовное томление. Страх как предчувствие близкой смерти (например, «Не пойду через поляны»), ощущение неумолимости рока, предваряющее образность экспрессионизма, соседствуют с радостью, которую дарит природа, открытостью солнцу, весне, добру («Весенний романс», «Весеннее предчувствие»). В любовной лирике, достаточно разнородной по охвату переживаний, даже горестные мотивы неразделенного чувства или измены возлюбленной («Ах, забыть», «Ночи», «Fin de siècle» 1–2) не име-

ют подлинно трагической глубины. Часто встречаются светлые, задорные, даже с призывом игривости и чувственности любовные стихи («Как роза на поляне», «На холме» и др.), во многих случаях по духу и стилю близкие к народной песне.

Не приемля бездушия и лицемерия городских буржуазно-мещанских кругов, с которыми ему приходилось соприкасаться, мечтая о духовном и физическом здоровье, гармоничности бытия при постоянном естественном контакте с природой, поэт обращается к жизни и обычаям словенских крестьян («Вот, женился бы я», «Крестьянская песня», «Зимняя крестьянская песня», «Сваты»), воспекает и крестьянский труд — сам процесс труда, тяжелого, но радостного, и его плоды («Томление», «Песня о колосе», «Косарь»). Нередко в подобных стихах полностью растворяется субъективное «я», происходит объективизация лирики и своеобразная имитация фольклора⁹ с использованием его особенно выразительных, тщательно отбираемых элементов — народных речений, обрядовых присловий, заклинаний.

Мурн поэтизирует и идеализирует крестьянскую жизнь, она представляется идиллическим бытием, где царит гармония и достаток, социальный аспект практически отсутствует (приглушенные намеки в этой области встречаются лишь в двух случаях). Это не реальная действительность, а прекрасная мечта. «Образы, картины, явления крестьянских будней и праздников, фольклорное духовное наследие, импрессионизм, рождаемые природой, как фон всего этого — несомненные символы, исполненные стремления к недостижимому, прекрасному, гармоническому, доброму, которое со сладостной болью захватило европейского поэта на рубеже веков»¹⁰. С поэтикой символизма, придававшей большое значение звучанию стиха, связаны и поиски новых выразительных, соответствующих замыслу поэта ритмов, и кое-где возникающая звукопись. В рамках таких поисков происходит освоение и широкое творческое использование ритмики Кольцова, в первую очередь его «пятысложника». С символизмом связано и своеобразное экспериментирование Мурна в 1899–1900 гг. — в его стихах появляются элементы парадокса, смысловая неясность, недосказанности вплоть до синтаксических нарушений. Книга стихов Мурна «Стихотворения и романсы» вышла посмертно в 1903 г., тогда же его поэзия получила признание и в дальнейшем оказывала воздействие на многих словенских поэтов XX–XXI вв.

9 Snój J. Josip Murn. Ljubljana, 1978. S. 225–230.

10 Ibid. S. 218.

Вступив в литературу в 1890-е гг. одновременно с другими зачинателями «словенского модерна», О. Жупанчич стал впоследствии крупнейшим словенским поэтом первой половины XX в. После смерти Кетте и Мурна он сознавал себя преемником их общих духовных и литературно-реформаторских устремлений, продолжая и соответственно преобразуя их на новом этапе. Одним из исходных моментов ранней поэзии Жупанчича (как у Кетте и Мурна) было народно-песенное начало, проявлявшееся то отчетливее, то приглушеннее и в дальнейшем. В конце 1890-х гг. в той или иной степени и форме в его творчестве начинает ощущаться воздействие Бодлера, Верлена, Демеля, позже, с середины 1900-х гг. — Уйтмена и Верхарна. Жупанчич пережил кратковременное и неглубокое увлечение декадансом, оставившее следы лишь в некоторых стихотворениях его первого сборника («Чаша упоения», 1899). В нем преобладает интимная, в основном любовная лирика. Молодой автор уже здесь выступает новатором в области словенского стихосложения, вводит новые ритмы и размеры, широко использует свободный стих, расширяет возможности словенской рифмы. Очень скоро Жупанчич отходит от принципов «чистого искусства», выступает за связь литературы с жизнью народа, задумывается над исторической судьбой словенцев, предвидит неизбежность важных перемен в их будущем (стихотворения «День всех живых», «Песня молодежи», 1900). В этих программных стихах — пафос борьбы, устремленность в будущее. Позже они вошли в сборник «По равнине» (1904), открывающийся одним из самых сильных по своему эмоциональному воздействию произведений Жупанчича — циклом «Манам Йосипа Мурна-Александрова») — своеобразным реквиемом умершему другу, обобщенно отражающим трагическую участь словенского поэта и шире — всех выдающихся представителей словенского народа, а значит, и его судьбу. Но, несмотря на глубокую скорбь и мотив мученичества, цикл заканчивается оптимистически — символическим образом Мужества. В целом в лирике этой книги преобладает оптимистическое мироощущение, проступают черты импрессионизма и символизма, фольклорно-романтические элементы. Но постепенно — как общая тенденция развития — мимолетное, случайное все чаще заменяется у Жупанчича существенным, глубоким. Налицо своеобразная концентрация мысли и эмоций, благодаря которым достигается высокая степень обобщения при соответствующем укрупнении образов, часто имеющих характер символов — отвлеченных, многозначных или, еще чаще, поддающихся вполне конкретной расшифровке. В некоторых стихотворениях, созданных

в 1910-е гг., встречаются элементы зарождавшегося тогда в словенской литературе экспрессионизма.

Во время поездки в 1905 г. в Париж Жупанчич слушает выступления А. Франса и Жореса, зачитывается Уйтменом и Верхарном, задумывается над философскими, социальными, эстетическими проблемами, что проявляется в сборнике «Разговоры с собой» (1908). В нем отражаются размышления над вопросами бытия и человеческого познания, поиски смысла жизни и творчества, сомнения, ощущение крайней противоречивости действительности, а порой и трагическое одиночество. Возникающие мотивы богоискательства сменяются ироническим скептицизмом («Мой бог»), а иногда даже атеизмом, хотя в этот период Жупанчичу более свойственно пантеистическое возвеличивание природы как результат субъективно-лирического ее восприятия. Человек с его сложным внутренним миром предстает на фоне необъятных далей вселенной, в перспективе вечности. Если раньше космические образы выступали в функции символов, знаменующих беспредельность духовного мира поэта, взлетов мечты, масштабов страданий, то теперь помимо этой функции они создают объективно существующую картину вселенной. Размышляя о ее бесконечности, поэт глубоко верит в силу человеческого духа, в его устремленность к познанию, что раскрывает перед человеком неограниченные возможности — способность достигнуть любых глубин и высот, постичь «последние тайны» («Пробуждение»).

Расширение кругозора Жупанчича определяет и его новый подход к теме родины, возникновение при этом социального аспекта. Его тревожит массовая эмиграция словенских крестьян в поисках заработка в Америку и некоторые страны Европы, что в сочетании с другими существенными проблемами современности отражается в одном из лучших произведений поэта, богатой и сложной по содержанию лирической поэме «Дума». Это, прежде всего, вдохновенная песня горячей и нежной любви к родине и ее трудолюбивым людям.

Бродил я по нашей земле и впивал ее красоту.
Я любил нашу землю. Как девичьи груди,
трепетали на солнце поля в полуденной истоме.
Я окунался в спокойные волны пшеницы,
бродил я один, погруженный в неясные мысли,
в молодые желанья свои.

(«Дума», перевод М. Ваксмахера)

Из колоритных пейзажных и бытовых зарисовок складывается неповторимый облик родного края поэта, а затем и

обобщенный образ родины. Но романтическому восприятию жизни словенских крестьян, ее патриархальной идиллической благодати (женский голос в начале поэмы и авторские воспоминания во второй ее части) противостоит «песня больших городов», гимн достижениям человеческого труда, технического прогресса, гениальной прозорливости научной мысли, возможностям искусства. В связи с «песней городов» в творчестве Жупанчича отчетливо возникает тема пролетариата. Знакомый с идеями социализма, поэт возлагает надежды на его историческую миссию, на грядущие общественные преобразования. Он создает обобщенный образ рабочего, горячо ему симпатизируя. Словенские эмигранты тоже вливаются в огромную армию пролетариев, но на чужбине часто гибнут, особенно в шахтах. Одна из таких трагедий раскрывается в имеющих фольклорную окраску горестных причитаниях вдовы, получившей известие о гибели сына. Но если эмигранты и выживут, то неизвестно, вернуться ли они на родину. Так, в представлении Жупанчича, родина с ее сыновьями растекается по свету. Жизненный, объективный характер содержания поэмы и глубокое волнение автора при подходе к наболевшим вопросам определяют особенности ее стиля. Жупанчич отдаляется от связанного с символизмом мира поэтических видений, образы здесь, как правило, четки и конкретны и в то же время имеют яркую лирико-эмоциональную окраску. «Думу» отличает новизна, смелость, свежесть тропов; широте охвата явления в поэме соответствует ее звучание — преимущественно свободный стих с удивительной эмоциональной гибкостью. Важное место занимает в сборнике тема творчества, осмысление роли поэта в мире («Ночной псалом», «Эпилог»).

«Дума» открывает новый этап в творчестве Жупанчича — его повышенное внимание к социальной проблематике, что проявляется в стихотворении «Голод» (1909), где создается исключительно выразительный гротескно-символический образ голода-волка, едущего верхом на голодном человеке, и слышится саркастическое предупреждение сытым, имеющее революционное звучание. Но если здесь борьба обездоленных выглядит как стихийный, мрачный бунт голодных, то в стихотворении «Песня кузнецов» (1910) она предстает как гордая, жизнерадостная, организованная сила, возникает зримый образ многоликой армии пролетариев Словении — шахтеров Идри и Трбовля, сталеплавильщиков из Капле, грузчиков Триеста, столяров из Шент-Вида, идущих сплоченными шеренгами. Вступление и заключение стихотворения рисуют символический образ кузнецов, людей, кующих в своих сердцах волю к борьбе:

Мы, сколько есть нас, кузнецов, куюм упорно,
куюм сердца свои и волю, озаряя тьму,
и звону вещему внимаем в кузне черной...
Почему?

Быть может, вдруг услышим под кувалдой
из чистой бронзы сердце, чей призыв,
как колокола песнь, великой правдой
всех соберет нас, для борьбы сплотив.

(«Песня кузнецов», перевод П. Семьикина)

В обличительном стихотворении «Песня гвоздильщиков» (1912) с помощью выразительной звукописи воссоздана обстановка бесчеловечных условий изнуряющего труда рабочих:

Вздых — взмах, вдох — взмах,
вой бури в мехах,
горячие гвозди в глазах.
до вечера гвозди, гвозди в глазах.

(Перевод А. Суркова)

Тематику многих произведений Жупанчича последующих лет обусловили Первая мировая война и общественное движение, связанное с распадом Австро-Венгрии и образованием Югославии. Еще накануне войны поэт создает провидческое стихотворение «Dies irae» («День гнева», 1914), облеченное в иноказательную, насыщенную апокалиптическими мотивами, близкую к экспрессионистической образности форму — предчувствие грядущих ужасов войны и последующих социальных потрясений. Авторское отношение к войне выражено в стихотворениях «Дети молятся» (1915) «Разговор» (1915), «Ребенок лепечет» (1915), показывающих бесчеловечность, абсурдность войны через восприятие ее детским сознанием. Сочувственное отношение к народным выступлениям проявилось в стихотворении «В Юрьев день 1918 года». Поэт горячо откликается и на многие другие события и важные общественно-политические вопросы тех лет в стихотворениях «Наше письмо» (1917), «Вопросы» (1918), «Наше слово» (1918) и др. Стихи Жупанчича 1908–18 гг. включены в сборник «На заре Видова дня» (1920). Сюда вошла также глубокая интимно-философская лирика — осмысление бытия человека: рождения, жизни, смерти; лирика эта, как правило, окрашена и индивидуальным мироощущением поэта, чувством радостного восприятия природы, гармонического слияния с ней, что проявилось в таких шедеврах, как «Тих этот край», «Озеро». «Золотые утра» и др.

Духовный кругозор Жупанчича очень широк, его поэзия — явление сложное, многообразное, стоящее вровень с достижениями европейской литературы своего времени. В творчестве поэта раскрывается богатый и напряженно-динамический внутренний мир человека с широчайшей амплитудой — от сугубо интимных мыслей и чувств до высочайшего гражданского пафоса. Здесь нежность и страсть, томительное сомнение и поиски смысла бытия, пылкий интерес к новейшим открытиям и раздумья о возможностях человеческого познания. Острая, щемящая тревога за судьбу родины сочетается с осмыслением перспектив исторического развития человечества. В поэзии Жупанчича слышится гимн средоточию творческого гения в науке и искусстве — гимн большому современному городу, где зреет и устремленное в будущее сознание организованных рабочих. Первостепенное значение для Жупанчича имела тема творчества, осознание высокой миссии поэта-творца и той общественно важной функции, которую он сам и его сподвижники отводили литературе. Несмотря на трагические ноты, его лирике свойственны жизнелюбие и оптимизм. В этих стихах много света, в них нередко присутствует ощущение космических просторов. Небесное и земное — все у него обычно излучает сияние: солнце и звезды, зори и блики на водной глади, белоснежные крылья плывущего лебедя и золотые плоды на ветвях. Часто произведения Жупанчича захватывают художественным совершенством, неожиданностью, новизной образов. С образами зрительными гармонически сочетается звукопись, виртуозная инструментовка стиха и его ритмика, воспроизводящие то шум ветра или колокольный звон, то шелест листвы или скрежет машинных колес, удары молота по наковальне.

В 1924 г. поэт пробует себя в драматургии — пишет историческую трагедию в стихах на известный сюжет национального прошлого «Вероника Десеницкая», в дальнейшем много переводит, положив начало новой отечественной переводческой школе. Сам он перевел восемнадцать трагедий и комедий Шекспира, произведения многих английских, французских, испанских, немецких, русских авторов. Стоящая вровень с высокими художественными достижениями европейской литературы своего времени, глубокая по мысли, по содержанию, обладающая большой эмоциональной силой, новаторская, захватывающая красотой поэзия Жупанчича оказала существенное воздействие на творчество современников и, несмотря на возникновение новых течений, в известной мере на все дальнейшее развитие словенской поэзии.

Поэты «словенского модерна» определяли тот основной, во многом новаторский путь, по которому пошла словенская поэзия. Их современники и последователи, как правило, в эти

годы не могли сравниться с ними по степени одаренности. Но то, что ими создавалось, позволяет говорить о развитии «словенского модерна» как литературного направления. К нему относятся Фран Эллер, Рудольф Майстер, Цветко Голар, Вида Ерай (Франица Вовк), Радивой Петерлин-Петрушка, Воеслав Моле и др. В русле «словенского модерна» начинается творческий путь и ряда достаточно видных поэтов, создавших свои наиболее значительные произведения в последующий период. К их числу принадлежит выдающийся словенский лирик Алойз Градник (1882–1967); печатавшийся в журналах с 1902 г., он издал свой первый сборник стихов «Падающие звезды» в 1916 г. Уже в это время во многом определяется его самобытный художественный почерк и основные идейно-тематические пласты поэзии.

Граднику — особенно в этот ранний период — свойственно трагическое мироощущение, близость к философским воззрениям Шопенгауэра. Значительное место в его лирике занимают любовные мотивы. Если вначале это элегически окрашенное юношески смутное томление по любимой, то к концу 1900-х гг. оно постепенно сменяется порывами неодолимой, безрадостной всепоглощающей страсти, накал которой в своей откровенности еще не был знаком словенской поэзии. Сила этого испепеляющего чувства граничит уже со смертью, которая также становится у Градника одним из важнейших мотивов, присутствуя во всех тематических пластах его поэзии и проявляясь как существенная черта его мироощущения. Мотивы любви и смерти нередко соединяются, сливаются (несколько позже это становится еще очевиднее и формулируется поэтом как контаминация «Eros–Tanatos»).

Как вино, тебя, Любовь, пил вволю,
вволю пил, не жаждал отрезать.
Пил и упивался я тобою,
ты была на самом деле — Смерть.

В пропасти твои с тревогой, с болью
всматривался — и не мог смотреть,
и не ведал, что ты стала, Смерть,
самую таинственной Любовью.

(«Eros–Tanatos», перевод В. Корнилова)

Важную функцию в образной системе Градника приобретает все то, что находится под поверхностью земли, — черепа, мертвецы, переплетающиеся корни растений, подземные струи воды, тление — и прорастание, зарождение новой жизни.

Подобные образы часто имеют символический смысл. Но земля предстает у Градника и совсем в иной трактовке, это мать-земля, с которой сам он кровно связан и которую любит сыновней любовью. От нее исходит все великолепие, многоцветие, захватывающая красота садов, полей, виноградников родного края (в их изображении у Градника возникают импрессионистические черты). Упиваясь красотой родного края, поэт рисует «поля, полные солнечного золота», и алое цветение персиковых деревьев. В период с 1909 по 1915 г. выходит цикл «Брдские мотивы», в период с 1911 по 1915 г. — «Истрийские мотивы», где на фоне пышной или, наоборот, угрюмой и скудной природы предстают обитатели края — арендаторы и бедные крестьяне, виноградари, садоводы, которые не могут воспользоваться плодами своего тяжелого труда. Автор с большой художественной силой и душевной болью показывает подлинные условия жизни словенской (преимущественно приморской) деревни, ее социальные беды. В годы Первой мировой войны стихи Градника отмечены антивоенным звучанием и отражают бедствия его земляков. В них получает дальнейшее развитие патриотическая тема (до этого нашедшая выражение в любовании родной землей). Так, нерасторжимая, глубинная связь с родной землей и своим народом особенно ярко проявилась в «Песнях старого беженца», выражающих чувства самого автора. Искренность и глубина, отличающие лирику Градника в этот период, сохранились в ней и в дальнейшем.

В последнее десятилетие рассматриваемого периода, особенно накануне и в годы Первой мировой войны, в словенской поэзии появляется экспрессионистическая образность. Она выражает резкую дисгармоничность мира, предчувствие надвигающейся апокалипсической катастрофы (стихотворение Жупанчича «День гнева»), вопиющую жестокость и бесчеловечность происходящего (некоторые «военные» стихотворения Ф. Бевка). Возникновение экспрессионистических элементов в творчестве отдельных поэтов этого периода явилось началом достаточно широкого развития экспрессионизма в словенской литературе в 20-е гг. XX в.

Существенные, качественно новые явления в прозе рассматриваемого периода также в первую очередь связаны со «словенским модерном» — с творчеством И. Цанкара. Воздействие этого выдающегося художника слова испытало на себе большинство словенских прозаиков — его современников. Новое возникает у Цанкара на различных структурных уровнях — на идейно-тематическом, стилевом, жанровом, композиционном, даже интонационном и ритмическом.

Именно в произведениях Цанкара словенская проза существенно углубляет свою общественно-критическую проблематику, расширяет ее диапазон, воплощая ее в образности огромной художественной силы. Серьезный социальный анализ у Цанкара, основанный на его демократическом мировосприятии и социалистических убеждениях¹¹, сочетается с анализом психологическим, обретая значительную объемность и достоверность. При этом проявляются обе стороны творческой личности Цанкара — объективно-критическое и субъективно-лирическое начала в их своеобразном динамическом взаимодействии.

Уже раннему творчеству Цанкара был свойствен протест против несправедливости существующего общественного строя (кратковременный уход писателя в чистое искусство, в декадентство был также формой этого протеста). Во многих произведениях писатель обнажает глубокие социальные противоречия в обществе. Если уже Керсник показывал жизнь словенских буржуазно-мещанских кругов достаточно трезво и критично, то у Цанкара при обращении к этой теме критика становится намного глубже. Писатель поднимается до беспощадного обличения с элементами едкой иронии, сарказма, сатиры¹². Критике подвергаются лживость, лицемерие, беспринципность политиков-«патриотов», прикрывающих свои корыстные интересы громкими фразами о «благое народа», о «служении народу и родине» (комедия «На благо народа», 1902). Во многих произведениях Цанкар разоблачает «двойную мораль» этого общества — ханжество, маскирующее безнравственность, цинизм «хозяев жизни» (цикл рассказов «Истории из долины святого Флориана», 1908; фарс «Соблазн в долине святого Флориана», 1908; повесть «Алеш из Разора», 1907). У Цанкара ярко вырисовывается облик могущественного «хищника наживы», способного ради достижения своих целей на любые преступления, которые, он уверен, при существующем порядке вещей останутся безнаказанными (Кантор в драме «Король Бетайновы»). Этим персонажам противостоят образы борцов с общественным злом — сознательных, целеустремленных (Макс в драме «Король Бетайновы», кузнец Каландер в драме «Холопы») или стихийных. Иногда это персонажи второго плана, эпизодиче-

11 Подробно об идеологических и политических позициях Цанкара см.: Рябова Е. И. Общественно-политические и философские взгляды Ивана Цанкара // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 7. С. 222–246.

12 Об особенностях иронии Цанкара см.: Zadravec F. Sankarjeva ironija. Ljubljana, 1991.

ские, но они как бы высвечивают историческую перспективу, приобретая символический характер (убитый кузнец в романе «Мартин Качур»).

Наиболее значительный, монументальный, обобщенно-символический образ труженика, поднимающегося на борьбу за свои человеческие права и свое достоинство, создает Цанкар в повести «Батрак Ерней и его право» (1907). Автор обличает общественные условия, при которых элементарная справедливость и человечность вступают в противоречие с буквой закона — хозяин может выгнать на улицу старого батрака, отдавшего все свои силы тяжелой работе в усадьбе, ее благоденствию и процветанию.

Обычно цанкаровские бунтари, борцы за справедливость, за изменение условий жизни — это герои трагические. Они погибают в неравной схватке с общественным злом, которое у писателя часто вообще фатально тяготеет над человеком — не только над протестующими мятежниками, но в не меньшей степени и над пассивными жертвами. Однако это ощущение трагизма находится у Цанкара в диалектически противоречивом сочетании с оптимистическим взглядом в историческое будущее. Социалистические идеи поддерживают в нем веру в необходимость более справедливого переустройства общества. Как никто другой из его словенских предшественников и современников, Цанкар глубоко и достоверно раскрывает и внутренний мир «униженных и оскорбленных», жителей небольших провинциальных городков, рабочих предместий (писатель прожил около десяти лет в венском предместье Оттакринг), разоряющихся ремесленников, мелких чиновников, выброшенной за борт жизни богемы, а также сельских бедняков, влачащих существование в беспросветной нужде. Гуманизм писателя достигает особых высот, когда он, открывая перед словенской литературой новый социально-тематический пласт, вводит в нее глубокий анализ детской психики, раскрывает душевный мир несчастных, вечно голодных, страдающих от жестокости жизни детей (повесть «Грешник Ленарт», рассказы «Крестный путь», «Пышки», «В потемках» и многие другие).

Значительное внимание уделяет Цанкар роли и месту интеллигенции, незавидному положению словенского учительства, особенно сельского, на которое оказывают большое давление реакционные общественные силы (роман «Мартин Качур», драма «Холопы»). Его глубоко волнуют проблемы, связанные с искусством, с ролью художника, литератора в современном обществе. Словенские живописцы, скульпторы часто вынуждены покидать родину, где их творчество оказывается не востребо-

ванным — «отцы нации» полагают, что бедному зависимому народу надо заботиться только о выживании, о хлебе насущном, а искусство для него — излишняя роскошь. Оставшиеся на родине художники и поэты в произведениях Цанкара чаще всего погибают, умирают в нищете от чахотки (их прототипами служили друзья писателя поэты Кетте и Мурн) или кончают жизнь самоубийством — тема эта в разных вариантах широко представлена в его произведениях.

В годы Первой мировой войны в творчестве Цанкара с большой художественной силой получает воплощение антивоенная тема — чаще всего в обобщенно-концентрированном, а иногда и в отвлеченно-символическом виде (рассказы «Господин офицер», «Дети и старики», «Тот самый вопрос» из книги «Образы из сновидений»).

Значительно опережая своих словенских современников-литераторов, Цанкар в известном смысле стимулировал их идейно-художественное развитие. Это проявлялось в их обращении к важным проблемам современности, включая и те, которые затрагивал сам Цанкар, в углублении критического подхода к действительности и социальной мотивированности психологического рисунка персонажей (некоторые произведения Ф. Финжгара, И. Шорли, В. Левстика и др.).

Цанкар является новатором-первопроходцем и в области литературной формы, стиля и жанра. Он вносит в словенскую литературу своеобразное, уникальное в своем роде, органическое сочетание стилистических компонентов. В его творчестве получают дальнейшее развитие и углубление реалистические тенденции, что прежде всего связано с общественно-критической направленностью его произведений. Но объективная картина мира обычно воссоздается опосредованно — через отчетливо выраженное индивидуальное восприятие автора, и это субъективное начало не только придает его произведениям определенную эмоциональную окраску (лиризм, ирония), но и открывает путь элементам импрессионизма и символизма. Импрессионистический пейзаж у Цанкара часто связан с душевным состоянием персонажа или самого автора. Хотя Цанкар был знаком с творчеством многих европейских символистов и их концепциями (в частности, с философскими и эстетическими позициями Метерлинка, трудами Германа Бара и др.), сам он, как и Жупанчич, не признавал символизм определяющей основой своего творчества. Символы для него не были самоцелью, знаменем некой иррациональной «высшей реальности», а использовались для более глубокого раскрытия закономерностей исторической действительности и состояния человеческой

души. И даже там, где возникал некоторый оттенок трансцендентности, не утрачивалась соотнесенность с действительностью. Герметических, не поддающихся расшифровке символов у Цанкара мало — подразумеваемый смысл большинства из них угадывается, а в некоторых случаях прямо поясняется самим автором, что приближает их к аллегории. Символы у Цанкара образуют целую систему, возникая на разных структурных уровнях. В символ может превратиться место действия, определенное пространство, что происходит, например, в романе «На крутой дороге»¹³ (1902). Это не только «место жительства» беднейшей части населения городка, накладывающее на людей свой неизгладимый отпечаток. В конце романа в прозрении одного из главных персонажей местность эта как бы распространяется на всю страну, где живет обездоленный, нищий народ. Конкретный образ вырастает в большой обобщающий символ. Символическим может стать пейзаж (например, в рассказе «За праздничными лепешками», когда перед заблудившимися после ненастья детьми в лучах вечернего солнца возникает дивный вид далекого города как символ прекрасной, вечно звучащей и недостижимой мечты).

Значение символа может приобрести и персонаж, чей внутренний мир и характер глубоко и подробно раскрываются автором. Это, например, уже упоминавшийся батрак Ерней как обобщенный символический образ борца за свои права, воплощенное стремление к справедливости при невозможности ее достижения в существующих условиях. Это психологически тонкий и жизненно достоверный образ героини романа «Крест на горе» Ханцы, превращающейся в символ любви к родине и ее животворной силы. Это и довольно часто встречающиеся у Цанкара образы словенского фольклора, например, Король Матяж как символ надежды на народное освобождение. Иногда символом становится психологически мотивированный и с реалистическими подробностями описанный эпизод (символ-мотив)¹⁴, например, бег героини романа «На крутой

дороге» вдогонку за телегой; сценка эта, повторяясь затем неоднократно уже без деталей в памяти героини, символизирует ее жизнь. Такое сочетание — реалистичность изображения и вложенный автором в эпизод символический смысл, так же как и в случаях с реалистически разработанным характером персонажа, перерастающего в символ, — создает возможность естественного синтеза этих стилиевых компонентов.

Символы могут возникать и на стилистически-языковом уровне — в виде особо значимых метафор, эпитетов и т. д., по своему преобразуя казалось бы реалистический контекст. В произведениях Цанкара часто появляются христианско-литургические, евангельские образы-символы, знакомые каждому словенцу. Но Цанкар использует их не в духе католического догматизма, с поборниками которого в литературе он решительно полемизировал, а вкладывает в них нравственно-философский смысл или просто употребляет их как метафоры. Часто встречающиеся у него образы Голгофы и особенно креста обычно символизируют страдание и терпение.

Элементы импрессионизма и символизма возникают в творчестве и других словенских писателей этого периода в значительной мере именно под воздействием Цанкара, его стиля, влиянию которого в той или иной степени поддаются писатели разных направлений, не только непосредственные последователи «модерна» (Й. Регали, И. Лах, Ф. К. Мешко, В. Левстик и др.).

В этот период в словенской литературе происходит обновление традиционных прозаических жанров, что также прежде всего связано с творчеством Цанкара. Развивается и своеобразно видоизменяется жанр рассказа, к которому Цанкар обращался на протяжении всего своего творческого пути. На самом раннем этапе (1892–1899), ощущая себя прежде всего лирическим поэтом, он и в прозу, в рассказы вносил лиризм, автобиографические мотивы, но уже в 1897–1899 гг. он создал новый тип рассказа, характерный для сборника «Виньетки» (1899). Этим названием, взятым из графического искусства, Цанкар, вероятно, хотел определить некоторые особенности своих рассказов, в первую очередь, их краткость, а отчасти и фрагментарность¹⁵, что связано с обращением к импрессионистической технике письма. Иногда это наброски каких-то мимолетных ситуаций, чаще всего тех или иных состояний человеческой

13 Название романа «Na klancu» не имеет в русском языке точного соответствия: «klanc» — это круто поднимающийся в гору участок дороги (которая может проходить и через населенный пункт), то есть здесь это «крутая улица». Е. И. Рябова озаглавила свой перевод романа «На улице бедняков» (М., 1961) — по названию последней главы романа («Klanec siromakov»), из-за чего в известной степени утрачивается символический смысл заглавия романа (прим. автора).

14 Bernik F. Problemi slovenske književnosti. Ljubljana, 1980. S. 407–408.

15 Bernik F. Inovativnost Cankarjeve vinjetne proze // Bernik F. Problemi slovenske književnosti. Ljubljana, 1980. S. 313.

души. Внешнее действие сводится к минимуму, в ряде случаев оно вообще едва намечено или складывается из отдельных, порой хронологически не последовательных и даже не связанных между собой отрезков. Значительно более интенсивной становится в сборнике субъективная авторская окраска, в отдельных случаях в мироощущении и мотивах сказывается близость к декадансу, но в книгу вошли и рассказы, в которых преобладают реалистические черты. Проявляется в сборнике и блестящий сатирический талант Цанкара («О человеке, который потерял убеждения», «Глава о бородавке»). Его гротескные образы напоминают некоторые произведения Гоголя¹⁶.

В последующее десятилетие (1899–1909) параллельно с созданием повестей и романов Цанкар продолжает писать рассказы (сборники «Книга для легкомысленных людей», 1901; «На заре», 1903; «Истории из долины святого Флориана», 1908; «За крестом», 1909), где проявляется все богатство его творческой палитры. Если в предыдущий период писатель лишь закладывает основы современного психологического рассказа, то теперь эта жанровая разновидность в словенской литературе достигает под его пером высокохудожественного уровня. Несколько меняется форма рассказа, его композиция — в большинстве случаев рассказы утрачивают свою краткость, импрессионистическую фрагментарность, реже встречается повествование от первого лица. Часто возникают драматические коллизии, хотя по-прежнему рассказы проникнуты лиризмом и субъективным авторским мироощущением. Иногда это проявляется в символических образах, хотя в рассказах с острой социально-критической доминантой значительны реалистические элементы.

В последний творческий период (с конца 1909 по 1918 г., особенно с 1914 г.), когда рассказ вновь становится преобладающим, почти единственным жанром у Цанкара, писатель возвращается к предельно краткому рассказу без фабулы с повествованием от первого лица, но при этом возникает существенное отличие от «Виньеток». В его рассказах теперь нет импрессионистической эскизности, мысль и эмоции автора концентрируются не на случайном, а на чем-то важном, возрастает самоуглубленность, медитативность, значимость этического начала. Тенденции эти сказываются в сборнике «Моя нива» (создан в 1914 г., опубликован после смерти писателя),

особенно в цикле «У святой могилы», посвященном памяти матери. Но наиболее последовательно они проявляются в сборнике «Образы из сновидений» (1917), где мучительная душевная боль писателя, вызванная военной трагедией, и его высокий патриотизм, вера в возрождение своего народа часто воплощаются в иносказательно-символической форме, в сочетании реальности и сказочно-фантастических элементов. Некоторые гротескные образы, а иногда и мироощущение писателя с определенным оттенком спиритуализма соотносятся уже с экспрессионистской поэтикой.

К жанру рассказа в этот период обращается большинство словенских писателей разных направлений. Некоторые из них продолжают творить в традиционной манере, но многие отдают дань тому новому, что привносит в этот жанр Цанкар. Под влиянием Цанкара в словенском рассказе значительно углубляется психологизм, часто возникает интенсивная субъективная окраска, появляется лирический (импрессионистический) пейзаж (К. Мешко, И. Регали, И. Лах, Ф. Финжгар, З. Кведер, В. Левстик, М. Пугель).

Очень значительна роль Цанкара и в развитии словенского романа. Замысел особой композиционной структуры этого жанра писатель впервые воплощает в романе «На крутой дороге». В процессе работы над ним автор пояснял в одном из писем, что роман составлен из ряда новелл, каждая из которых представляет целостное произведение и «одновременно по содержанию и идее тесно связана с предыдущей и последующей»¹⁷. Цанкар успешно осуществил свое намерение, создав произведение большой художественной силы и глубины. Но если этому роману свойственна временная последовательность в расположении новелл (эпизодов из жизни главной героини, прообразом которой была мать писателя), то в других романах подобного новеллистического или циклического типа хронологический принцип не соблюдается. Дробность, мозаичность композиции этих романов исследователи справедливо связывают с импрессионистической техникой¹⁸. Особенно наглядно эти черты проявились в романах «Обитель Марии Заступницы» (1904) и «Нина» (1906).

Основное место действия в первом из названных романов — приют для неизлечимо больных детей, больничная пала-

16 О воздействии творчества Гоголя на Цанкара, и в частности в этом случае, см.: *Kreft B.* Cankar in ruska književnost // *Slavistična revija*, 1. XVII, 1969. Št. 1. S. 72–77.

17 *Cankar I.* Zbrano delo. Ljubljana, 1970. Knj. 26. S. 210.

18 *Bernik F.* Problemi slovenske književnosti. Ljubljana, 1980. S. 394, 400; *Bernik F.* Model tradicionalnega in model simbolističnega romana pri Cankarju // *Jezik in slovstvo*, 1. XXVIII, 1982/1983, № 1. S. 3–6.

та, где находятся четырнадцать девочек. Параллельно с основным, медленно текущим действием (взаимоотношения девочек, их разговоры, приход посетителей и т. д.) то и дело возникает ретроспективный план, в значительной степени разнородный, мозаичный. Образуются вставные новеллы (иногда с достаточно драматичным сюжетом) о жизни девочек до больницы, что раздвигает рамки повествования, способствуя многостороннему воссозданию жизни различных общественных слоев — от состоятельных и внешне уважаемых до самых бедных, постоянно страдающих от крайней нужды. Здесь, в социально-критическом ракурсе, нашли наиболее четкое выражение реалистические черты, присущие этому сложному в стилистическом отношении произведению, причем в двух новеллах обнаруживаются элементы натурализма¹⁹. То, что новеллы-воспоминания даются автором через восприятие девочек, через призму их сознания, всякий раз позволяя выявить их внутренний облик, свидетельствует о полисубъектном характере романа²⁰.

В романе присутствует еще один пласт — зыбкий, как бы обволакивающий текст, — это мир мечтаний и томлений безнадежно больных девочек, их душевных порывов, представлений о лучшей жизни, о смерти²¹. В стилистическом отношении этот пласт соотносится с символизмом, хотя символической образности в романе совсем немного. Несмотря на разнородность всех этих стилистических и содержательных пластов, произведение, благодаря целостной авторской концепции, производит впечатление органичного единства.

Иную структуру имеет самый нетрадиционный из романов Цанкара — «Нина». Семь глав романа соответствуют семи ночам, проведенным повествователем (по взглядам и мироощущению двойником автора) у постели умирающей девушки. Это обращенные к героине лирические монологи повествователя, в которых — и история их отношений, и вставные новеллы с собственным сюжетом — монологи, находящиеся в ассоциативной связи с судьбами двух главных персонажей. Здесь и вос-

поминания, и размышления как о вечных, философских, так и некоторых остросоциальных проблемах (в частности, об участии детей из рабочих предместий). К числу нетрадиционных относятся также романы «Новая жизнь», 1908 (с достаточно сложной структурой, вставными новеллами) и «Милан и Милена», 1913 (со своеобразным параллелизмом повествования о сходных судьбах юноши и девушки, словно предназначенных друг для друга, но никогда в реальной жизни не встретившихся).

Цанкар пишет и романы, традиционные по композиции («Чужие», 1901; «Крест на горе», 1904; «Мартин Качур», 1906). Но и в них есть то новое, что писатель привносит в словенскую литературу: сочетание различных стилистических компонентов, углубленный психологический анализ, напряженный лиризм, косвенно выражающий отношение автора к повествованию.

Эти характерные для творчества Цанкара особенности свойственны и большинству его повестей, причем провести четкую границу между повестью и романом очень трудно. У исследователей по этому вопросу существуют разногласия, что сказывается, например, в оценке таких произведений, как «Чужие» и «Госпожа Юдит», 1904. По своей композиции последнее из названных произведений²² сближается с новеллистическим романом Цанкара. Писатель создает и другие, новые для словенской литературы типы повести — повесть-жизнеописание («Жизнь и смерть Петра Новляна», 1903; «Последние дни Штефана Полянца», 1906), существенно развивает и обновляет повесть-притчу, наиболее ярким примером которой в его творчестве может служить уже упоминавшаяся повесть «Батрак Ерней и его право»²³.

Процессы, происходящие в словенской литературе в этот период, естественно, охватывают и драматургию. В этой области часто творят те же писатели, что и в повествовательных жанрах. Развивается традиционная реалистическая драматургия, иногда с эпигонскими романтическими отступлениями, а со второй половины 1890-х гг. с вкраплением элементов натурализма.

Еще на рубеже 1880–1890-х гг. в творчестве Йосипа Вошняка (1834–1911) возникают зачатки словенской политической драмы («Пена», поставлена в 1889; «Доктор Драган», 1894), которая вводит в словенскую драматургию тему тяжелого труда и борьбы про-

19 Один из враждебных Цанкару критиков Ф. Кобал обвинил писателя даже в «рафинированной, художественно совершенной порнографии», хотя никакой порнографии там нет и в помине (прим. автора).

20 Чепелевская Т.И. Повести и романы Ивана Цанкара 1900–1907 годов // На рубеже веков (Проблемы развития славянских и балканских литератур конца XIX — начала XX в.). М., 1989. С. 179–180.

21 Bernik F. Problemi slovenske književnosti. Ljubljana, 1980. S. 393–394.

22 Т.И. Чепелевская обоснованно относит его к жанру повести (см.: Чепелевская Т.И. Повести и романы Ивана Цанкара. 1900–1907 гг. // На рубеже веков. М., 1989. С. 181).

23 Подробнее см.: Чепелевская Т.И. Жанровая специфика произведения И. Цанкара «Батрак Ерней и его право» // Советское славяноведение. 1988. №3. С. 56–64.

летариата, опережая своей остротой разработку этой проблематики в повествовательных жанрах и поэзии. Но реализм Вошняка даже в его лучших пьесах еще ослаблялся мелодраматичностью²⁴, связанной со стремлением к более эффектной театральности. Следующий шаг в создании реалистической социальной драмы делает Этбин Кристан (1867–1953) лидер словенских социал-демократов. Его ранним драмам свойственна идейная прямолинейность, отражающая идеологические позиции автора — четкое противопоставление владельцев предприятий и рабочих. В частности, это присуще драме «Верность», опубликованной в социал-демократическом печатном органе «Делавец» («Рабочий») и ставившейся в самостоятельных рабочих театрах (1897). В дальнейшем в драмах Кристана углубляется психологизм, сочетающийся с элементами натурализма. Дань натуралистическим веяниям отдают в своих пьесах в конце XIX в. Антон Фунтек (1862–1932) — «Из мести», поставлена в 1896, и Энгельберт Гангл (1873–1950) — «Сын», поставлена в 1898, опубликована в 1899; «Плод греха», опубликована в 1901. Все это семейные драмы, в которых также еще ощущаются связи с романтическими традициями.

Важнейшую роль в развитии словенской драматургии в 1900-е гг., как и в повествовательных жанрах, играет «словенский модерн» в лице Цанкара, деятельность которого как драматурга имеет очень разносторонний и новаторский характер. Создавая новые для словенской литературы образцы драматургии, Цанкар обращался к таким далеко отстоящим друг от друга литературным источникам, как пьесы Ибсена, гоголевский «Ревизор», народная балаганная комедия, современная символистская лирическая драма. Но при этом произведениям писателя свойственна самобытность, они воплощают глубоко личные авторские идеи и миропонимание. Цанкар написал шесть пьес (не считая ранней драмы «Романтические души», 1897, которой не придавал большого значения), и все они существенно отличаются друг от друга в жанрово-стилистическом отношении.

В психологической драме «Якоб Руда» (опубликована и поставлена в 1900 г.), где наиболее ощущаются импульсы, идущие от драматургии Ибсена, все строится на этических коллизиях. Монологи главного героя проникнуты мучительным самоанализом, поступки персонажей психологически мотивированы. Иногда в пьесе чувствуются стилистические связи с символизмом и импрессионизмом, возникает особая лирическая атмос-

фера, новое мироощущение, проявляющееся в человеческих взаимоотношениях²⁵.

Другую жанрово-стилистическую разновидность представляет собой комедия Цанкара «На благо народа» (опубликована в 1901 г.). Это злая сатира на современное буржуазно-мещанское общество, его политическую верхушку, на мнимых патриотов и либералов, их интриги, пышную риторику, прикрывающую корыстные побуждения. Словенская литература еще не знала столь редкого обличения «священных принципов» этой либеральной элиты, ее деклараций о деятельности ради «блага народа», от подлинных нужд которого она была очень далека. Интрига построена на незначительном событии, на стремлении двух соперничающих политиков переманить на свою сторону богатого и, казалось бы, влиятельного человека. Эту интригу автор развивает очень искусно, с обилием комических положений, доходящих до гротеска. Исследователи творчества Цанкара справедливо отмечали стилистическое сходство его комедии с гоголевским «Ревизором»²⁶. Но, в отличие от Гоголя, у Цанкара положительным героем выступает не только язвительный авторский смех, но и реальный персонаж, противостоящий обличаемым кругам, — журналист Щука, взбунтовавшийся после перенесенного унижения. Намечен и выход из существующего положения вещей — Щука поднимает народ на выступление против политиканов.

Вершины своего драматургического мастерства Цанкар достигает в наиболее сценичной, сильной по эмоциональному трагедийному воздействию пьесе «Король Бетайновы» (1901, опубликована в 1902 г.). В селе Бетайнова господствует торговец, трактирщик и фабрикант Кантор, который держит жителей в кабале и может творить любое самоуправство. Критики и исследователи видели в этом образе отражение ницшеанской идеи о сверхчеловеке — в таком случае это решительное ее развенчание²⁷. Кантор разбогател преступным путем. Выразитель авторских идей студент Макс становится его обличителем. Их противостояние заканчивается победой Кантора — боясь разоблачений, он убивает Макса. В последнем действии на какой-то миг у Кантора пробуждается совесть, но ее заглушает цинизм, и в убийстве обвиняют невинного. В драме присутствуют элементы сатиры на существующее общественное устройство — убийцу и народного кровосо-

24 *Koblar F. Slovenska dramatika. Ljubljana, 1972. Knj. 1. S. 143, 145, 148.*

25 Подробнее см.: *Koblar F. Slovenska dramatika. Ljubljana, 1973. Knj. 2. S. 46.*

26 *Ibid. S. 47; Koblar F. Idejna in oblikovna tipologija Cankarjeve dramatik // Jezik in slovstvo, 1.14, 1969. Št. 1. S. 15.*

27 *Koblar F. Op. cit. S. 53.*

са Кантора с воодушевлением выдвигают кандидатом в парламент. В отличие от драмы «Якоб Руда», где как бы совершается искупление греха, нравственной вины, здесь в вопиющей форме торжествует зло, и лишь в одном эпизоде, в проклятии жены уволенного Кантором рабочего, чьи дети остались без хлеба, звучит предупреждение Кантору и надежда на возмездие в будущем.

Совсем в ином эмоциональном и стилистическом ключе написан фарс «Соблазн в долине святого Флориана» (1907, опубликован в 1908 г.). Цанкар переносится здесь в условный мир, изобилующий символами, аллегориями, сказочно-фантастическими элементами.

Долина св. Флориана — это обобщенный сатирический образ современного словенского общества — ханжеского, самодовольного, малокультурного, но претенциозного. Это те читатели и критики, что отвергли цанкаровское творчество. Автор своеобразно претворяется здесь в художника и бродягу Петера, явившегося в долину в сопровождении своей невесты, красавицы Яцинты (символическое олицетворение его творчества) и черта, которому он продал душу. Он дурачит почтенных граждан долины, заставляет почитать не только себя, но и поклоняться невесте, целовать ей ногу. А в конце выясняется, что он совсем иное лицо (ситуация, напоминающая финал в «Ревизоре») — известный разбойник, разыскиваемый властями. Удастся ему обмануть и черта, убедившегося, что люди в долине настолько испорчены, что совращать их уже нет никакой нужды. В пьесе ощущается язвительная ирония, присутствует гротеск, гармонически соединяются элементы народного балагана и современной драматургии символистов.

В драме «Холопы» (1910) Цанкар вновь возвращается к форме реалистической психологической драмы с некоторыми элементами символизма и сатирической окраской. Но он вносит в это произведение и новые черты — политический отклик на ситуацию в Словении тех лет, четкое выражение своей общественной позиции, сочувствие идее борьбы пролетариата. Если комедия «На благо народа» из-за своей резкой общественно-критической направленности появилась на сцене лишь через шесть лет после ее публикации, то «Холопы» были поставлены в театре только после смерти автора.

Последняя пьеса Цанкара «Красавица Вида» (1911, опубликована в 1912) представляет собой совсем иной, новый для словенской литературы тип драматургии, близкий к лирической драме символистов (Метерлинк)²⁸. Центральный персонаж, Вида, — это

символически персонифицированная мечта человека о чем-то прекрасном и светлом. Эта томительная мечта по-своему присуща каждому из основных персонажей пьесы, которые тоже не столько реальные люди, сколько символы. Сама Вида, влекомая таким томлением, уходит вместе с красивым богатым юношей из своего бедного дома, от друзей, но, оказавшись среди приземленных, трезво мыслящих прагматиков, возвращается назад. Основное место действия драмы также имеет символическое значение — это здание бывшего сахарного завода, где ютилась беднота и где умерли друзья Цанкара поэты Кетте и Мурн, представители того молодого поколения, светлым мечтам которого не суждено было осуществиться (сквозной мотив в творчестве Цанкара).

Вклад, который внес Цанкар в развитие словенской драматургии, очень значителен и, как уже говорилось, на редкость многообразен в жанрово-стилевом отношении. И в области драматургии творчество Цанкара оказало существенное воздействие на современников и было активно воспринято последователями писателя.

В 1900–1910-е гг. отдельные авторы создают еще пьесы в традициях словенской драматургии прошлых лет. Ф. Детела пишет реалистическую комедию «Ученый» (поставлена в 1902 г.), высмеивающую некоторые псевдонаучные теории своего времени и их сторонников на фоне жизни представителей разных слоев словенского общества. Другую разновидность словенской драматургии развивают пьесы Финжгара, обращавшегося к жизни крестьян и к форме «народной драмы», в которую он вносит новые черты. Если в его драме «Браконьер» (1902), где действие, во многом опирающееся на народные предания, происходит в середине XIX в., а также в драме «Наша кровь» (1912), имеющей реальную историческую основу (наполеоновская Иллирия), еще ощутимы романтические традиции, то в пьесе «Цепь» (1914), отображающей жизнь и быт словенской деревни, реализм более последователен. Несколько ослабляют его лишь присутствующие в драме морализаторские тенденции. Финжгар проявляет себя мастером естественного, реалистического диалога и знатоком народного языка.

В это время в словенскую драматургию проникают натуралистические элементы. Они ощущаются в реалистических в своей основе пьесах З. Кведер, среди которых наиболее значительным явлением была драма с четко выраженным социальным и патриотическим звучанием «Американцы» (1908, тема эмиграции словенских крестьян в поисках заработка). Это относится к драме Ф. К. Мешко «Приговоренные к смерти?» (поставлена и опубликована в 1908 г.), проникнутой патриотической идеей сопротивления германизаторской политике в Каринтии, и к драме «Мать» (поставлена в 1908 г.), где уже появляется

28 KosJ. Primerjalna zgodovina slovenske literature. Ljubljana, 2001. S. 268.

своеобразная символика и аллегоричность, а также к некоторым пьесам Кристана, лучшая из которых — «Като Вранкович» (опубликована и поставлена в 1909 г.). Последняя пьеса была не только вершиной драматургического мастерства писателя, но и одной из наиболее удачных, наиболее сценичных словенских драм того периода. Серьезное социально-политическое содержание пьесы сочетается с этической идеей неминуемой расплаты за преступление перед своим народом. Несмотря на душевную драму главного героя, молодого бескомпромиссного политика, который оказывается не в силах публично осудить приемного отца за бесчестную сделку с властями в прошлом, дело его жизни должно восторжествовать. Активизируется демократическое сознание людей, и на выборах будет одержана победа. В этой пьесе по сравнению с предыдущими произведениями Кристана значительно углубляется психологизм, чувствуется связь с драматургией Ибсена²⁹.

Более открыто и определенно натуралистические черты проявляются в пьесах Л. Крайгера «Драма на лугу» (1910), «Предкарнавальная ночь» (1911), в драме «Раковина» (1911), в драматической повести И. Шорли (1877–1958) «Петушковский господин и его семейство» (1909), в драмах А. Робиды (1885–1928) «В сумраке» (1907), «Демон Венера» (1908) и др. В этих пьесах отсутствует политическая, социальная, патриотическая проблематика. Общественно-критический смысл остается лишь на уровне вопросов современной семьи, брака, морали. В ряде случаев ощущается воздействие драматургии Ибсена и Стриндберга.

Некоторые из названных выше драматургов продолжают свою творческую деятельность и в следующий период, сохраняя в новых литературных условиях основные художественные особенности своих произведений.

В словенской литературе конца XIX — начала XX в. происходят кардинальные изменения, существенно затронувшие все ее роды и виды — поэзию, прозу, драматургию. Это сказывается в освоении новых идейно-тематических пластов, в углублении социально-психологического анализа (особенно в повествовательных и драматургических жанрах), в создании тонкой, артистически совершенной лирики, отражающей не только интимный мир человека, но и его активное отношение к важнейшим проблемам современности. С этого периода словенская литература органично включается в европейский и мировой литературный процесс, идет в ногу со временем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

29 Kobljar F. Op. cit. Knj. 2. S. 27–29.

Таблица №1. Отрывки рукописных текстов

(Курсивом выделены памятники нерелигиозного характера, доказывающие использование словенского языка в общественной жизни)

Название	Место нахождения	Содержание	Время создания
Чедадское Евангелие <i>Cedajski evangelij</i>	Чивидале (Гориция)	Словенские имена пилигримов	VI в.
Зальцбургское братство <i>Salzburška bratovščina</i>	Зальцбург	Словенские имена членов братства	784–907
<i>Урбарии</i> ¹ <i>Urbariji</i>		Словенские топографические названия	973
<i>Ульрих фон Лихтенштейн</i> (<i>Ульрих Лихтенштейнский</i>) <i>Ulrich Lichensteinski</i>	Каринтия	Приветствие герцога поэту	1227
<i>Краньская рукопись</i> <i>Kranjski rokopis</i>	Крань	Образцы судебных присяг	1440–1556
<i>Видемская рукопись</i> <i>Videmski rokopis</i>	Удине (Гориция)	Числительные	1458
<i>Шкофельокская рукопись</i> <i>Škofjeloški rokopis</i>	Шкофья Лока	Названия месяцев	1466
<i>Ауэршпергова рукопись</i> <i>Auerspergov rokopis</i>	Предположительно Любляна	Отрывок стихотворения о любви	XV в.
Черновик проповеди	Крань	Отрывок проповеди	XVI в.

Таблица №2. Рукописи

Название	Место нахождения	Содержание	Время создания
Фрейзингенские отрывки <i>Brižinski spomeniki</i>	Мюнхен	Два фрагмента общей исповеди и часть проповеди	972–1000, 1022–1039
Ратечская / Целовецкая рукопись <i>Rateški/Celovški rokopis</i>	Краньска Гора	Молитвы «Отче наш», «Символ веры» и «Аве Мария»	1362–1390
Стиченская рукопись <i>Stiški rokopis</i>	Любляна	Общая исповедь, пасхальная песня, призыв к Св. Духу, молитва Деве Марии	1428, 1440
Старогорская рукопись <i>Starogorski rokopis</i>	Гориция	Молитвы «Отче наш», «Аве Мария», «Символ веры»	1492–1498
Чернейская рукопись <i>Černješki rokopis</i>	Гориция	Список церковных служб	1497

1 Урбарии — (позднелат. *urbarium*, от древневерхненем. *urberan* — создавать, приносить доход) — описи феодальных земельных владений в средние века в Германии, Австрии, Венгрии, Чехии (прим. ред.).

Таблица №3. Протестантские книги

Автор	Книга	Вид текста	Год издания
П. Трубар	Катехизис ² Catechismus / Ta celi katehismus	Огласительное наставление, книга, содержащая основные положения христианского вероучения	1550/1, 1555, 1567, 1574, 1575
П. Трубар	Букварь Abecedarium	Учебник	1551, 1555, 1566
П. Трубар	Евангелие от Матфея Ta evangeli sv. Matevža	Перевод Библии	1555
П. Трубар	Календарь Ta slovenski kolendar	Календарь-справочник	1557, 1582
П. Трубар	Первая (вторая, последняя) часть Нового Завета Ta prvi [drugi/pusledni] dejl tiga noviga testameta	Перевод Библии	1557 (1560, 1577)
П. Трубар	Краткая постилла Ena kratka postila	Проповедь	1558
П. Трубар	Регистр (нем.) Register	Библиография	1561
П. Трубар	«Листки св. Павла» Sv. Pavla dva listi	Перевод Библии	1561, 1567, 1575
П. Трубар	«Артикулы истинной веры христианской» Artikuli oli dejli [...] vere krščanske	Богословский труд	1562
П. Трубар	Словенский церковный порядок Slovenska cerkovna ordninga	Справочник церковного устава	1564
П. Трубар	Псалтирь Давидова Ta celi psalter Davidov/ [Ta 38. psalm /Eni psalmi]	Перевод Библии	1566, 1567, 1579

2 О названиях протестантских книг подробнее: *Rupel M. Slovenski protestantski pisci*. Ljubljana, 1966.

Таблица №3 (Продолжение)

П. Трубар	«Три духовных стиха» [Ene/ Ena/ tri duhoske pejsni]	Песенник	1563, 1567, 1574, 1575
П. Трубар	«Первый псалом и три его толкования» Ta prvi psalm ž nega trijemi izlagami	Теологическая полемика в стихах	1579
П. Трубар	Притчи Соломона Salomonove pripuvesti	Перевод Библии	1580
П. Трубар	Новый Завет Ta celi novi testament	Перевод Библии	1582
П. Трубар	Домашняя постилла Hišna postila	Перевод проповедей М. Лютера	1595
Ю. Далматин	Экклезиаст Jezus Sirah	Перевод Библии	1575
Ю. Далматин	Пассион Pasijon	Перевод Библии, песенник	1576
Ю. Далматин	Библия... (часть первая) Biblije [...] prvi dejl	Перевод Библии	1578
Ю. Далматин	Библия Biblija	Перевод Библии	1584
Ю. Далматин	Христианские прекрасные молитвы Krščanske lepe molitve	Молитвенник	1584
Ю. Далматин	Краткий виртенбергский катехизис Ta kratki wirtenberski katehismus	Огласительное наставление, книга, содержащая основные положения христианского вероучения	1585
Ю. Далматин	Агенда Agenda	Церковный формуляр	1585
Ю. Далматин	Полный катехизис Ta celi katehismus	Песенник	1579, 1584
А. Бохорич	«Зимние часы» Arcticae horulae (лат.)	Грамматика словенского языка	1584
С. Крель	Детская Библия Otročja biblija	Перевод Библии, адаптированной для детей	1566
С. Крель	Словенская постилла Postila slovenska	Проповеди	1567
И. Мегисер	Словарь четырех языков Dictionarium quatuor linguarum	Словарь	1592

Таблица №4. Тексты периода барокко
1) Напечатанные труды

Автор	Книга	Тип текста	Год издания
Алазио из Соммаривы	Итальянско-словенский словарь Vocabulario italiano e schiavo	Словарь	1607
Т. Хрен — Я. Чандек	Воскресное Евангелие Evangelija inu listuvi	Перевод Библии	1613
Я. Л. Шёнлебен	Воскресное Евангелие Evangelija inu listuvi	Перевод Библии	1672
М. Кастелец	Suspiria	Перевод испанского сонета	1678
Я. Л. Шёнлебен	Карниола древняя и новая (лат.) Carniolia antiqua et nova	Историческая хроника	1681
М. Кастелец	«Слова для братьев» Bratovske bukvice/Modus Iuvandi	Молитвенник и песенник	1682
М. Кастелец	«Небесная цель» Nebeški cilj	Богословские размышления	1684
М. Кастелец	«Христианская наука» Navuk kristjanski	Справочник вероучения	1688
Й. Зизенчелли	«Покровительственное приветствие во славу Крайской земли..» («Похвала Вальвазору») Zaštitno vbošenje te Krajnske dežele k'le tem vse hvale vrednem bukvam krajnskiga popisvajna visoku žlahtno rojeniga gospuda Janeza Bajkorta Valvasorja	Хвалебная песнь	1689
Я. В. Вальвазор	«Слава герцогства Крайна» (нем.) «Die Ehre des Hertzogthums Crain»	Историческая хроника	1689
Я. Светокрижский	«Святая книга» Sacrum promptuarium	Книга проповедей	1691–1707
Иполит Новоместский	«Новый опыт» Nova Crainska prtica	Календарь	1726
А. Стржинар	«Католические песни христианского учения» Katoliš krščanskega vuka pesme	Песенник	1729
Рогерий Люблянский	«Победные небеса» Palmarium empyreum	Книга проповедей	1731, 1743
Е. Базар	Проповеди Pridige iz bukvic	Проповеди	1734

2) Рукописные труды

(Курсивом выделены труды, написанные не на словенском языке)

Автор	Книга	Тип текста	Год издания
Т. Хрен	<i>Гимны</i> <i>Hymnologium slavicum</i>	Песенник	до 1630
А. Скалар	«Школа сего раздумья» Šula tiga premišlovanja	Богословские размышления	1643
М. Бавчер	<i>История Норика</i> <i>Historia rerum Noricarum</i>	Историографический труд	1663
М. Жегар	«Жизнь антихриста» Antikrista življenje	Перевод эсхатологических сочинений	1767
М. Кастелец	Новый Завет Nova zaveza	Перевод Библии	1682
М. Кастелец	Латинско-словенский словарь Dictionarium Latino-Carniolicum	Словарь	1682
Иполит Новоместский	Латинско-словенско-немецкий словарь Dictionarium trilingue	Словарь	1711
Ипполит Новоместский	Латинско-немецко-словенская грамматика Grammatica Latino-Germanico-Slavonica	Грамматика	1711
А. Клеменчич	<i>Svosura evangelica</i>	Перевод проповедей	1714
Я. Г. Долничар	<i>Bibliotheca Labacensis publica</i>	Историко-литературная библиография	1715
Ромуальд Штандрежский	Шкофельокский патион Processio Locopolitana	Драматургическое произведение	1721
Неизвестный автор	Калобская рукопись Kalobški rokopis	Песенник	ок.1643–51
Ф. М. Пагловец	«Различные песни» Cantilenae variae	Песенник	1733
П. П. Главар	без названия	Проповеди	ок.1744, 1767
К. М. Аттемс	без названия	Проповеди	ок.1750

Таблица №5. Важнейшие литературно-критические периодические издания XIX в.

Название	Тип издания	Когда издавалось
«Писаницы од мѣх уметности», «Писаницы» Pisanice od lepeh umetnosti, Pisanice	альманах	1779–81
«Люблянски Новицы» Lublanske novice	газета	1797–1800
«Крайнска чбелица» Krajnska čbelica	альманах	1830–1834, 1848
«Новицы» Kmetijske in rokodelske novice или Novice	газета	1843–1902
«Словенска бчела» Slovenska bčela	журнал	1850–1853
«Словенски гласник» Slovenski glasnik	журнал	1858–1868
«Словенска вила» Slovenska vila	альманах	1865
«Младика» Mladika	альманах	1868
«Звон» Zvon	журнал	1870, 1876–1880
«Люблянский звон» Ljubljanski zvon	журнал	1881–1941
«Дом ин свет» Dom in svet	журнал	1888–1844

СБОРНИК ЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Барокко в славянских культурах. М., 1982.
- Беляева Ю.Д. Концепция реализма в южнославянской литературной критике конца 1850-х – 1870-х гг. // Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985.
- Беляева Ю.Д. Литература народов Югославии в России. Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX – начало XX в. М., 1979.
- Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978.
- История всемирной литературы. М., 1984–1988.
- История культур славянских народов. В 3-х тт. М., 2003–2008.
- История литератур западных и южных славян в трех томах. М., 1997–2001.
- История славянских языков. М., 1985.
- История Югославии в двух томах. М., 1963.
- Кравцов Н.И. Славянский фольклор. М., 1976.
- Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М., 1988.
- Литература эпохи формирования нации в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1982.
- Пылин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур. СПб., 1879–1881. Т. 1–2.
- Развитие литературы в эпоху формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Романтизм. М., 1983.
- Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы: Пути и специфика литературного развития в XIX в. М., 1983.
- Рыжова М.И. Творческий путь О.Жупанчича и его вклад в развитие словенской прогрессивной поэзии XX века // Развитие зарубежных славянских литератур в XX в. М., 1964.
- Рыжова М.И. Йосип Мурн в русской литературе // Русско-югославские литературные связи, вторая половина XIX – начало XX века. М., 1975.
- Рыжова М.И. Творческий путь Алойза Градника // Зарубежные славянские литературы. XX в. М., 1970.
- Рыжова М.И. Франце Прешерн // Франце Прешерн. Стихи. Клагенфурт, Любляна, Вена, 2001.

Рябова Е. И. Иван Цанкар и течения словенской литературы конца XIX — начала XX века // Литература славянских и балканских народов конца XIX — начала XX века. Реализм и другие течения. М., 1976.

Рябова Е. И. Общественно-политические и философские взгляды Ивана Цанкара // Исторические и историко-культурные процессы на Балканах (Балканские исследования. Вып. 7.) М., 1981.

Смирнов Ю. И. Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М., 1974.

Старикова Н. Н. Поэзия Прешерна в русских переводах и литературной критике. Славянский альманах 1999. М., 2000.

Старикова Н. Н. «Крещение у Савицы» Ф. Прешерна как историческая поэма (к вопросу о жанровой специфике) // Славянский альманах 2001. М., 2002.

Старикова Н. Н. Темы и сюжеты словенской исторической прозы 1840–1910-х гг. // Славянский вестник. М., 2009. Вып. 3.

Старикова Н. Н., Созина Ю. А. Франце Прешерн в кругу славянских поэтов-современников и изучение его творчества // Литература, культура и фольклор славянских народов. 13 Международный съезд славистов. Москва: ИМЛИ РАН, 2002.

Старикова Н. Н. Словенская литературно-критическая мысль в Вене: Й. Стритар и его журнал «Звон» // Славянский альманах 2004. М., 2005.

Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Чепелевская Т. И. Повести и романы Ивана Цанкара 1900–1907 годов // На рубеже веков. Проблемы развития славянских и балканских литератур конца XIX — начала XX века. М., 1989.

Чепелевская Т. И. Словенские буквники о мире и о себе // Автопортрет славянина. М., 1999.

Чепелевская Т. И. Франце Прешерн (К 200-летию со дня рождения) // Славянский альманах 1999. М., 2000.

Чуркина И. В. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII — 1914 г. М., 1986.

Чуркина И. В. Словенская культура в период романтизма // Становление национальной классики, М., 1991.

Ahačič K. Izvirne slovenske pesmi Jovana Vesela Koseskega. Ljubljana, 2006.
Anton Tomaž Linhart: jubileina monografija ob 250-letnici rojstva. Ljubljana, Radovlica, 2005.

Bernik F. Ivan Cankar. Ljubljana, 2006.

Bernik F. Simon Jenko pesnik in propovednik. Maribor, 2004.

Bernik F. Tipologija Cankarjeve proze. Ljubljana, 1983

Boršnik M. Aškerc: življenje in delo. Ljubljana, 1939.

Boršnik M. Ivan Tavčar: leposlovni ustvarjalec. Ljubljana, 1973.

Boršnik M. Kratek bibliografski pregled slovenskega slovstva. Ljubljana, 1955.

Dolar D. Med književnostjo, naridom in zgodovino. Celje; Ljubljana, 2007.

Dolgan M. Slovenska književnost tako ali drugače. Ljubljana, 2004.

Golež Kaučič M. Ljudsko in umetno — dva obraza ustvarjalnosti. Ljubljana, 2003.

Grafenauer I. Kratka zgodovina starejšega slovenskega slovstva. Ljubljana, 1973.

Grafenauer I. Kratka zgodovina slovenskega slovstva, I–II. Ljubljana, 1917–1919.

Grafenauer I. Zgodovina novejšega slovenskega slovstva, I–II. Ljubljana, 1909–1911.

Grdina I. Starejša slovenska nabožna književnost. Ljubljana, 1996.

Grdina I. Od Brižinskih spomenikov do razsvetljenstva. Maribor, 1999.

Gspan A. Anton Tomaž Linhart, njegova doba, življenje in delo. Ljubljana, 1967.

Hladnik M. Slovenska kmečka povest. Ljubljana, 1990.

Hladnik M. Slovenski zgodovinski roman. Ljubljana, 2009.

Inkret A. Jovan Vesel — Koseski: vprašanje literarne zgodovine. Maribor, 1971.

Janez Trdina med zgodovino, narodopisjem in literaturo: jubilejna monografija. Novo Mesto, 2005.

Kermauner T. Cankarjeva dramatika. Ljubljana, 1981.

Kermauner T. Slovenski plemenski junaki. Tugomer. Ljubljana, 1994.

Kidrič F. Prešeren. 1800–1838. Ljubljana, 1938.

Kmecl M. Fran Levsrik. Ljubljana, 1981.

Kmecl M. Rojstvo slovenskega romana. Ljubljana, 1981.

Kmecl M. Tisoč let slovenske literature. Ljubljana, 2004.

Koblar F. Gregorčič. Ljubljana, 1987.

Kocijan G. Josip Jurčič: v besedi in sliki. Ljubljana, 1981.

Kocijan G. Zapiski o starejši slovenski povesti: Od Erjavca in Jurčiča do Cankarja in Finžgarja. Ljubljana, 1995.

Koruza J. Slovenska dramatika od začetkov do sodobnosti. Ljubljana, 1997.

Kos J. Matija Čop. Ljubljana, 1979.

Kos J. Prešeren in evropska romantika. Ljubljana, 1970.

Kos J. Prešeren in njegova doba. Koper, 1991.

Kos J. Neznani Prešeren. Ljubljana, 1994.

Kos J. Valentin Vodnik. Ljubljana, 1990.

Kos J. Pregled slovenskega slovstva. Ljubljana, 2002.

Kos J. Primerjalna zgodovina slovenske literature. Ljubljana, 2001.

Košir N. France Prešern. Ljubljana, 1977.

Mahnič J. Od Zoisa prek moderne do Kocbeka. Ljubljana, 2006.

Mahnič J. Oton Župančič: Ustvarjanje, razvoj, recepcija. Ljubljana, 1998.

Martinovič J. Drogotin Kette. Ljubljana, 1978.

Mušič J. Sodobniki o Dr. Francetu Prešernu. Ljubljana, 1989.

Novak V. Slovenska ljudska kultura. Ljubljana, 1960.

Obdobje razsvetljenstva v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Ljubljana, 1970.

Obdobje romantike v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi: tipološka problematika ob jugoslovanskem in širšem evropskem kontekstu. Ljubljana, 1981.

Obdobje realizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi: tipološka problematika ob jugoslovanskem in širšem evropskem kontekstu. Ljubljana, 1982.

- Obdobje baroka v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi. Ljubljana, 1989.
- Obdobja 16. Sonet in sonetni venec. Ljubljana, 1997.
- Obdobja 19. Romantična pesnitev. Ljubljana, 2002.
- Ogrin M. Literarno vrednotenje na Slovenskem: od Frana Levstika do Izidorja Cankarja. Lj., 2002
- Paternu B.* Modeli slovenske literarne kritike. Ljubljana, 1989.
- Paternu B.* France Prešeren in njegovo pesniško delo. Ljubljana, 1976.
- Paternu B.* France Prešeren 1800–1849. Ljubljana; München, 1994.
- Paternu B.* Obdobja in slogi v slovenski književnosti. Ljubljana, 1989.
- Paternu B.* Razpotja slovenske proze. Novo Mesto, 1993.
- Paretnu B.* Slovenska literarna kritika pred Levstikom. Ljubljana, 1960.
- Petre F.* Poizkus ilirizma pri Slovencih (1835–1849). Ljubljana, 1939.
- Pirjevec D.* Ivan Cankar in evropska literatura. Ljubljana, 1964.
- Pogačnik J.* Jernej Kopitar. Ljubljana, 1977.
- Pogačnik J.* Josip Stritar. Ljubljana, 1985.
- Pogačnik J.* Kulturni pomen Slomškovega dela. Maribor, 1991.
- Pogačnik J.* Slovenska književnost, I. Ljubljana, 1998.
- Pogačnik J.* Slovensko slovstvo v obdobju razsvetljenstva. Ljubljana, 1995.
- Pogačnik J.* Starejše slovensko slovstvo. Ljubljana, 1990.
- Pogačnik J., Zadravec F.* Zgodovina slovenskega slovstva, I–VIII. Maribor, 1968–72.
- Pretnar T.* Iz zgodovine slovenskega verznege oblikovanja. Ljubljana, 1997.
- Prijatelj I.* Duševni profili slovenskih preporoditeljev. Ljubljana, 1935.
- Prijatelj I.* Književnost mladoslovencev. Ljubljana, 1962.
- Prijatelj I.* Kulturna in politična zgodovina Slovencev od 1848 do 1895. Ljubljana, 1938–1940.
- Primož Trubar. Celje; Ljubljana, 2008.
- Rajhman J.* Trubarjev svet. Trst, 1986.
- Rotar J.* Trubar in Južni Slovani. Ljubljana, 1988.
- Slodnjak A.* Pregled slovenskega slovstva. Ljubljana, 1934.
- Slodnjak A.* Slovensko slovstvo: ob tisočletnici Brižinskih spomenikov. Ljubljana, 1968.
- Slovenski literarni programi in manifesti. Ljubljana, 1990.
- Slovenska književnost. Leksikon. Ljubljana, 1996.
- Slovenska kronika XIX stoletja. 1800–1860. Nova revija, Ljubljana, 2001.
- Slovenska novejša zgodovina. Od programa Zedinjena Slovenija do mednarodnega priznanja Republike Slovenije. 1848–1992. Ljubljana 2005.
- Snoj J.* Josip Murn. Ljubljana, 1978.
- Stanonik M.* Slovenska slovstvena folklor. Ljubljana, 1999.
- Stanonik M.* Slovenska narečna književnost. Maribor, 2007.
- Stanovnik V.* Slovenski literarni prevod 1550–2000. Ljubljana, 2005.
- Štrekelj K.* Slovenske narodne pesmi, I–IV. Ljubljana, 1895–1923.
- Štih P., Simoniti V.* Slovenska zgodovina do razsvetljenstva. Celovec, 1996.
- Vidmar J.* Oton Župančič. Ljubljana, 1978.
- Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2007.
- Zadravec F.* Alojz Gradnik. Ljubljana, 1981.
- Zadravec F.* Cankarjeva ironija. Murska Sobota; Ljubljana, 1991.
- Zgodovina slovenskega slovstva, I–VII. Ljubljana, 1956–1971.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А**
- Абрахам, еп. 86
- Аделунг Иоганн Кристоф 128
- Адлешич Юре (Adlešič Jure)* 55
- Адриан II, папа Римский 18
- Алазио из Соммаривы Александр (Alasia da Sommaripa Alessandro) 98, 232
- Александр I, росс. имп. 39, 190
- Анакреонт 118
- Андреаш Миха (Andreaš Miha) 129
- Андриолли Франц Ксавер (Andrioli Franc Ksaver) 126
- Апухтин Алексей Николаевич 193
- Аристотель 104
- Асквинские (Askvinci), арист. род 20
- Аттемс Карл Михаэль (Attems Karel Mihael) 103, 233
- Аттила 79
- Ахацел Матия (Ahacel Matija) 129, 137
- Ахматова Анна Андреевна 163
- Ахмед-паша 166
- Ашкерц Антон (Aškerc Anton) 81, 82, **176–178**, 183, **191–193**, 200
- Б**
- Бабенберги, арист. род 23
- Бавчер Мартин (Bavčer Martin) 105, 233
- Базар Ерней (Basar Jernej) 101, 102, 103, 232
- Байрон Джордж Гордон 131, 135, 159, 160
- Балант Йожеф (Balant Jožef) 39
- Балтич Моисей 134
- Бальмонт Константин Дмитриевич 193
- Бар Герман 215
- Барбарич Штефан (Barbarič Štefan) 189
- Бату Жан 119
- Батюшков Константин Николаевич 202
- Бах Александр 153
- Бевк Франце (Bevk France) 90, 212
- Беккер Рудольф Захария 112, 129
- Белинский Виссарион Григорьевич 171
- Беляева Юлия Дмитриевна 171, 184
- Бергант (Bergant), династия художников 34
- Берник Франце (Bernik France) 216, 217, 219, 220
- Блейвейс Янез (Bleiweis Janez) 40, 43, 143, 144, 148, 149, 154
- Бленкуш Франц (Blenkuš Franc) 128
- Блумауер Алоизий 118, 160
- Бодлер Шарль 196, 206
- Бодянский Осип Максимович 135
- Бомарше Пьер Огюстен Карон де 123, 124
- Бономо Петр (Bonomo Peter) 31, 91, 92

* На языке оригинала указаны только словенские имена и фамилии (прим. ред.)

Боршник Марья (Boršnik Marja) 164
 Бохорич Адам (Bohorič Adam) 32, 39, 95, 96, 98, 100, 231
 Будагова Людмила Норайровна 12
 Бюргер Готфрид Август 70, 114, 118, 128, 138

В

Ваксмахер Морис Николаевич 207
 Валук, князь 17
 Вальватор Янез Вайкард (Valvasor Janez Vajkard) 34, 62, 70, 71, 73, 105, 106, 107, 112, 130, 150, 232
 Вальхун, князь 142
 Вальявец Матия (Valjavec Matija) 72, 160, 161
 Василий III, рус. царь 96
 Вергилий 113
 Верлен Поль 196, 200, 206
 Верхарн Эмиль 206, 207
 Весел Косески Янез (Vesel Koseski Janez) 40, 144, 146, 149, 152, 154, 158, 159, 161, 181
 Видмар Лука (Vidmar Luka) 104
 Викар Бела (Vikar Béla) 55
 Вильем (Viļem), муж Геммы Гуркской 20
 Вилхар Мирослав (Vilhar Miroslav) 179
 Винчетич Милан (Vincetič Milan) 81, 82
 Виргилий, еп. 17
 Вишньегорские (Višnjegorski) аристокр. род 20
 Водник Валентин (Vodnik Valentin) 37, 39, 54, 72, 80, 81, 106, 113, 115, 117, 118, **119–122**, 125, 126, 127, 128, 130, 131, 133, 137, 145, 148, 152, 158
 Водовник Юрий (Vodovnik Jurij) 129
 Волкмер Леопольд (Volkmer Leopold) 125, 129, 130
 Вольгер Мари Франсуа Аруэ 123
 Вольф Антон Алойзий (Wolf Anton Alojzij) 44
 Воренц Грегор (Vorenc Gregor) 100
 Востоков Александр Христофорович 86, 135
 Вошняк Йосип (Vošnjak Josip) 221, 222

Враз Станко, наст. имя Якоб Фрасс (Vraz Stanko, Frass Jakob) 54, 72, 134, **135–137**, 148, 152
 Вуга Саша (Vuga Saša) 81, 82

Г

Габсбурги, династия 23, 24, 25, 26, 30, 32, 91, 116, 121, 150
 Гай Людевит 134, 136
 Галлус Якобус, Якоб (Gallus Jakobus, Jakob) 31
 Гангл Энгельберт (Gangl Engelbert) 222
 Гейне Генрих 159, 162, 202
 Гемма Гуркская (Nema Krška) 20, 24
 Герберштейн Карл (Herberstein Karl) 160, 123
 Герберштейн Сигизмунд, Жига (Herberstein Sigismund, Žiga) 31, 96
 Гердер Иоганн Готфрид 126, 128, 132
 Герцен Александр Иванович 157
 Гесснер Соломон 117
 Гёте Иоганн Вольфганг 11, 70, 131, 135, 169
 Гитович Александр Ильич 140
 Главар Петр Павел (Glavar Peter Pavel) 103, 233
 Гладич Юрий Андрей (Gladič Jurij Andrej) 107
 Глонар Йоже (Glonar Joža) 54, 72
 Говекар Фран (Govekar Fran) **194–195**
 Гоголь Николай Васильевич 12, 159, 168, 172, 173, 183, 193, 196, 218, 223
 Голар Цветко (Golar Cvetko) 211
 Голлмайер Юрий (Gollmayer Jurij) 116
 Гольдони Карло 122
 Гончаров Иван Александрович 172
 Гораций Флакк Квинт 119
 Горицкие (Goriški), графы 24, 25
 Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) 193
 Гофмансталь Гуго фон 196
 Грбеч Марко (Grbec Marko) 107
 Градник Алойз (Gradnik Alojz) 81, 211–212
 Графенауэр Иван (Grafenauer Ivan) 90
 Грегорчич Симон (Gregorčič Simon) 47, 80, 81, **175–176**, 183, 189

Григорович Виктор Иванович 135
 Гримм Якоб 72
 Грубер Габриэль (Gruber Gabrijel) 32
 Губец Матия (Gubec Matija) 178
 Гутсман Ожбалт (Gutsman Ožbalt) 125

Д

Дайнко Петер (Dajnko Peter) 131, 135
 Далматин Юрий (Dalmatin Jurij) 32, **94–95**, 96, 98, 99, 116, 231
 Данте Алигьери 11
 Дебевец Янез (Debevec Janez) 116
 Дев Антон Феликс (Dev Anton Feliks) 113–115, 122, 128, 151
 Демель Рихард 196, 206
 Деметер Димитрий 134
 Денис Михаэл 54
 Детела Фран (Detela Fran) 189, 194, 220
 Добровский Йозеф 126, 128, 134
 Добролюбов Николай Александрович 11, 171, 193
 Доленц Залика (Dolenc Zalika) 138
 Доленц Янез (Dolenc Janez) 79
 Долинар Дарко (Dolinar Darko) 14
 Долничар Алеш Жига (Dolničar Aleš Žiga) 107
 Долничар Янез Грегор (Dolničar Janez Gregor) 105, 107, 233
 Достоевский Федор Михайлович 12, 171, 172, 193, 196
 Доцен Йозеф (Docen Joseph) 85
 Дробнич Йосип (Drobnič Josip) 70

Е

Еглич Антон Бона Вентура (Jeglič Anton Bonaventura), еп. 203
 Еловшек (Jelovšek), династия художников 34
 Еловшек Анна (Jelovšek Ana) 144
 Енко Симон (Jenko Simon) 80, 81, **82, 159–163, 167–168**
 Ерай Вида, Франица Вовк (Jeraj Vida, Franica Vovk) 211
 Еран Лука (Jeran Luka) 134

Ж

Жакель Антон (Žakelj Anton) 134
 Жегар Матия (Žegar Matija) 98, 233
 Жемчужников Алексей Михайлович 193
 Жорес Жан 207

Жуковский Василий Андреевич 135
 Жупанчич Отон (Župančič Oton) 81, 195, 196, 197, 198, 199, **206–210**, 212, 215

З

Загоричник Франци (Zagoričnik Franci) 82
 Задрavec Фран (Zadavec Fran) 198, 213
 Зайц Дане (Zajc Dane) 81
 Закотник Йожеф, Дизма (Zakotnik Jožef, Dizma) 54, 113
 Залеский Вацлав 136
 Зенкевич Михаил Александрович 138
 Зизенчелли Йожеф (Zizenčeli Jožef) 106, 113, 232
 Зноильшек Янж (Znojilšek Janž) 95
 Золя Эмиль 194, 195
 Зупанчич Янез Антон (Zupančič Janez Anton) 127
 Зупан Якоб (Zupan Jakob) 128, 131, 135

И

Ибсен Генрик 222, 226
 Ильина Галина Яковлевна 14
 Иосиф II, имп. 35, 41
 Иполит Новоместский, наст. имя Гайгер Янез Адам (Hipolit Novomeški, Gajger Janez Anton) 100, 232, 233

К

Кавчич Владимир (Kavčič Vladimir) 82
 Кальдерон де ла Барка 123
 Канизи Петр 99
 Канчник Андрей (Kančnik Andrej) 129
 Карагеоргиевичи, династия 52
 Караджич Вук Стефанович 128, 129, 134, 137, 155
 Карл IV, имп. Священной Римской империи 24
 Карл Великий, имп. 18, 86
 Карл V Габсбург, имп. Священной Римской империи 91
 Кастелец Матия (Kastelec Matija) 71, 100, 107, 232, 233
 Кастелиц Миха (Kastelic Miha) 72, 131, 135, 136

Катарина Сиенская 22
 Качич – Миошич Андрия 149, 163
 Кведер, Еловшек Зофка (Kveder Jelovšek Zofka) 195, 219, 225
 Кек Йожеф (Kek Jožef) 128
 Келемина Якоб (Kelemina Jakob) 72
 Кемпчан Томаж (Kempčan Tomaž) 100
 Кеппен Петр Иванович 86, 135
 Керсник Янко (Kersnik Janko) **174–175**, 182, 183, 189, 194, 213
 Кетте Драготин (Kette Dragotin) 81, 195, 197, **200–202**, 206, 215, 224
 Кидрич Фран (Kidrič Fran) 119
 Клеменчик Андрей (Klemenčič Andrej) 107, 233
 Климент XIV, папа Римский 32
 Климент Охридский, св., болг. писат. 86
 Клинец Лукеж (Klinc Lukež) 95
 Клищера Вацлав Климент 150
 Кломбнер Матия (Klombner Matija) 91
 Кмецл Матяж (Kmecl Matjaž) 82
 Кнобл Павел (Knobl Pavel) 129
 Кобал Фран (Kobal Fran) 220
 Кобенцл Янез Филипп (Kobencl Janez Filip) 116
 Коблар Франце (Koblar France) 222, 223, 226
 Ковачич Лойзе (Kovačič Lojze) 82
 Коллар Ян 133, 134, 135, 136, 137, 164
 Кольцов Алексей Васильевич 196, 202, 203, 205
 Коменский Ян Амос 100
 Константин (Кирилл), слав. первоучитель 18, 19, 86
 Копитар Ерней (Kopitar Jernej) 39, 40, 115, 117, 125, 126, 128, 129, 130, 133, 152
 Корвин Матия (Korvin Matija) 73
 Корнилов Владимир Николаевич 202, 211
 Корошеч Антон (Korošec Anton) 52
 Корчагин Валентин Александрович 170, 204
 Корш Федор Евгеньевич 142
 Корытко Эмиль 54, 72, 129, 133
 Кос Янко (Kos Janko) 158, 159, 166, 224
 Космач Франце (Kosmač France) 82
 Космач Юрий (Kosmač Jurij) 131
 Косовел Сречко (Kosovel Srečko) 81

Костаньевец Йосип (Kostanjevec Josip) 194
 Котник Франце (Kotnik France) 72
 Коцебу Август фон 150
 Коцель (Коцел), князь 18, 27
 Коцбек Эдвард (Kocbek Edvard) 81
 Кочевар Штефан (Kočevar Štefan) 134
 Кравос Марко (Kraivos Marko) 82
 Крайгер Лойз (Krajger Lojz) 195, 226
 Кранец Мишко (Kranjec Miško) 82
 Крачман Матевж (Kračman Matevž) 129
 Крек Грегор (Krek Gregor) 72
 Крек Янез Евангелист (Krek Janez Evangelist) 50, 52
 Крель Себастьян (Krelj Sebastijan) 32, 94, 95, 96, 131
 Кремпл Антон (Krempel Anton) 40, 149
 Крефт Братко (Kreft Bratko) 218
 Кристан Этбин (Kristan Etbina) 195, 222, 226
 Крылов Иван Андреевич 202
 Кумер Змага (Kumer Zmaga) 71
 Кумердей Блаж (Kumerdej Blaž) 115, 116, 117, 152
 Куральт Мартин (Kuralt Martin) 115, 117, 129
 Курелац Фран 134
 Курочкин Василий Степанович 193
 Кюзмиц Штефан (Küzmič Štefan) 98

Л
 Лавренчик Примож (Lavrenčič Primož) 104
 Ламартин Алфонс де 135
 Ламберг Жига (Lamberg Žiga) 31
 Лах Иван (Lah Ivan) 217, 219
 Левец Фран (Levec Fran) 159, 171
 Левичник Ерней (Levičnik Jernej) 131
 Левстик Владимир (Levstik Vladimir) 195, 215, 217, 219
 Левстик Фран (Levstik Fran) 11, 28, 47, 81, 149, **154–157**, 158, 164, 166, 167, 169, 178, 180, 181, 182, 183, 200
 Легиша Лино (Legiša Lino) 127
 Леопольд VI Бабенберг, герцог 23
 Леопольд V Бабенберг, герцог 23
 Лермонтов Михаил Юрьевич 159, 160, 162, 172, 193, 196, 202, 203
 Лессинг Готхольд Эфраим 123, 155

Линде Самуэл Богумил 135
 Линёва Евгения Эдуардовна 55
 Линхарт Антон Томаж (Linhart Anton Tomaž) 36, 54, 115, 116, 117, **122–125**, 126, 130, 133, 150
 Лойола Игнатий 103
 Ломоносов Михаил Васильевич 121
 Луговской Владимир Александрович 145
 Лютер Мартин 94, 96
 Людевит Посавский, князь 17

М
 Майков Аполлон Николаевич 193
 Майр Янез Крсник (Maур Janez Krstnik) 107
 Майстер Рудольф (Maister Rudolf) 211
 Майяр-Зильский Матия (Majar Ziljski Matija) 43, 54, 72
 Макарович Светлана (Makarovič Svetlana) 81, 82
 Макиавелли Никколо 104
 Максимилиан I, имп. 31
 Максимилиан I Габсбург, эрцгерцог 65
 Макферсон Джеймс 54
 Малавашич Фран (Malavašič Fran) 150
 Мандельц Янж (Mandelc Janž) 92
 Мария Терезия, имп. 34, 35, 119
 Маролт Франце (Marolt France) 55
 Мартинович Юрай (Martinovič Juraj) 201
 Мартынов Леонид Николаевич 139, 140
 Масель-Подлимбарский Фран (Maselj Podlimbarski Fran) 194
 Матяшич Юрий (Matjašič Jurij) 134
 Махнич Антон (Mahnič Anton) 158, 173
 Мачек (Mašek), династия художников 34
 Машек Гашпер (Mašek Gašper) 150
 Машкова Алла Германовна 14
 Мегисер Иероним (Megiser Hieronim) 95, 100, 105, 231
 Менцингер Янез (Mencinger Janez) 173
 Мережковский Дмитрий Сергеевич 193
 Мериан Маттеус Старший 105

Метастазио Пьетро (Трапасси) 113, 122
 Метелко Франц (Metelko Franc) 126, 131, 135
 Метерлинк Морис 196, 200, 215, 224
 Меттерних Клеменс Вендель Лотарь 39, 190
 Метцингер Валентин (Metcinger Valentin) 34
 Мефодий, слав. первоучитель 18, 19
 Мешко Фран Ксавер (Meško Fran Ksaver) 190, 194, 217, 219, 222
 Мёдерендорфер Винко (Möderendorfer Vinko) 71
 Миклошич Фран (Miklošič Fran) 43, 72, 134, 136
 Мильчинский Фране (Milčinski Frane) 195
 Минаев Дмитрий Дмитриевич 193
 Михаил III, визант. имп. 18
 Михелич Янез (Mihelič Janez) 113
 Мицкевич Адам 11, 131, 133, 135, 139, 203
 Модест, еп. 17
 Модриняк Штефан (Modrinjak Štefan) 125, 127, 128, 152
 Моле Воеслав (Mole Vojeslav) 211
 Мольер Жан Батист 123
 Мурко Матия (Murko Matija) 55, 72
 Мурн (Александров) Йосип (Murn Aleksandrovič Josip) 195, 197, **203–205**, 206, 215, 224
 Мурник Радо (Murnik Rado) 195
 Муршец Йожеф (Muršec Jožef) 40, 134

Н
 Навратил Иван (Navratil Ivan) 72
 Наглич Мартин (Naglič Martin) 113
 Надеждин Николай Иванович 135
 Надсон Семён Яковлевич 193
 Наполеон I Бонапарт 148
 Нарат Иван (Narat Ivan) 125
 Некрасов Николай Алексеевич 172
 Нессельроде Карл Васильевич 191
 Никитин Иван Савич 193
 Новак Давид (Novak David) 125
 Новак Янез Крсник (Novak Janez Krstnik) 124

О
 Овидий Назон Публий 105, 113

Огринец Йосип (Ogrinec Josip) 179
 Ортенбурги, династия 24
 Освальд Яни (Oswald Jani) 81
 Оттокар II Пржемысл 24
 Оттокары, династия 23
 Оттон I, имп. Священной Римской империи 19

П

Павел I, рус. имп. 33
 Павел Диакон 73
 Павлова Муза Константиновна 145
 Пагловец Франц Михаэль (Paglovec Franc Mihael) 104, 233
 Палацкий Франтишек 42
 Патерну Борис (Paternu Boris) 118, 119, 142, 147, 155, 160, 182, 189, 197
 Петерлин – Петрушка Радивой (Peterlin Petruška Radivoj) 211
 Петрарка Франческо 141
 Петровых Мария Сергеевна 176
 Пинтар Ловро (Pintar Lovro) 134
 Писарев Дмитрий Иванович 11
 Плавец Габриэль (Plavec Gabriel) 34
 Платон 104
 Плелершник Макс (Pleteršnik Maks) 44
 Плещеев Алексей Николаевич 193
 Плиний Гай 139
 Погачник Йоже (Pogačnik Jože) 86, 102, 149, 164, 172, 182
 Поклукар Йоже (Poklukar Jože) 149
 Поточник Блаж (Potočnik Blaž) 128, 131
 Похлин Марко (Pohlin Marko) 36, 72, 97, 112, 115, 117, 133, 151
 Прегель Иван (Pregelj Ivan) 81
 Прегл Славко (Pregl Slavko) 14
 Преис Петр Иванович 135
 Прешерн Франце Ксаверий (Prešeren France Ksaverij) 10, 39, 62, 81, 106, 131, 132, 133, 135, 136, **137–147**, 148, 152, 154, 157, 159, 160, 161, 181, 183, 191, 196, 200, 201
 Прешерн Янез Керсник (Prešeren Janez Kersnik) 107
 Прибина, князь 20, 27
 Примич Янез Непомук (Primic Janez Nepomuk) 37, 126, 127, 128
 Примичова Юлия (Primicova Julija) 141
 Приятель Иван (Priatelj Ivan) 168

Пугель Милан (Pugelj Milan) 195, 219
 Пушкин Александр Сергеевич 11, 131, 135, 160, 172, 193, 196, 202
 Пыпин Александр Николаевич 7

Р

Равбар Криштоф (Ravbar Krištof) 31
 Равникар Матевж (Ravnikar Matevž) 39, 128
 Равникар Поженчан Матевж (Ravnikar Poženčan Matevž) 72
 Разлаг Радослав (Razlag Radoslav) 149
 Расин Жан 11
 Регали Йосип (Regali Josip) 217, 219
 Редескини Максимилиан (Redeskini Maksimilijan) 104
 Ремец Миха (Remec Miha) 82
 Репеж Филипп Якоб (Repež Filip Jakob) 104
 Рихтер Йозеф 123
 Рихтер Ф. 190
 Ричард III 180
 Ричард Львиное Сердце 23
 Робба Франческо 34
 Робидо Адольф (Robida Adolf) 226
 Рогерий Люблянский, Михаэль Краммер (Rogerij Ljubljanski, Mihael Krammer) 101, 102, 232
 Розман Андрей (Rozman Andrej) 14
 Ромуальд Штандрежский, Ловренц Марушич (Romuald Štandreški, Lovrenc Marušič) 103, 233
 Ростислав, князь 18
 Рудеж Йосип (Rudež Josip) 54, 72
 Рупел Мирко (Rupel Mirko) 231
 Руссо Жан Жак 117, 169
 Рыжова Майя Ильинична 160, 177, 184
 Рябова Евгения Ивановна 192, 213, 216

С

Савинец Андрей (Savinec Andrej) 95
 Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович 173, 193
 Само, слав. князь 16, 17
 Самойлов Давид Самуилович 146
 Светец Лука (Svetec Luka) 163, 164

Свибеньские (Svibenjski), аристокр. род 20
 Семьинин Пётр Андреевич 209
 Скалар Адам (Skalar Adam) 100, 233
 Скотт Вальтер 165
 Славинский Йосип Горуп (Slavinski Josip Gorup) 47
 Слатконя Юрий (Slatkonja Jurij) 31
 Слодняк Антон (Slodnjak Anton) 181
 Сломшек Антон Мартин (Slomšek Anton Martin) 40, 43, 71, 81, 134, 149
 Смоле Андрей (Smole Andrej) 133, 145
 Смотрицкий Мелетий 121
 Сной Йоже (Snoj Jože) 81, 82, 205
 Спасович Владимир Данилович 7
 Срезневский Измаил Иванович 135
 Станич Валентин (Stanič Valentin) 129
 Старикова Надежда Николаевна 157
 Стефанович Николай Владимирович 162
 Стржинар Ахаций (Stržinar Ahacij) 104, 107, 232
 Стриндберг Юхан Август 226
 Стритар Йосип (Stritar Josip) 11, 48, 152, 157, **169–171**, 173, 179, 181, 183
 Стрниша Грегор (Strniša Gregor) 81, 82
 Суворов Александр Васильевич 36
 Сурков Алексей Александрович 209

Т

Тавчар Иван (Tavčar Ivan) 49, 106, **173–174**, 183, 190, 194
 Таттенбах Иван Эразм (Tattenbach Jvan Erazem) 167
 Тауфер Вено (Taufner Veno) 81
 Толстой Лев Николаевич 172, 183, 193
 Толстой Никита Ильич 9
 Томшич Бернад (Tomšič Bernard) 150
 Томшич Марьян (Tomšič Marjan) 82
 Торкар Игор (Torkar Igor) 82
 Трдина Янез (Trdina Janez) 106, 152, **163–164**, **172–173**, 181, 182, 194

Трост Матия (Trost Matija) 95
 Трстеняк Даворин (Trstenjak Davorin) 72, 149, 150
 Трубар Примож (Trubar Primož) 32, 65, **92–94**, 95, 96, 128, 230, 231
 Трубар Фелициан (Trubar Felicijan) 95, 96
 Тургенев Иван Сергеевич 12, 171, 172, 173, 183, 189, 193
 Турнограйска, Урбанчич Йосипина (Turnograjska, Urbančič Josipina) **164–165**, 181

У

Уитмен Уолт 206, 207
 Ульрих фон Лихтенштейн (Ульрих Лихтенштейнский) 24, 228
 Унгнад Янез 93
 Урбас Вильем (Urbas Viljem) 72
 Усова Галина Сергеевна 178

Ф

Фердинанд I, имп. 91
 Фердинанд IV, король неапол. 144, 191
 Финжгар Салешки Фран (Finžgar Saleški Fran) 194, 215, 219, 225
 Флорьянчич Янез Штефан (Florijančič Janez Štefan) 107
 Форстнерич Франце (Forstnerič France) 82
 Франкопаны, хорватский род 165
 Франс Анатолий 207
 Франц IV, герцог 191
 Франц Иосиф I, имп. 51, 65
 Фрейдзон Владимир Израилевич 9
 Фридрих III, имп. 150
 Фунтек Антон (Funtek Anton) 222

Х

Хабьян Ерней (Habjan Jernej) 14
 Ханжич М (Hanžič Marko) 106
 Хольцапфел Игнаций (Holzapfel Ignacij) 131
 Хомяков Алексей Степанович 131
 Хотимир, князь 142
 Хрен Томаж (Hren Tomaž) 19, 99, 100, 232, 233
 Хрибар Антон (Hribar Anton) 82

Ч

Чандек Янез (Čandek Janez) 98, 99, 232

Челаковский Франтишек
Владислав 132, 134, 147
Чепелевская Татьяна Ивановна
174, 220, 221
Чернышевский Николай
Гаврилович 11, 171
Чехов Антон Павлович 172, 193
Чоп Матия (Čop Matija) 39, 124,
131–133, 136, 142, 145, 152
Чуркина Искра Васильевна 8

Ц

Цанкар Иван (Cankar Ivan) 13, 49,
81, 82, 172, 195, 196, 197, 198, 199,
202–203, **212–221**, **222–225**
Цветко Юрий (Cvetko Jurij) 126
Цебей (Cebej), династия художни-
ков 34
Цегнар Франце (Cegnar France) 182
Целестин Фран (Celestin Fran) 11,
171, 181, 183, 184
Цельский Герман (Celjski German)
165, 181
Цельские графы (Celjski grofje) 20,
24, 25, 31
Цельский Фридерик (Celjski Fride-
rik) 165
Цигале Матей (Cigale Matej) 144
Циглер Янез (Cigler Janez) 126, 148,
149
Цицерон Марк Туллий 104
Цойс Жига, Сигизмунд (Zois Žiga,
Sigismund) 36, 39, 54, 117, 118, 119,
123, 129, 138, 152

Ш

Шафарик Павел Йозеф 129, 133,
135, 137
Шашел Йосип (Šašel Josip) 72
Швайгер Янж (Schweiger Janž) 95
Шевченко Тарас Григорьевич 203
Шекспир Вильям 11, 123, 180, 209
Шёнлебен Янез Людвиг
(Schönleben Janez Ludvik) 34, 62, 98,
105, 107, 150, 232
Шеноа Аугуст (Август) 183
Шервинский Сергей Васильевич
141, 143
Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих
70, 123, 127, 135, 144, 158
Шкринар Йозеф (Škrinar Jožef) 116
Шлегель Август Вильгельм 132

Шлегель Фридрих 132
Шлёцер Август Людвиг 128
Шмигоц Янез Леопольд (Šmigoc
Janez Leopold) 126
Шмидт Криштоф 129, 148, 166
Шопенгауэр Артур 211
Шорли Иво (Šorli Ivo) 195, 215, 226
Шпангейм Бернгард 24
Шпангеймы, арист. род 24
Шрай Модест (Šraj Modest) 116
Штепанек Ян Непомук 150
Штегер Алеш (Šteger Aleš) 81
Штрекель Карел (Štrekelj Karel) 54,
71, 72, 184
Шустер Драбосняк Андрей (Šuster
Drabosnjak Andrej) 125, 129
Шуштершич Иван (Šušteršič Ivan)
52

Щ

Щербаков Алексей Алексеевич 192

Э

Эдлинг Янез Непомук (Edling Janez
Nepomuk) 113, 115
Эйншпицер Андрей (Einspieler
Andrej) 43, 47
Эллер Фран (Eller Fran) 211
Эразм Роттердамский 92
Эрьявец Фран (Erjavec Fran)
168–169

Ю

Юван Марко (Juvan Marko) 14
Юрчич Йосип (Jurčič Josip) 81, 106,
152, 157, 165–167, 179, 180, 181, 190
Юрчич Юрий (Jurčič Jurij) 95, 173,
174

Я

Ягеллоны, династия 25
Яклин Михаэл (Jaklin Mihael) 125
Янежич Антон (Janežič Anton) 43,
156, 182
Янез Светокрижский, Тобиа
Лионелли (Janez Svetokriški, Tobia
Lionelli) 71, **101–102**, 107, 232
Янчар Драго (Jančar Drago) 82
Япель Юрий (Japelj Jurij) 36, 115,
116, 117, 118, 222
Ярник Урбан (Jarnik Urban) 39, 72,
127, 128, 129, 135, 152

КРОТКО ОБ АВТОРАХ

М. Бершадская — к.ф.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета
Л. Видмар — сотрудник Института словенской литературы и литературоведческих наук Научно-исследовательского центра САНИ
М. Голеш Каучич — директор Музыкального этнографического института Научно-исследовательского центра САНИ
С. Гранда — сотрудник Института истории им. М.Коса Научно-исследовательского центра САНИ
М. Рыжова — к.ф.н., видный российский литературовед-словенист, в прошлом сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР
Н. Старикова — д.ф.н., в.н.с. Института славяноведения РАН, руководитель Центра по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, доцент МГУ им. М. В. Ломоносова
Й. Фаганел — директор издательства «Цельска Мохорьева дружба», сотрудник Института словенской литературы и литературоведческих наук Научно-исследовательского центра САНИ
Т. Чепелевская — к.ф.н., с.н.с. Института славяноведения РАН, профессор ГАСК

Научное издание

СЛОВЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
(ОТ ИСТОКОВ
ДО РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ)

Издательство «Индрик»

Корректор *Т. И. Томашевская*
Оригинал-макет *Г. А. Шпэт*

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other INDRIK publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
15,5 п. л. Тираж 800 экз. Заказ №